

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»

На правах рукописи

Ли Мэйци

Ли Мэйци

**МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗА КИТАЯ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО,
КИТАЙСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)**

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
Солопова Ольга Александровна
доктор филологических наук, доцент

Челябинск – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ОБРАЗА ГОСУДАРСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	13
1.1. Понятие политического дискурса в современной лингвистике	13
1.2. Исследование образа государства в политическом дискурсе	20
1.2.1. Образ государства как объект исследования сравнительного литературоведения	23
1.2.2. Проблема образа государства в области международных отношений ...	25
1.2.3. Изучение образа государства в лингвистическом ракурсе	27
1.3. Изучение метафоры в политическом дискурсе	32
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1.....	48
ГЛАВА 2. УНИВЕРСАЛЬНЫЕ МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ СО СФЕРОЙ- МИШЕНЬЮ «КИТАЙ» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РОССИИ, КИТАЯ И США.....	50
2.1. Материал исследования и алгоритм анализа.....	50
2.2. Системы метафорических моделей со сферой-мишенью «Китай» в российском, китайском и американском политическом дискурсе	52
2.3. Универсальные метафорические модели в российском, китайском и американском политическом дискурсе.....	57
2.3.1. Милитарная метафора.....	57
2.3.2. Метафора пути.....	66
2.3.3. Спортивная и игровая метафора	80
2.3.4. Метафора неживой природы	87
2.3.5. Метафора строительства.....	98
2.3.6. Метафора искусства	102
2.3.7. Педагогическая метафора.....	107
2.3.8. Метафора болезни	110
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2.....	113
ГЛАВА 3. НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА МЕТАФОР СО СФЕРОЙ- МИШЕНЬЮ «КИТАЙ» В КИТАЙСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.....	117
3.1. Метафора животного мира	117
3.2. Метафора растительного мира.....	122

3.3. МЕТАФОРА МЕХАНИЗМА.....	125
3.4. МЕТАФОРА ОРГАНИЗМА.....	127
3.5. МЕТАФОРА РОДСТВА.....	129
3.6. МЕТАФОРА ЦВЕТА.....	132
3.7. МЕТАФОРА МАТЕРИАЛА.....	134
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3.....	137
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	139
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	144

ВВЕДЕНИЕ

Политика реформ и открытости Китая привела к колоссальным изменениям во всех сферах жизни общества: Китай стал быстро развиваться и добиваться политических и экономических успехов. Его влияние на международной арене растет, увеличивается геополитическое значение государства и его роль в мировой экономике. Сейчас Китай занимает одну из лидирующих позиций в мире, поэтому актуальным и перспективным представляется исследование образа Китая, моделируемого в политическом дискурсе внутри страны и за рубежом.

В современных условиях СМИ представляют собой полноправный институт политической системы: функционирование политического дискурса напрямую связано с медиадискурсом, который способен задавать общественно-политические настроения, доминирующие интерпретации событий, управлять восприятием образа государства, трансформируя его в нужном ключе в зависимости от идеологических и целевых установок авторов текстов, гражданства и национальной принадлежности аудитории и других факторов.

Одним из эффективных способов создания образа государства является политическая метафора, которая позволяет манипулировать адресатом, мотивировать его к нужным действиям и оценкам, корректировать его поведение, мировоззрение и систему ценностей.

В качестве источников материала для анализа политических метафор со сферой-мишенью «Китай» выбраны дискурсы России, США и Китая; выбор обусловлен тем, что эти три крупных государства обладают несомненным авторитетом на мировой арене, их политические позиции достаточно весомы для того, чтобы оказывать значительное влияние на международную обстановку. В силу несовпадения политических целей трех указанных государств в дискурсе каждого из них сформирован особый образ Китая, что обусловлено различиями в политической идентичности в современном мире и взаимоотношениями между странами: с одной стороны, между Китаем и Россией, которая является его стратегическим партнером, с другой стороны, между Китаем и США, которые

выступают его ведущим конкурентом. Образ государства, созданный в дискурсе других стран, может оказывать положительное или отрицательное влияние на решения, принимаемые в отношении страны в международном сообществе во многих областях: экономической, политической, культурной и др. Ввиду этого изучение образа страны является **актуальным** как для продвижения национальных интересов в мировом сообществе, так и для международной и межкультурной коммуникации.

В качестве **объекта** исследования выступает метафорический образ Китая в современных политических дискурсах России, Китая и Америки.

Предметом исследования являются общие черты и специфические особенности метафорического моделирования образа Китая в российском, китайском и американском политическом дискурсе.

Цель исследования состоит в выявлении закономерностей функционирования метафорических словоупотреблений, репрезентирующих образ Китая в современных политических дискурсах России, Китая и США.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1) определить теоретическую базу исследования метафорического образа Китая в политическом дискурсе, рассмотреть подходы к исследованию образа государства в политическом дискурсе и к пониманию метафоры в различных направлениях лингвистики; уточнить методику анализа метафорических единиц в политическом дискурсе на материале трех языков;

2) сформировать и систематизировать массив материала российского, американского и китайского дискурсов; выявить метафоры, задействованные в создании образа Китая в каждом из дискурсов, создать систему метафорических моделей;

3) провести количественный и качественный анализ метафор со сферой-мишенью «Китай» в политическом дискурсе каждой страны и в сопоставительном ракурсе, установить общие черты и особенности;

4) выявить и сопоставить общие метафорические модели, участвующие в создании образа Китая в политическом дискурсе России, Китая и США;

проанализировать их структурные, лингвокультурные и дискурсивные особенности, прагматический потенциал;

5) проанализировать специфичные метафорические модели в каждом анализируемом дискурсе с учетом их структуры, лингвокультурной и дискурсивной специфики, прагматического потенциала.

В качестве **источников материала** исследования использованы влиятельные издания России: «Аргументы и факты», «Известия»; Китая: «Жэньминь жибао» (人民日报) и «Гуанмин жибао» (光明日报); США: «The Washington Post», «U.S. News». Выбранные источники материала являются авторитетными изданиями, в которых освещаются вопросы международной политики. «Аргументы и факты» – крупнейшая еженедельная общественно-политическая газета России, основанная в 1978 году, ее тираж – более 1,5 млн экземпляров. «Известия» – советская и российская общественно-политическая ежедневная газета, которая была основана в 1917 году, тираж газеты в России составляет 80 тыс. экземпляров. «Жэньминь жибао» – общегосударственная ежедневная газета, основанная в 1948 году, ее ежедневный тираж составляет 3,2 млн экземпляров. «Жэньминь жибао» является самым влиятельным изданием в Китае, с 1997 года имеет онлайн-версию, располагает более чем 70 корреспондентскими пунктами по всему миру, доступна на языках народов Китая и основных иностранных языках: русском, английском, французском, испанском, японском, арабском и других. «Гуанмин жибао» также является общенациональной ежедневной газетой с тиражом более 1 млн экземпляров, основана в 1949 году. Обе газеты представляют собой официальные печатные издания Центрального комитета Коммунистической партии Китая и имеют огромное влияние как внутри страны, так и за границей. «The Washington Post» – крупнейшая газета столицы Соединенных Штатов Америки, основанная в 1877 году, входит в число старейших и наиболее влиятельных изданий. Американский новостной журнал «U.S. News», основанный в 1933 году, на протяжении многих лет имеет статус одного из ведущих еженедельников, уделяющих повышенное внимание международным политическим и экономическим новостям.

Для формирования исследовательских корпусов методом сплошной выборки извлечены тексты по ключевым словам: «Китай» (Россия), «中国» (Китай), «China» (США), опубликованные с 2018 года по настоящее время. Причина выбора данного периода заключается в том, что торговая война между Китаем и Соединенными Штатами, официально начатая администрацией Д. Трампа в 2018 году, в последующие годы стала темой, вызывающей большую озабоченность на международной арене. Торговая война между Китаем и США не только угрожает стабильности мировой экономики и глобальному порядку, но и во многом определяет политические и экономические отношения между Китаем, Америкой и Россией, оказывая огромное влияние на оценку, формирование и тиражирование образа Китая в политическом дискурсе трех стран.

Материалом для исследования послужили 171 метафорическая единица на русском языке, 1010 метафор на китайском языке и 458 метафорических единиц на английском языке.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые предпринята попытка анализа метафорического образа Китая на материале трех языков: русского, китайского и английского в сопоставительном ракурсе. Выявлены универсальные метафорические модели, типичные для моделирования образа Китая как в дискурсе самого государства, так и в дискурсах его стратегических партнера и оппонента. Определены уникальные национально-специфичные черты в метафорическом представлении образа Китая, типичные для одного / двух дискурсов, обусловленные лингвокультурными и дискурсивными факторами.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что исследование вносит вклад в дальнейшее развитие теории дискурса, политического дискурса, политической метафоры и сопоставительного языкознания. Проведенный анализ позволяет уточнить научные представления об универсальных и специфических закономерностях метафоризации в политическом дискурсе на материале различных языков.

Практическая ценность работы заключается в том, что ее результаты представляют интерес для широкого круга специалистов в области политической лингвистики. Материалы и результаты исследования могут быть приняты во внимание при проведении дальнейших исследований по теории метафорического моделирования в национальных политических дискурсах, а также использованы в спецкурсах по дискурсу, политической лингвистике, политической метафоре, межкультурной коммуникации, при подготовке словарей политической метафоры.

Теоретико-методологическую базу исследования составили труды российских и зарубежных исследователей, выполненные в русле следующих научных направлений:

- теория дискурса (Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Т. Ван Дейк, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, М. Л. Макаров, П. Рикёр, Ю. С. Степанов, М. Фуко, Е. И. Шейгал, Ши Сюй (施旭));

- политическая лингвистика (Э. В. Будаев, Т. Ван Дейк, Лу Тинтин (卢婷), Сунь Цзишэн (孙吉胜), О. А. Солопова, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал);

- теория метафоры (Н. Д. Арутюнова, Э. В. Будаев, М. Джонсон, Дж. Лакофф, Лань Чунь (蓝纯), М. В. Никитин, О. А. Солопова, М. Тернер, Ж. Фоконье, Ху Чжуанлинь (胡壮麟), А. П. Чудинов, Шу Динфан (束定芳)).

В ходе исследования применяются такие **методы и приемы**, как описательный метод, сопоставительный анализ, когнитивно-дискурсивный анализ, лингвокультурологический анализ, метод метафорического моделирования, метод сплошной выборки, прием количественных подсчетов.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Образ Китая является частотной сферой-мишенью метафорической экспансии в российском, китайском и американском политических дискурсах, что свидетельствует, с одной стороны, о важной роли образа государства в национальном политическом дискурсе Китая, его геополитического партнера (России) и оппонента (США), с другой – о значимости метафоры как средства

формирования образа собственной страны и образа другого государства в трех дискурсах.

2. Общие метафорические модели со сферой-мишенью «Китай» в политических дискурсах России, Китая и США представлены метафорами со сферами-источниками «война», «путь», «спорт и игра», «неживая природа», «болезнь», «искусство», «строительство», «педагогика», четыре из них («война», «путь», «спорт и игра», «неживая природа») являются доминантными для каждого дискурса, что доказывает универсальность моделей при метафорическом представлении образа государства.

3. Наличие специфичных сфер-источников в китайском и американском дискурсах: «животный мир», «растительный мир», «механизм», «организм», в китайском дискурсе: «цвет», «родство», «материал», различие в степени метафоричности трех дискурсов обусловлены особенностями национальных языков, лингвокультурными характеристиками, историческими традициями, национальным менталитетом, своеобразием политической культуры и политического поведения носителей языка. В российском политическом дискурсе специфичных моделей не обнаружено: восемь зафиксированных метафорических моделей совпадают с выявленными в китайском и американском дискурсах.

4. При моделировании образа Китая абсолютное большинство метафор в китайском политическом дискурсе создает положительный образ передового, развитого и могущественного государства; в российском политическом дискурсе метафорический образ Китая как стратегического партнера России положителен или нейтрален; в американском политическом дискурсе моделируется отрицательный политический образ Китая как государства, которое провоцирует международные конфликты и кризисы, экономический образ Китая преимущественно положителен.

Достоверность результатов исследования обеспечена объемом проанализированного материала, извлеченного из авторитетных, влиятельных изданий на русском, китайском и английском языках, использованием

современных методов изучения метафоры в политическом дискурсе, опорой на классические и современные достижения языкознания.

Апробация работы. Теоретические и методологические аспекты исследования, а также его основные результаты обсуждались на кафедре лингвистики и перевода Южно-Уральского государственного университета. Материалы диссертации были представлены автором в докладах на четырнадцати мероприятиях: ежегодной научной конференции аспирантов и докторантов ЮУрГУ (Челябинск, 2021, 2022, 2023), ежегодном научно-методическом семинаре сотрудников ЮУрГУ (Челябинск, 2021, 2022, 2023), ежегодной межвузовской студенческой научно-практической конференции «Актуальные проблемы в науке: взгляд молодых» (Челябинск 2021, 2022), X Международном конгрессе по когнитивной лингвистике (Екатеринбург, 2020), XI Международной научной конференции «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» (Челябинск, 2022), межвузовской студенческой научно-практической конференции «Диалог на геополитическом пространстве Евразии: взгляд молодых» (Челябинск, 2022), ежегодном международном симпозиуме «Государство. Политика. Социум» (Екатеринбург, 2022), XVIII Международной научно-практической конференции молодых ученых «Язык. Культура. Коммуникация» в рамках «Филологической ассамблеи» (Челябинск, 2023), Международная научная конференция «Когнитивная лингвистика в контексте современной науки» (Челябинск, 2023).

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

1. Ли Мэйци. Метафорическое моделирование образа Китая в современном политическом дискурсе / М. Ли, О.А. Солопова // Политическая лингвистика. – 2021. – № 2 (86). – С. 98–105. (8 с. / 5 с.)
2. Ли Мэйци. Гидронимные метафоры в современном китайском политическом дискурсе. Когнитивные исследования языка / М. Ли // Когнитивные исследования языка. – 2023. – № 4 (55). – С. 135–138.

3. Солопова, О.А. Механизмы и стратегии моделирования образа государства / О.А. Солопова, М. Ли // Когнитивные исследования языка. – 2023. – № 4 (55). – С. 152–155. (4 с. / 3 с.)

4. Ли Мэйци. Китай как сфера-мишень метафорической экспансии в современном китайском политическом дискурсе / М. Ли, О.А. Солопова // Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология. – 2021. – № 1. – С. 21–34. (14 с. / 8 с.)

5. Ли Мэйци. Политическая метафора: подходы к исследованию / М. Ли // STUDIUM JUVENIS: Межвузовский сборник трудов молодых ученых / отв. ред. Н. Н. Кошкарлова; Библиотека А. Миллера. Челябинск, 2021. – Вып. 13. – С. 30–35.

6. Li Meiqi. China as a target domain of metaphors in Chinese media discourse / M. Li // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы XI Междунар. науч. конф. (Челябинск, 7–9 апреля 2022 г.): в 2 ч. Ч. 2 / отв. ред. Л. А. Нефедова; Изд-во Челяб. гос. ун-та. Челябинск, 2022. – С. 97–103.

7. Ли Мэйци. Исследование образа государства в политическом дискурсе / М. Ли // STUDIUM JUVENIS: Межвузовский сборник трудов молодых ученых / науч. ред. О. Н. Кондратьева, отв. ред. Н. Н. Кошкарлова; Библиотека А. Миллера. Челябинск. – 2022. – Вып. 14. – С. 156–160.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы.

Во введении обоснована актуальность темы исследования, сформулированы цели и задачи работы, определены методы и объект исследования, представлены научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, приведены положения, выносимые на защиту.

В главе I «Теоретические основы исследования метафорического образа государства в политическом дискурсе» представлен теоретический обзор научных работ по теме исследования и описаны различные научные подходы к изучаемой проблематике. Рассматривается вопрос о моделировании образа государства в рамках различных направлений, анализируется содержание понятий

политического дискурса и концептуальной метафоры, изучается специфика функционирования метафоры в политическом дискурсе.

В главе II «Универсальные метафорические модели со сферой-мишенью “Китай” в политическом дискурсе России, Китая и США» представлены системы метафорических моделей в российском, китайском и американском политическом дискурсе, приводится анализ частотности и структуры универсальных метафорических моделей со сферой-мишенью «Китай» в политических дискурсах России, Китая и США, устанавливаются общие черты и особенности использования универсальных метафорических моделей для репрезентации образа Китая в политическом дискурсе трех стран в сопоставительном ракурсе.

В главе III «Национальная специфика метафор со сферой-мишенью “Китай” в китайском и американском политическом дискурсе» представлены результаты изучения национально-специфичных моделей в политическом дискурсе двух государств с учетом лингвокультурных и экстрадискурсивных факторов; в российском дискурсе специфичных моделей не выявлено.

В заключении подводятся основные итоги проделанной работы, в обобщенном виде излагаются практические результаты изучения рассмотренных проблем, намечаются перспективы дальнейшего изучения объекта исследования и углубления проблемы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ОБРАЗА ГОСУДАРСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

1.1. Понятие политического дискурса в современной лингвистике

Осуществление политики неотделимо от языка и политической риторики. Со времен Древней Греции риторика всегда была важной частью политики, культуры, общества, экономики и образования. С конца 1970-х годов с развитием критической лингвистики и критического анализа дискурса политический дискурс как предмет анализа привлекает все большее внимание ученых. Аристотель считал, что человек есть политическое животное, а политика неразрывно связана с языком [Aristotle 1997]. Как отмечает К. Шаффнер, язык играет важную роль в процессе превращения политических устремлений в социальное поведение, и любые политические действия готовятся, сопровождаются, контролируются с помощью языка [Schaffner 1996]. По мнению П. А. Чилтона и К. Шаффнера, «в широком смысле использование языка социальными группами в конечном счете приводит к тому, что мы называем “языком политики”» [Chilton, Schaffner 1997: 207]. Дж. Лакофф считает, что «политика – это язык, а язык – это политика» [Lakoff 1990: 13]. Без сомнения, политика и язык неотделимы друг от друга.

В лингвистической литературе термин «политический дискурс» употребляется в двух смыслах: узком и широком. При узком понимании политический дискурс будет ограничен только институциональными формами общения. Д. Грабер считает, что политический дискурс – это только общение по политическим вопросам в политических институтах между политическими чиновниками в политических целях [Graber 1981: 196]. Т. ван Дейк определяет политический дискурс как «дискурс политиков, реализуемый в виде правительственных документов, парламентских дебатов, партийных программ, речей политиков» [van Dijk 1989: 8]. Другими словами, политический дискурс в

узком смысле относится к дискурсу политической элиты по конкретным политическим вопросам [Kampf 2015; Randour et al. 2020].

В широком смысле политический дискурс включает не только речь политиков, но и все тексты политического характера. С этой точки зрения политический дискурс не ограничивается только политической сферой, он также присутствует в повседневной жизни. Существует три основных трактовки повседневного политического дискурса: 1) в повседневном общении граждан все, что относится к политическим событиям или политическим вопросам, является политическим дискурсом [Hoffman 2015], например, семейный разговор о политическом событии [Liebes, Ribak 1991], обсуждение политических вопросов в компании [Mutz & Mondak 2006]; 2) ежедневные разговоры политической элиты «вне политической сцены» также относятся к политическому дискурсу [Kampf 2015]; 3) все дискурсы можно считать политическими, например, П. Чилтон и К. Шеффнер отмечают, что политический дискурс может быть понят в широком смысле и включает в себя «различные формы представления власти на любом уровне» [Chilton & Schäffner 2002: 6]. Е. И. Шейгал рассматривает политический дискурс как «речь, текст, диалог», «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относятся к сфере политики» [Шейгал 2004].

Политический дискурс – это определенная форма языка, используемая участниками политической деятельности для достижения цели общения. Это инструмент политической коммуникации и символический носитель политической информации [Wang Handong, Hu Huatao 2006: 41]. Из-за различия в подходах лингвисты предлагают различные определения политического дискурса.

А. Н. Баранов и Е. Г. Казакевич понимают политический дискурс как «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [Баранов, Казакевич 1991: 6]. А. Н. Баранов предлагает определение политического дискурса как «совокупности дискурсивных практик, идентифицирующих участников политического дискурса как таковых или

формирующих конкретную тематику политической коммуникации» [Баранов 2001: 246].

По мнению Е. Ю. Глотовой, политический дискурс – это «все вербальные и невербальные выступления политических деятелей, обозревателей, журналистов, писателей, публицистов на различные темы, затрагивающие вопросы политики» [Глотова 2008: 155].

Н. А. Герасименко определяет политический дискурс как «сумму речевых произведений в определенном паралингвистическом контексте – контексте политической деятельности, политических взглядов и убеждений, включая негативные ее проявления» [Герасименко 1998: 20].

П. А. Чилтон и К. Шаффнер связывают между собой политику, власть и оппозицию власти, выделяя четыре типа функций политического дискурса: 1) принуждение; 2) сопротивление, оппозиция, протест; 3) симуляция; 4) легитимизация и делегитимация. Исследователи считают, что дискурс, который выражает эти четыре стратегические функции, является политическим [Chilton, Schaffner 1997: 212].

Д. Уилсон полагает, что анализ политического дискурса должен быть в основном сосредоточен на «формальном и неформальном политическом контексте и политических участниках, особенно на тех политиках, политических организациях, правительствах, политических средствах массовой информации и политических сторонниках, которые предпринимают определенные действия в политической среде для достижения конкретных политических целей» [Wilson 2001: 399].

Б. Макнейр предлагает собственное определение политического дискурса как «целенаправленной коммуникации вокруг политики», которая включает 1) различные формы коммуникации между политиками и другими политическими деятелями для достижения конкретной цели; 2) коммуникацию политиков и неполитических деятелей, таких как избиратели и корреспонденты; 3) коммуникацию в прессе, в передовой статье, других средствах массовой информации при обсуждении деятельности политиков. Б. Макнейр отмечает, что

все разновидности политического дискурса включены в это определение [McNair 2011].

Несмотря на то что изучение политического дискурса в Китае находится на этапе становления, существует ряд работ, посвященных этой проблематике. Ма Минь отмечает, что «политический язык – это, по сути, приобретенный язык, который отличается от языка повседневной жизни» [Ma Min 2004: 34]. В целом китайские ученые считают, что политическим дискурсом является совокупность дискурсивных практик, связанных с политикой, которые участники политической деятельности (например, политические партии, политики, политические организации, ассоциации, органы) используют для достижения своих коммуникативных целей. Политический дискурс включает в себя политические выступления, политические интервью, политические декларации, передовые статьи, политические пресс-конференции, политические репортажи, «белые книги» (white paper, официальное сообщение в письменном виде) и специальные политические разделы.

Существуют различные направления в изучении проблем политического дискурса. Исследования жанровых и риторических особенностей политического дискурса в основном сосредоточены на анализе выступлений лидеров государства [Будаев, Чудинов 2006; Zhang Chengjin, Zhang Shizhong 2010]. Ученые считают, что выступления политических лидеров обычно выражают политические взгляды всего государства. В своих выступлениях политики не только предоставляют адресату определенную информацию, но и стараются привлечь внимание и убедить адресата, чтобы в конечном итоге он поддержал нужную позицию. Использование разноуровневых лингвистических средств может сформировать необходимое мнение и способствовать достижению вышеуказанной цели.

В книге Г. Саймонса и А. Агазаряна «Form, genre, and the study of political discourse» собраны исследования ученых по риторическим особенностям инаугурационной речи президента [Simons, Aghazarian 1986]. С. Элспасс исследует единицы и стиль парламентской речи [Elspass 2002]. Пан Цзяньжун анализирует диффузность стилистики политического дискурса (главным образом в

политических новостях и в президентской речи). Пан Цзяньжун рассматривает принципы организации политического дискурса: принцип сотрудничества, принцип релевантности, принцип вежливости, принцип эффективности и т.д., что способствует дальнейшему изучению проблематики стиля в политике в китайской дискурсологии [Pang Jianrong 2004]. Российский ученый М. А. Семкин проводит анализ стилистических средств в дискурсе политического комментария [Семкин 2012]. Р. В. Бредихина сосредоточивает внимание на изучении лексико-стилистических особенностей риторики в современном американском политическом дискурсе [Атьман 2009]. П. А. Крекотень исследует использование выразительных средств языка в политическом дискурсе, сравнивает и анализирует политический дискурс Д. Трампа, В. В. Путина и Т. Мэй на трех уровнях: лексическом, синтаксическом и морфологическом [Крекотень 2019]. Китайские ученые исследуют риторические средства в инаугурационной речи президентов США (параллелизм, эмфаза, повторение, метафора и др.) и проблемы перевода, а также устанавливают функции этих стилистических средств [Cui Yinghui 2015; Zhang Li 2008]. Некоторые ученые фокусируют внимание на метонимии [Ковязина 2017; Сурова 2016; Polzenhagen 2014] и аналогии [Zglobiu 2006] в политическом дискурсе.

Ряд исследователей изучает проблемы, обуславливающие специфику и сложность перевода политического текста с точки зрения межъязыкового и межкультурного взаимодействия [Лобанова 2013; Сергиенко 2019; Ji Jiaojiao 2022]. М. Ю. Бродский рассматривает перевод текстов, относящихся к политическому дискурсу, в русле текстологического анализа, метафорологии и интертекстуальности. Ученый считает, что переводоведческий взгляд может оказаться плодотворным для дальнейшего развития политической лингвистики [Бродский 2011]. Сунь Ихэй исследует взаимосвязь между языком и властью в политическом дискурсе и рассматривает данную взаимосвязь в трех различных измерениях: в тексте, дискурсе и социокультурном контексте [Sun Yihe 2020] и т.д.

В последнее время в связи с развитием когнитивной лингвистики, стали особенно актуальны исследования политического дискурса в когнитивно-

прагматическом аспекте. Многие лингвисты используют инструменты и методы когнитивной лингвистики для изучения политического дискурса и других дискурсивных явлений: метафоры, метонимии, категоризации и концептуализации. Например, Р. Мерфи изучает речевой акт извинения в британском политическом дискурсе [Murphy 2015]. Б. Аль Гублан анализирует предвыборный политический дискурс в русле теории лингвистической адаптации [Al-Gublan 2015]. Дж. Чартерис-Блэк в своей работе изучает, как политики используют метафору для реализации функции убеждения и получения политического лидерства [Charteris-Black 2011]. Н. Лю исследует когнитивную метафору в рамках теории концептуального синтеза на материале политических комиксов [Liu Na 2013]. Б. Медоуз рассматривает метафорические и метонимические стратегии, принятые в некоторых публичных выступлениях администрации Буша по поводу войны в Ираке в 2004–2005 годах [Meadows 2007]. Д. Уилсон использует прагматическую теорию, импликацию дискурса для анализа политического дискурса и политических метафор [Wilson 2001]. А. П. Чудинов сосредоточивает свое внимание на исследовании метафоры в политическом дискурсе, разрабатывает теорию метафорического моделирования, которая играет важную роль в изучении политического дискурса [Чудинов 2020] и др.

Ученые считают, что политический дискурс не может существовать вне идеологии, он основывается на идеологии и отражает ее [Fairclough 2001; van Dijk 1993, 1998]. В фокусе внимания исследователей находятся проблемы имплицитного использования власти и идеологии в политическом дискурсе для контроля над поведением, идеями, мнениями аудитории или манипуляции ими [Бочарова 2013; Сагайдачная 2007; Fairclough 2011]. Например, в книге «Analysing Political Speeches: Rhetoric, Discourse and Metaphor» Дж. Чартерис-Блэка с точки зрения критического дискурс-анализа и метафорического анализа рассматриваются политическая речь, скрытая идеология и «конструирование» политического языка [Charteris-Black 2014].

Рядом ученых проводятся исследования в направлении критического дискурс-анализа. Концепция критического дискурс-анализа впервые появилась в

книге «Language and Control» [Language and Control 1979]. Появление работ Н. Фэйрклоу [Fairclough 1995], Р. Водак [Wodak 1989] и Т. ван Дейка [van Dijk 1993] ознаменовало формирование теории критического дискурс-анализа (CDA). В рамках критического дискурс-анализа исследователи используют методы прагматики, когнитивной лингвистики и корпусного анализа для изучения метафоры в дискурсе, чтобы выявить реальное отношение, намерения и эмоции адресантов, скрытые за дискурсом. В настоящее время критический дискурс-анализ стал важным инструментом лингвистической науки. В книге под редакцией Р. Водак и М. Мейера «Methods of Critical Discourses Analysis» выделяется три основных подхода к критическому дискурс-анализу: 1) социокогнитивный подход (Socio-Cognitive Approach) (Т.А. van Dijk); 2) диалектико-реляционный подход (Dialectical-Relational Approach) (N. Fairclough); 3) дискурсивно-исторический подход (Discourse-Historical Approach) (R. Wodak) [Meyer, Wodak 2001]. Эти методы способствуют расширению исследования политического дискурса. Кроме того, к дополнительным направлениям критического анализа политического дискурса отнесены диспозитивный анализ (Dispositive Analysis) (М. Foucault), Дуйсбургская школа критического дискурс-анализа (Duisburg School of Critical Discourse Analysis) (S. Jäger, M. Meyer), опосредованный дискурс-анализ (Mediated Discourse Analysis) (R. Scollon, S. Scollon), методы корпусной лингвистики (Corpus Linguistics Approach) и др. Р. Водак исследует политическую речь в русле теории дискурсивно-исторического подхода в критическом дискурс-анализе, рассматривает создание и восстановление национальной и культурной идентичности [Wodak 2001]. Другой исследователь относит к политической коммуникации все, что может способствовать убеждению аудитории и содействовать достижению цели политика [Xue Zhongyi 2012].

Некоторые ученые изучают политический дискурс с других исследовательских позиций. М. Эдельман отмечает, что в большинстве случаев политический язык используется не для объективного разъяснения проблемы, а в основном — для отвлечения внимания. Точность не является основной характеристикой политического языка, его главная функция заключается в том,

чтобы освещать политические события [Edelman 1985]. Чэнь Лицзянь изучает отношение между культурным контекстом и политическим дискурсом, сравнивая выступления на политических пресс-конференциях на материале китайского и английского языков. Исследователь считает, что необходимо изучать контекст, порождающий политический дискурс, – отношения между участниками политического дискурса и общественными органами, которые формируют дискурс, подчеркивает, что при изучении языка политики и подлинности его значения мы должны не только понимать буквальное и словарное значение лексических единиц, но и глубоко изучать конкретные модели, конкретные языковые выражения политического языка, а также наблюдать за различными реакциями слушателей на эти модели выражения в разных условиях [Chen Lijiang 2007].

Таким образом, политический дискурс как специфическая разновидность дискурса влияет на движение политических процессов, обслуживает различные виды политической деятельности и представляет собой дискурс участников в формальном или неформальном политическом контексте. Начиная с прошлого века анализ политического дискурса постепенно входит в сферу лингвистических исследований, особое внимание изучению политического дискурса уделяется в области лингвистики в последние десятилетия. Ученые фокусируют внимание на различных направлениях в изучении проблем политического дискурса: на исследованиях жанровых и риторических особенностей политического дискурса; исследованиях политического дискурса в когнитивно-прагматическом аспекте; взаимоотношениях идеологии, власти и политического дискурса; а также на популярном и широко используемом научном подходе – критическом дискурс-анализе.

1.2. Исследование образа государства в политическом дискурсе

С развитием информатизации и глобализации образ государства становится одним из важных факторов, влияющих на геополитический диалог между странами. Г. Моргентау считает, что образ государства является неотъемлемым

элементом системы международных отношений, точно так же, как образ человека – в межличностных отношениях. Г. Моргентау подчеркивает: «То, что определяет, кто мы есть – это наш образ в зеркале сердец других, а не наш первоначальный образ; образ в зеркале может быть лишь искаженным отражением первоначального образа» [Morgenthau 1948].

Сунь Ючжун различает внутренний и внешний образы государства, которые зачастую сильно отличаются друг от друга. Образ государства в значительной степени зависит от совокупной мощи государства, однако он не может быть просто приравнен к реальной ситуации, поскольку в определенной степени он всегда конструируется намеренно [Sun Youzhong 2002].

В эпоху глобализации образ государства рассматривается как значимый фактор, который играет важную роль в повышении влияния и привлекательности страны на международной арене.

В последние годы изучение образа государства занимает одно из основных мест в исследованиях в области международной коммуникации, международной политики и дискурсологии. Изучение вопроса об образе государства имеет огромное практическое значение для того, чтобы понять, как он изменяется на международной арене и как эти изменения влияют на международное положение страны. Указанной проблематике ученые западных стран посвятили обширные исследования еще в середине XX века.

Американский экономист Э. Боулдинг сформулировал определение образа как «поведенческого стереотипа, основанного не на действительных фактах, а на престиже, мнениях, иллюзиях, которые люди создают о самих себе, на мифологическом представлении о прошлом, на воображаемом представлении о будущем, способных влиять как на поступки отдельных личностей или групп, так и на поведение целых наций» [Boulding 1956]. Э. Боулдинг впервые ввел понятие образа государства в 1956 году; он считает, что образ государства – это сочетание восприятия государством самого себя и другими субъектами в международной системе. В то же время исследователь отмечает, что впечатление одной страны о

другой часто влияет на ее политику в отношении этой страны и, следовательно, на взаимоотношения между странами [Boulding 1956].

И. Мартин и С. Эроглу утверждают, что образ государства представляет собой совокупность всех описательных, умозрительных и информационных убеждений человека в отношении той или иной страны, и это впечатление в основном связано с политическим, экономическим и научно-техническим аспектами развития [Eroglu, Martin 1993].

Ю. Яффе и А. Небенцаль в книге «Образ страны и конкурентное преимущество» («National image and competitive advantage») отмечают, что каждая страна имеет образ – либо положительный, либо отрицательный. Одни страны рассматриваются как праведные и прогрессивные государства, другие – как безнравственные и агрессивные. Эти впечатления влияют на оценку и выбор иностранных инвесторов [Jaffe 2005].

Чжао Сюэбо считает, что величины, составляющие образ страны, делятся на постоянные и переменные; к числу постоянных величин относятся география, население, история; переменные величины включают форму правления, экономику, военные силы, культуру и т.д. Улучшение или негативизация образа страны в значительной степени зависят от изменения переменных величин [Zhao Xuebo 2006].

Лю Яньфан полагает, что составными элементами образа государства являются материальная основа, политическая система, культурная концепция, идеология и национальный дух. На основе анализа указанных компонентов можно классифицировать образы государства с точки зрения материальной основы (бедные и богатые), политической системы (социалистические и капиталистические), культурной концепции (западные и восточные), идеологии (социалистические и капиталистические) и национального духа. Образ государства – это результат взаимодействия и интеграции различных составляющих его элементов. В определенный период времени один доминирующий элемент или несколько элементов влияют на формирование образа страны, признанного международным сообществом [Liu Yanfang 2007].

В современной науке исследование образа государства проводится с различных исследовательских позиций.

1.2.1. Образ государства как объект исследования сравнительного литературоведения

Образ государства в области сравнительного литературоведения относится к исследовательской категории имагологии. Ученые анализируют динамику образа государства: как он формируется, распространяется и вербализуется в иностранной литературе, изучают социальные и культурные предпосылки формирования образа «чужого» государства и образа своей страны в литературе других стран [Gao Xudong 2011: 82].

В настоящее время в мире опубликовано множество работ, посвященных образу государства в литературе других стран. М. Палушкевич-Мисячек изучает образ мифической Канады в польской литературе и считает, что в народном воображении Польши Канада обычно воспринимается как процветающая страна, предлагающая практически неограниченные возможности развития для своих граждан. М. Палушкевич-Мисячек полагает, что этот образ заимствован из популярных литературных произведений, опубликованных в XX веке [Paluszkiewicz-Misiaczek 2014].

Н. Первухина-Камышникова в исследовании «Россия в представлении американцев: истоки образа и его эволюция» предпринимает попытку проследить основные механизмы восприятия американцами России, проанализировать сопутствующие этому процессу мифы о национальном своеобразии и дать объяснение современному отношению США к России [Первухина-Камышникова 2007].

В. Б. Земсков изучает образ России прошлого и современности в культуре и литературе Европы и Америки с конца XX до начала XXI вв. [Земсков 2011]. И. В. Купцова исследует трансформацию образов Англии в сознании российской художественной интеллигенции в годы Первой мировой войны [Купцова 2017].

Е. А. Третьяченко анализирует образ Советской России в 1917–1920 годы, в 1920–1940 годы, в период Великой Отечественной войны и холодной войны в творчестве американских писателей в историко-культурном контексте [Третьяченко 2010].

Некоторые ученые рассматривают образы отдельных регионов: например, Е. Е. Соловьева исследует образ Петербурга у Конрада в контексте английской литературы XX в. [Соловьева 2012], Е. А. Гладких изучает образ мексиканской Калифорнии в американской литературе середины XIX века [Гладких 2012].

Чжоу Нин исследует историю образа Китая на Западе на протяжении более семи столетий; в качестве принципа анализа и выявления трех типов утопического образа Китая и трех типов идеологического образа Китая выбрано просветительное движение [Zhou Ning 2006]. В другой работе Чжоу Нин проводит диахроническое исследование, разделив XX век на четыре четверти; ученый обнаруживает, что образ Китая на Западе менялся четыре раза: от отрицательного к положительному в первой и третьей четвертях века, во второй и четвертой четвертях – в обратной динамике [Zhou Ning 2008].

Цзян Чжицин изучает представление, формирование и тиражирование образа Китая в английской и американской литературе с точки зрения сравнительного литературоведения, выявляя те социальные и культурные факторы, которые лежат в основе формирования этого образа [Jiang Zhiqin 2008].

В серии книг «Образ Китая в мире» представлены работы по изучению образа Китая в литературе России, Японии, Индии, Юго-Восточной Азии, США, Западной Европы, Африки, Аравии и Латинской Америки, что значительно расширяет сферу исследований образа Китая [Zhou Ning 2007].

Некоторые ученые исследуют образ государства в детской литературе. Р. Ливайн в работе «Социализация, социальная структура и образ общества» отмечает, что индивидуальные особенности и среда жизни в раннем возрасте человека являются важными критериями для определения образа страны. С психологической точки зрения информация и привычки, которые человек получает и усваивает на раннем этапе, могут повлиять на его восприятие образа страны [Le Vine 1965]. Г. А. Велигорский исследует негативный образ России в детской

литературе Великобритании с конца XIX до начала XX века и утверждает, что детская литература формирует сознание читателей на ранних стадиях [Велигорский 2020].

Таким образом, на протяжении тысячелетий литература всегда была и до сих пор остается важным средством межкультурного формирования и распространения национального имиджа, что обуславливает интерес научного сообщества к изучению образов тех или иных государств, которые сформированы в литературных произведениях разных стран.

1.2.2. Проблема образа государства в области международных отношений

Книгу Э. Боулдинга «The images: knowledge in life and society» можно рассматривать как новаторскую работу, посвященную изучению взаимосвязи между образом государства и международной политикой. Э. Боулдинг рассматривает образ государства как субъективное знание, которое не отражает реальной действительности [Boulding 1959]. Во время холодной войны Соединенными Штатами и Советским Союзом было проведено множество исследований образа врага в области международных отношений. Оле Р. Холсти методом контент-анализа проанализировал публичное выступление Государственного секретаря США Дж. Даллеса и обнаружил, что восприятие Даллесом Советского Союза как враждебной страны трудно изменить, поскольку его представление обусловлено когнитивными стереотипами мышления [Holsti 1962]. Р. Джарвис исследует взаимосвязь между образом государства и международными отношениями с использованием методов психологического анализа, а также анализирует процесс восприятия и влияние ложного восприятия на политику страны и ее лидеров [Robert Jarvis 1962]. А. В. Юрченко и В. В. Малай рассматривают причины создания образа врага на международной арене с точки зрения психологических и социокультурных аспектов [Малай, Юрченко 2022]. Г. И. Козырев исследует образ внешнего врага как фактор легитимации политического режима в современной России [Козырев 2018].

После окончания холодной войны изучение образа государства в области международных отношений более не ограничивается исследованиями образа врага. В рамках когнитивистики появляются новые теории и разработки. Р. Херрманн и М. Фишеркеллер в статье «Beyond the enemy image and spiral model: Cognitive strategic research after the cold war» выделяют пять типов образа государства: образ врага (enemy image), образ дегенерата (degenerate image), образ колонизатора (colony image), образ империалиста (imperialist image) и образ союзника (ally image). Авторы считают, что пять различных образов страны приводят к принятию различных стратегий в отношении государства, которое соответствует тому или иному образу, соответственно, эти стратегии будут порождать конкуренцию, конфликты или сотрудничество в международных отношениях [Herrmann, Fischerkeller 1995].

Американский политолог А. Вендт в книге «Social theory of international politics» выделяет три вида культуры анархии в международных отношениях: гоббсовская (Hobbesian culture), где доминирует вражда, локковская (Lockean culture), в которой доминирует соперничество, и кантианская (Kantian culture), где доминирует дружба [Wendt 1999].

И. Ю. Киселев изучает конструктивистскую парадигму образа государства в международных отношениях [Киселев 2007]. Ученый анализирует основные механизмы, влияющие на поведение государств на международной арене в связи с изменением их образов. Он считает, что внешнеполитические решения определяются как значениями, которые государства приписывают социальным объектам, так и тем, как эти государства сами воспринимают себя (Я-образы) [Там же].

Китайский ученый У Юфу выделяет следующие компоненты в образе государства: экономический образ, образ безопасности, культурный образ, образ правительства и образ народа [Wu Youfu 2009]. Дин Лей анализирует внутреннюю взаимосвязь между образом государства и межгосударственным поведением в международной системе, коннотацию и взаимосвязь элементов образа государства, глубокую динамическую структуру образа государства, пути реализации,

механизмы формирования, изменения и влияния образа государства на межгосударственное поведение [Ding Lei 2010]. Цзинь Чжэнкунь и Сюй Цинчао анализируют практику создания образа Китая с момента основания нового Китая с точки зрения дипломатии и международной политики, а также исследуют существующие проблемы, которые необходимо решить в формировании и трансформации образа Китая [Jin Zhengkun, Xu Qingchao 2010].

Кроме того, отношения между странами также являются актуальной темой. А.С. Давыдова в своих работах представил рассуждение о «треугольнике» России, КНР и США, раскрывает сложные взаимоотношения между тремя странами в современном мировом порядке, предложил текущие проблемы, с которыми сталкиваются страны, считает, что методы преодоления существующих противоречий и разногласий между странами могут быть только мирными [Давыдов 2017, 2020, 2021].

Итак, с точки зрения международных отношений изучение взаимосвязи национально-государственной идентичности с образом страны становится важным направлением исследований в политологии и смежных дисциплинах. В связи с процессами глобализации и информатизации коммуникация между странами на международной арене становится все более тесной. Каждое государство является полноценным участником системы международных отношений, поэтому изучение образа страны выходит за рамки сравнительного литературоведения и становится неразрывно связанным со сферой международных отношений и международной политикой.

1.2.3. Изучение образа государства в лингвистическом ракурсе

В информационном веке при исследовании и тиражировании образа страны в полной мере используются средства массовой информации [Xiang Debao 2011]. В современном обществе с развитием информационно-коммуникационных технологий формирование образа государства неотделимо от средств массовой информации.

Любой человек способен самостоятельно познать только небольшую часть внешнего мира в силу своей ограниченной мобильности, и представления о том, что выходит за эти рамки, часто формируются через образы, созданные средствами массовой информации. Для иностранных граждан, никогда не посещавших определенную страну, существует не только «пространственный» барьер в виде государственных границ и дальнего расстояния, но и коммуникативный барьер, связанный с языком, культурой, национальными обычаями, политикой и дипломатией, поэтому восприятие образа «чужой» страны в основном зависит от средств массовой информации.

У. Липпманн в книге «Общественное мнение» предлагает использовать термин «псевдосреда». Исследователь считает, что информационная среда в медиаобществе – это не зеркальное отражение реальной среды, а среда, которую создают средства массовой информации после реструктуризации, отбора и обработки информации, чтобы направлять, определять, изменять ценности и поведение человека во внешней среде [Липпманн 2004]. Г. Тачман отмечает, что между новостями и фактами нет неизбежного соответствия. Новости – это не просто отражение и передача фактов действительности, это создание социальной реальности, на которую влияют правила изданий и идеологическая предвзятость журналистов [Tuchman 2008].

Хотя СМИ не являются единственным средством конструирования образа страны, они представляют собой один из наиболее влиятельных инструментов, поэтому анализ материалов средств массовой информации имеет огромное научное значение для формирования образа страны и изучения лингвистических механизмов, которые используются для моделирования такого образа.

Внимание значительной части ученых сосредоточено на синхроническом аспекте исследований формирования образа страны. Большинство из них анализируют материалы национальных и зарубежных СМИ, в которых отражается образ того или иного государства в связи с конкретными событиями или в определенных хронологических рамках.

С. А. Гиффард и Н. К. Ривенбург изучают новостные сообщения о крупных международных конференциях, проведенных в трех развитых и трех развивающихся странах, опубликованные «Ассошиэйтед пресс», «Агентством Рейтер» и «Интер пресс-службой» (IPS). Проанализировав более чем 4000 новостных сообщений, ученые приходят к выводу о том, что объем критических новостей о развивающихся странах в три раза превышает объем положительных новостей и что почти все статьи в газете «The New York Times» содержат негативную оценку [Giffard, Rivenburgh 2000].

Ма Цюн анализирует образ Китая на основе материалов о Третьем пленарном заседании 18-го Центрального комитета КПК в основных средствах массовой информации Юго-Восточной Азии. Исследователь полагает, что экономический образ Китая, созданный СМИ Юго-Восточной Азии, является положительным, а политический образ – негативным [Ma Qiong 2014].

Ю. Т. Уракчеева утверждает, что события международного масштаба могут помочь сформировать и улучшить образ государства, рекламируя сильные стороны национальной идентичности, привлекая туристов, разрушая негативные стереотипы [Уракчеева 2019]. Ученые подчеркивают, что в периоды крупных международных конфликтов национальные СМИ (как проправительственные, так и независимые) в основном транслируют официальную линию своего правительства [Dimitrova 2005].

Ряд исследователей изучает положительные и отрицательные образы государства в рамках тематических блоков: политика, экономика, военные вопросы, дипломатия, социальное развитие, культура, стихийные бедствия. Сюэ Ке и Юй Миньян отмечают, что только 5% новостей о бедствиях в Китае в газете «The New York Times» с 2001 по 2003 год являются положительными [Xue Ke, Yu Mingyang 2008]. Чжан Юй в качестве объекта исследования использует новости на различные темы, связанные с Китаем, опубликованные в японской газете «The Yomiuri Shimbun» с октября 2012 по октябрь 2013 года, и утверждает, что темами новостей с положительной оценкой в основном являются экономика и традиционная китайская культура; нейтральные новостные заметки посвящены

дипломатическим отношениям Китая; темы негативных новостей связаны с социальными проблемами, включающими социальное обеспечение, медицинское обслуживание, окружающую среду и т.д. [Zhang Yu 2007].

Некоторые исследования посвящены изучению образов представителей и лидеров стран (политиков, президентов и т.д.) на материале иностранных СМИ. В сознании иностранцев образ той или иной страны неразрывно связан с образом ее лидера, поскольку за рубежом глава страны часто олицетворяет всю страну [Кирюхина 2013]. А. С. Данилова также полагает, что при конструировании образа страны такой компонент, как образ лидера, является ключевым, поскольку он способен оказать влияние на образ страны в целом [Данилова 2018].

Например, А. В. Федякин фокусирует внимание на влиянии смены лидеров на формирование образа государства и анализирует взаимосвязь образа лидера и образа России [Федякин, 2010]. Г. М. Ермоленко исследует образ В. В. Путина в текстах англоязычных СМИ и манипулятивный механизм создания и закрепления в массовом сознании читателей этого образа [Ермоленко 2013]. В. П. Комиссаров проводит контент-аналитическое исследование образа политического лидера средствами массовой информации [Комиссаров 2007].

В то же время в фокусе внимания исследователей находятся диахронические аспекты изучения образа государства. Ван Сыци считает, что образ страны является понятием динамическим [Wang Siqi 2012]. Г. Эванс и Дж. Ньюнем в книге «Dictionary of International Relations» отмечают: с точки зрения измерения времени образ страны – это представление не только о настоящем, но и о прошлом и будущем [Evans, Newnham 1988]. А. Вендт также акцентирует внимание на изменчивости образа государства с течением времени [Wendt 1999]. Метод диахронического анализа успешно используется для изучения формирования и трансформации образа страны в различные периоды времени, а также для выявления возможных причин этих изменений. Б. Ассаф и Е. А. Джанджугазова анализируют трансформацию образа государства, в котором произошли военные события [Джанджугазова, Assaf 2020]. Е. О. Гранцева выделяет этапы трансформации образа России XX века в Испании [Гранцева 2018]. В.

Аурускевичене, А. Пандзиене изучают изменение образа страны и отношения между странами после проведения крупных спортивных мероприятий, полагая, что проведение спортивных мероприятий может способствовать изменению образа страны [Auruskeviciene и др. 2010]. Гань Сяньфэн рассматривает новости, отмеченные Пулитцеровской премией, и кратко анализирует, как изменяется образ Китая в новостных текстах основных американских СМИ [Gan Xianfeng 2010]; О. А. Солопова занимается сопоставительным изучением моделей будущего в диахроническом аспекте в рамках лингвополитической прогностики [Солопова 2016].

Итак, образ государства обладает характеристиками как относительной стабильности, так и динамичного развития, из чего мы можем сделать вывод о его «пластичности». На формирование образа государства оказывают влияние различные субъекты познания. С одной стороны, государство обладает автономией в определении собственного образа и представлении внешнему миру репрезентативной информации, являющейся основным источником формирования его образа другими; с другой стороны, внешний мир формирует субъективные, соответствующие его интересам образы определенной страны и базовые представления о ней.

Различные субъекты познания отбирают информацию об объекте в соответствии со своими индивидуальными целями, поэтому образы, сформированные различными участниками международных отношений, будут отличаться. Так, в результате формирования образа государства может возникнуть несколько ситуаций: всестороннее и объективное отражение образа государства; одностороннее и частичное отражение образа государства (вызванное в основном недостатком сведений о стране); когнитивное искажение образа государства, которое обычно обусловлено стереотипами или определяется ценностной ориентацией, субъективной волей и когнитивными способностями субъекта познания.

1.3. Изучение метафоры в политическом дискурсе

Начиная с Аристотеля исследования метафоры насчитывают более двух тысячелетий. В традиционном ключе метафора рассматривается как украшение речи и изучается с точки зрения стилистики, лексики и грамматики. Аристотель в своей книге «Поэтика» определяет метафору как «перенесение необычного имени или с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [Aristotle 1954: 71], а также подробно обсуждает типы, природу и функцию метафоры [Aristotle 1954].

Ш. Балли считает, что «метафора – это не что иное, как сравнение, в котором разум, под влиянием тенденции сближать абстрактное понятие и конкретный предмет, сочетает их в одном слове» [Bally 2001: 221]. Согласно определению В. А. Масловой, метафора есть «орудие мышления и познания мира, она отражает фундаментальные культурные ценности, ибо основана на культурно-национальном мировидении» [Маслова 2001: 91].

В последние годы изучение метафоры стремительно развивается в различных областях, таких как философия, психология, педагогика, лингвистика и др. В лингвистике ученые изучают метафору в русле различных дисциплин:

а) с точки зрения семантики

Семантика – это наука, которая изучает смысловое значение единиц языка. Р. О. Jakobson при изучении поэзии отметил, что «говорящий выбирает одно из существующих более или менее похожих существительных, ... все они эквивалентны в определенном отношении, а затем ... он может выбрать один из семантически родственных глаголов... Оба выбранных слова объединяются в речевую цепочку. Выбор производится на основе эквивалентности, сходства и несходства, синонимии и антонимии, в то время как комбинация, построение последовательности, основана на смежности [Jakobson 1960: 350]. Пэн Цзэнань считает, что принцип эквивалентности применим также к семантическому анализу метафоры, поскольку метафора заключается в замене одного наименования на

другое в соответствии с принципом эквивалентности. Метафора – перенос значения с уровня выбора на уровень комбинации [Peng Zengan 2006].

С семантической точки зрения порождение метафоры определяется как конфликт между буквальным значением и контекстом, процесс «разрешения» этого конфликта является процессом понимания метафорического значения [Asher, Lascarides 2001; Cohen 1993; Glanzberg 2008; Hausman 1981]. Другими словами, изучение метафоры – это изучение вопроса о том, существует ли несоответствие между конвенциональным (conventional implicature) и контекстуальным (conversational implicature) значениями конкретной языковой формы. С точки зрения семантической характеристики метафор Л. Н. Рыньков подразделяет их на две большие группы: метафорические словосочетания с компонентами-существительными и метафорические субстантивные словосочетания с прилагательными [Рыньков 1975]. В соответствии с иерархической структурой метафора может касаться семантики слова, словосочетания, предложения и текста [Liao Meizhen 2007; Miao Xingwei, Liao Meizhen 2007].

б) с точки зрения прагматики

Основной задачей интерпретации метафоры в русле прагматики является изучение того, как идентифицировать и понимать метафору (Hou Guojin, Xiang Erlan 2005). В 1967 году Г. П. Грайс выдвинул принцип сотрудничества (cooperative principle), полагая, что только следуя этому принципу, люди способны сотрудничать и понимать друг друга, однако иногда они нарушают его. Использование метафоры – это нарушение принципа сотрудничества: «говорящий намеренно не соблюдает правила, но считает, что адресат воспримет это должным образом, и продолжает верить, что он (говорящий) все еще следует принципу сотрудничества; адресат также знает, что говорящий не намерен его обмануть» [Grice 1975], то есть единица в прямом значении нелогична и нарушает правила, но адресат должен понять смысл сказанного.

С. Левинсон предложил использовать принцип сотрудничества в качестве критерия для распознавания метафоры: «если выражение нарушает принцип сотрудничества, оно может быть метафорическим выражением» [Levinson 1987].

Однако он также отметил, что метафора не единственная единица, которая нарушает этот принцип [Там же].

Еще одним влиятельным ученым, изучающим метафору с точки зрения прагматики, является Э. Ортони. Исследователь указывает, что любое определение метафоры, которое «игнорирует» ее контекстуальное окружение, является неполным. Слова и предложения сами по себе не становятся метафорами, это происходит только в случае их употребления в контексте. Э. Ортони считает, что первое условие, при котором выражение становится метафорой – это условие контекстуальной аномалии (*contextual anomaly condition*), то есть с точки зрения прагматики или контекста выражение должно нарушать норму. Второе условие – это то, что данная семантическая аномалия (или семантический конфликт) в принципе не могут быть устранены. Третье условие состоит в том, что трактовка адресатом метафоры должна соответствовать намерению говорящего [Ortony 1979].

Дж. Серль изучает метафору в свете теории разговорной имплицатуры Г. П. Грайса и своей теории речевых актов. Исследователь сосредоточен на том, как «работает» и интерпретируется метафора и как разграничить буквальное значение единицы и его метафорическое значение, заложенное говорящим [Searle 1980].

Д. Шпербер и Д. Уилсон, основоположники теории релевантности (*relevance theory*), считают, что понимание метафоры, как и дискурса вообще, должно быть основано на контексте [Sperber, Wilson 1985]. Теория релевантности получила широкое признание научной общественности [Самигуллина, Фёдорова 2008, Belén Soria, Esther Romero 2014; Ding Fangfang 2008; Huang Huaxin, Yang Xiaolong 2014; Pilkington 2010; Sperber, Wilson 2008; Stöver 2010; Taverniers 2017; Tendahl, Gibbs 2008; Xiang Erlan, Hou Guojin 2005]. Разрабатывая эту теорию, ученые отмечают, что языковая единица становится метафорой только в определенном контексте. Контекст играет важную роль в выводе метафорического значения, при этом объем информации, предоставляемый контекстом, оказывает существенное влияние на процесс понимания метафоры.

в) с точки зрения когнитивного направления

С 1970-х годов метафора стала разрабатываться в рамках когнитивного направления. Дж. Лакофф и М. Джонсон в книге «Метафоры, которыми мы живем» впервые использовали термин «концептуальная метафора», выделив три типа метафор: ориентационные, структурные и онтологические. Ученые указывают, что метафора – это не только лексическое, но и важное мыслительное средство; они определяют метафору как «перенос знаний из одной концептуальной области в другую концептуальную область» [Lakoff, Johnson 1980]. Авторы ввели термины и понятия сферы-источника (source domain) и сферы-мишени (target domain), определив область источника как конкретное знание, получаемое человеком в процессе непосредственного взаимодействия с действительностью, а область цели – как абстрактное, менее определенное знание; «знание по определению» [Lakoff, Johnson 1980]. Теория Дж. Лакоффа и М. Джонсона оказала большое влияние на представления о метафоре в лингвистике и получила широкое распространение в научном мире.

С когнитивно-дискурсивной точки зрения Й. Цинкен называет метафоры на текстовом уровне «дискурсивными метафорами» [Zinken 2007]. Они определяются как относительно стабильные и ключевые метафорические выражения для конкретного дискурса в течение определенного периода времени [Zinken 2003: 364]. Например, метафора «чайник» (kettle) в период переворота в Восточной Германии в конце 1980-х годов описывает возможность усиления «внутреннего давления» в стране, которое приведет к точке кипения [Shu Dingfang 2017]. В китайском языке словосочетание 六月飞霜 (в шестом месяце выпал иней) в прямом значении описывает нетипичные климатические условия, однако после обвинения Цзоу Яня в период Чжаньго (V–III вв. до н.э.) за словосочетанием закрепились метафорические смыслы несправедливости, вынесения приговора невиновному [Luo Zhufeng 2001]. Концептуальные метафоры универсальны и не зависят от времени, в то время как дискурсивные метафоры изменчивы, зависят от текущих дискурсов [Musolff 2004] и используются для достижения конкретных целей [Hellsten 2000]. Дж. Стин отметил, что дискурсивная метафора является

имплицитной (implicit metaphor) [Steen 1999], такую метафору можно идентифицировать только путем сложного вывода из целого текста [Zinken 2007; Zinken et al. 2008].

В современной науке также существуют другие теории, рассматривающие метафору как основной когнитивный механизм, задействованный в обработке и передаче концептуальной информации: теория взаимодействия (interaction theory) [Black 1979; Hausman 1983; Kittay 1989; Ricoeur 1978]; теория концептуальной интеграции (blending theory) [Fauconnier 1998]; теория образа-схемы (image schema) [Johnson 1987; Freeman 2002]; теория метафорического сценария (metaphor scenario) [Musolff 2006, 2016]; теория первичных и сложных метафор [Grady 1997]; принцип акцентирования метафоры (principle of metaphorical highlighting) [Kövecses 2002]; теория согласованности метафоры (pressure of coherence) [Kövecses 2009]; теория преднамеренной метафоры [Steen 2015] или теория преднамеренного толкования метафоры (deliberate metaphor interpretation) [Musolff 2016; Steen 2011]; дескрипторная теория метафоры [Баранов, Караулов 1991, 1994], теория метафорического моделирования [Будаев 2006, Солопова 2005, Чудинов 2003] и др.

г) в ракурсе политической лингвистики

В последние годы в лингвистической науке в рамках антропоцентрического подхода активно рассматриваются вопросы роли метафоры в политическом дискурсе. «Мир политического представляет собой сложное явление, далекое от повседневного опыта человека» [Thompson 1996: 185], поэтому метафора используется для того, чтобы преобразовать «абстрактное» в «конкретное», связать «неизвестное» с «известным», помогая рядовым гражданам понять язык политики.

Метафора широко распространена в политическом дискурсе. Современный американский политолог Д. Грабер отметил, что «реальная политика сама по себе состоит из метафор, передавая информацию в русле политической стилистики» [Graber 1993]. Политическая метафора – это метафора, используемая участниками политического процесса для достижения определенных целей коммуникации. Политологи и лингвисты считают, что такая метафора играет важную роль в

политическом дискурсе [Rohrer 1995; Schoor 2015]. С. Томпсон описывает отношения между метафорой и политикой следующим образом: «Политика без метафоры – как рыба без воды» [Thompson 1996]. Таким образом, метафора является важной частью политической риторики.

При изучении политической метафоры лингвисты обычно выбирают некоторые конкретные политические дискурсы в качестве отправной точки. Субъектом политического дискурса могут выступать публичные фигуры политической сцены, руководители государства, политические организации и партии, средства массовой информации и др.

Дж. Чартерис-Блэк считает, что политики искусно используют метафоры, которые отражают их политические намерения и стиль руководства [Charteris-Black 2004]. Различные политические взгляды и позиции политиков приводят к использованию разнообразных метафор и обуславливают различия в их частотности [Carver, Pikalo 2008, Vestermarck 2007]. В работе Дж. Восса [Voss et al. 1992], посвященной изучению метафор, используемых политиками в Сенате США при обсуждении обращения президента Дж. Буша о войне против Ирака, сделан вывод о том, что приверженцы двух политических позиций – продолжения экономических санкций против Ирака и развязывания войны с Ираком – используют разные метафоры. Во время трехдневных дебатов в Сенате о вторжении Ирака в Кувейт в августе 1990 года и о том, какие действия Соединенные Штаты должны предпринять впоследствии (congressional records of January 10, 11 and 12), сенаторы-республиканцы, которые поддержали предложение администрации Буша о том, чтобы Соединенные Штаты предприняли военные действия, были настроены более решительно, чем сенаторы-демократы, которые настаивали на продолжении экономических санкций. Установлено, что сенаторы-республиканцы используют в два раза больше метафор, чем сенаторы-демократы при репрезентации политики С. Хусейна; сенаторы-демократы используют в два раза больше метафор, чем сенаторы-республиканцы при описании действий президента Дж. Буша, чтобы подчеркнуть негативное отношение к администрации последнего.

Чэнь Юн и Лю Чжаоюнь считают, что политические метафоры востребованы современными политиками из-за их функции обработки информации и функции убеждения. Политики используют различные метафорические выражения в зависимости от политических взглядов, личного опыта, увлечений и других факторов [Chen Yong, Liu Zhaoyun 2009]. Примером может служить анализ предвыборных дебатов в США в 1996 году. Поскольку американцы любят спорт, кандидаты использовали множество спортивных метафор, сферами-источниками которых выступали их любимые виды спорта: Б. Клинтон – гольф, Б. Доул – состязание в беге, спортивной ходьбе, регби, баскетболе [Kovecses 2005]. Чэнь Юн и Лю Чжаоюнь также отмечают, что Б. Клинтон в публичных выступлениях часто использует метафоры со сферой-источником «Спорт», «порожденные» его любимыми спортивными развлечениями, такими как софтбол, бег, катание на лодках, футбол. Например, метафора, использованная в его послании о положении в стране 4 февраля 1997 года, связана с катанием на лодке: «in the same boat», «give us all oars», «tell us to row» и т.п. [Chen Yong, Liu Zhaoyun 2009]. Э. Вестермак указывает, что Р. Рейган, Дж. Буш и Б. Клинтон часто используют метафоры для персонификации страны [Vestermark 2007]. Ученые отмечают, что у каждого политика существует излюбленная сфера-источник метафорической экспансии: например, М. Тэтчер активно использовала метафору войны [Charteris-Black 2014]; в дискурсе Д. Кэмерона преобладают метафоры пути [Зиновьев, Нахимова 2019]; Д. Трамп предпочитает метафоры спорта и игры [Butterworth 2020] и др.

д) в лингвокультурологическом аспекте

Некоторые ученые исследуют взаимосвязь между культурным конструированием, идеологией и политическими метафорами, разделяя метафоры на «обычные» и культурные [Liu Han 2007] и акцентируя внимание на том, что культурные факторы играют важную роль в понимании последних: природно-географическая среда, ценности, образ мышления и литературные традиции – все это определяет понимание метафоры.

Ш. Шахла берет за основу анализ использования метафорических выражений в персидских политических текстах и классифицирует их по двадцати сферам-

источникам. Результаты, полученные в ходе исследования, показывают, что наиболее востребованной сферой-источником персидских политических метафор является организм [Shahla Sharifi 2012]. Китайские ученые, проанализировав массив текстов на китайском и английском языках, пришли к выводу, что политические метафоры отражают различия в социальной и политической культурах Китая и США [Zhang Guoyong, Chen Yong 2016].

Исследование репрезентации метафор с различных идеологических точек зрения является важным моментом в области теории политических метафор. Политический дискурс изобилует метафорами, которые содержат идеологические компоненты. Вэнь Сюй исследует взаимосвязь между политическими метафорами, идеологией и мышлением тех, кто говорит о политике [Wen Xu 2014]. Я. Цибульскене изучает идеологию правых и левых политических партий Литвы с точки зрения когнитивной метафоры [Cibulskienė 2010]. Ю. А. Соловьева рассматривает соотношение между концептуально-метафорическими репрезентациями и идеологическими основаниями политических концепций, считая, что основные политические теории репрезентируются посредством метафоризации [Соловьева 2012].

Ряд работ выполнен в сопоставительном аспекте: в них представлен анализ национальных метафорических картин мира, способствующих выявлению в политическом дискурсе разных стран универсальных и национально-специфичных метафорических моделей. Исследователи отмечают, что метафорическая картина мира способна отражать особенности национального сознания и способ мышления, характерный для определенной политической ситуации [Солопова 2006; Чудинов 2003; Fauconnier 1998]. Е. А. Караганов в лингвокультурологическом ракурсе анализирует политическую метафору в газетных статьях, уделяя особое внимание скрытому воздействию метафоры на осмысление действительности [Караганов 2015]. Э. В. Будаев считает, что исследование политической метафоры в лингвокультурологическом аспекте имеет два измерения: семантическое и прагматическое; метафора выступает для исследователя в качестве «зеркала»

политической культуры и в качестве «инструмента» конструирования культурной идентичности [Будаев 2007].

Культурные различия часто определяют концептуальное содержание одной и той же метафоры в дискурсе различных государств. Именно поэтому актуальной темой исследований становятся стратегии перевода метафор в политическом дискурсе. Ученые, занимающиеся изучением особенностей перевода политических метафор, считают, что метафора используется в политических текстах как риторический и когнитивный прием [Mei Chuncai 2013]. Метафора играет важную роль в политическом дискурсе: с ее помощью человек может понять сложные абстрактные политические понятия и концепции; ее использование эффективно воздействует на эмоциональное состояние адресата, убеждает аудиторию и задает нужный ракурс «политических предпочтений», именно поэтому огромное значение уделяется переводу политической метафоры.

е) с точки зрения переводоведения

Известная классификация стратегий перевода принадлежит П. Ньюмарку, который в работе «A textbook of translation» предложил семь способов перевода метафор с иностранного языка на язык перевода и выделил следующие стандартные процедуры перевода метафор: 1) сохранение аналогичного метафорического образа, то есть дословный перевод; 2) перевод метафоры сравнением; 3) замена эквивалентной метафорой переводящего языка; 4) сохранение аналогичного метафорического образа с добавлением объяснения, которое делает основание сравнения эксплицитным; 5) перефразирование [Newmark 1988]. Многие современные исследования стратегий перевода метафор основываются на теории Ньюмарка [Токарева 2020; Шалимова 2020; Huang Jiangyun 2017; Xing Wei 2014 и др.]. Однако эти способы применимы не ко всем текстам.

Политический дискурс отдельной страны обладает национально-культурной спецификой, которую необходимо учитывать при выборе стратегии перевода и воплощении этой стратегии в конкретных переводческих решениях [Цуциева 2013]. Например, Сунь Либин, анализируя переводы метафор в русле когнитивного

подхода на материале речей Си Цзиньпина, предлагает три стратегии: 1) дословный перевод; 2) вольный перевод; 3) комбинированный перевод, отмечая, что авторский комментарий часто является первоочередным выбором переводчика, если необходимо сохранить образ метафоры [Sun Libing 2018]. Основываясь на исследовании Сунь Либин, Чжоу Либо дополняет список стратегий четвертой – опущением. Он считает, что в некоторых случаях использование метафоры является просто расширением или дополнением «контекстуального настроения», предназначенного для того, чтобы усилить впечатление от текста, и его метафорическое значение может быть выведено из контекста. При переводе опущению подвергаются чаще всего слова, являющиеся семантически избыточными с точки зрения их смыслового содержания [Zhou Libo 2019].

В. И. Легенкина, анализируя тексты публичных выступлений политических деятелей США и их переводов на русский язык, выделяет следующие актуальные способы перевода метафор с английского языка на русский: использование метафоры-эквивалента, использование метафоры-аналога, калькирование, опущение метафоры, деме́тафоризация, контекстуальная замена, компенсация [Легенкина 2019].

Л. Вентути предлагает две стратегии перевода, которые применяются при переводе политических метафор: доместикация и форенизация. При выборе стратегии доместикации для переводчика важно сохранить культурный фон оригинального текста, в случае форенизации наблюдается ориентация на культуру переводного текста [Venuti 1995].

Изучение метафоры в текстах средств массовой информации, посвященных политическим вопросам, также привлекает внимание ученых и занимает важное место в исследовании политической метафоры. В отличие от научных работ, предметом изучения которых являются метафоры в дискурсе отдельного политика, в фокусе внимания подобных изысканий находится политический дискурс в целом в определенный период времени, что позволяет, по мнению исследователей, получить представление о метафорике, свойственной большим социальным группам. Н. Хоу считает, что большинство политических метафор являются

стереотипными и привычными, а не уникальными [Howe 1988: 89]. Это связано с тем, что аудитории обычно нелегко понять и принять уникальные метафоры. Именно поэтому изучение доминантных метафор в политическом дискурсе привлекает внимание исследователей [Будаев, Солопова, Зарипов, Бойко 2021; Кэ, Чудинов, Будаев, Солопова 2020; Солопова, Кошкарлова 2021; Чудинов, Будаев, Солопова 2020; Charteris-Black 2004], которые указывают на то, что в доминантных метафорах отражен как взгляд на мир в определенную эпоху, так и типичные схемы его понимания.

ж) с точки зрения синхронической лингвистики и диахронической лингвистики

В исследованиях метафоры можно выделить синхронический и диахронический аспекты. В синхронных исследованиях ученые ограничивают изучаемый материал конкретными событиями и временными рамками [Gavriely-Nuri, Dalia 2008; Qi Xiaoqing 2021] и считают, что выбор областей-источников напрямую зависит от экстралингвистического контекста [Wibben 2014]. Большинство работ в современной когнитивной лингвистике и дискурсологии посвящено синхронному анализу, например, исследование синхронных моделей будущего России в политическом дискурсе [Солопова 2011]; изучение особенностей метафоры в новостях о чрезвычайных ситуациях в области общественного здравоохранения [Zou Xingju 2022]; исследование культурно-специфичных ассоциаций, получивших отражение в значениях русских и английских метафор экономического кризиса [Герасина, Погорелко 2011] и др.

Ряд исследований посвящен изучению определенной сферы-источника метафорической модели, например, когнитивное исследование морбиальной метафоры в современном политическом дискурсе России, США и Великобритании [Телешева 2006]; межкультурное сопоставление метафор травмы в дискурсе четырех стран: Бразилии, Индии, Польши и Швейцарии [Rechsteiner, Maercker, Heim, Meili 2020]; исследования метафоры войны в политическом дискурсе [Логачев 2008; Шарикова 2012; Jansen, Sabo 1994; Hayter 2000] и др.

Важным направлением исследований при изучении метафоры в политическом дискурсе являются диахронические исследования. Диахроническое изучение метафоры раскрывает изменения в использовании метафоры и факторы, вызывающие эти изменения. Д. Тау считает, что метафора обладает как стабильностью, так и изменчивостью. Метафора в своем развитии проходит несколько этапов: формирование, закрепление и лексикализацию [Тау 2011]. Закрепление и лексикализация метафоры часто связаны с социальной и когнитивной функциями [Koller 2005]. Культурные и исторические факторы могут влиять на когнитивные модели человека [Будаев, Солопова, Зарипов, Бойко 2021; Кэ, Чудинов, Будаев, Солопова 2020; Солопова, Кошкарлова 2021; Чудинов, Будаев, Солопова 2020; Чудинов 2012; Charteris-Black 2014; Solopova, Kushneruk 2021].

Исследователи отмечают специфику в использовании метафор политиками: их предпочтения в выборе исходных областей могут меняться с течением времени в зависимости от экстралингвистических условий [Чудинов 2020]. Например, Б. Обама в своей инаугурационной речи 2009 года часто использовал метафоры пути и природы и значительно реже – метафоры войны [Jin Huaman 2011]. Дж. Чартерис-Блэк утверждает, что после сексуального скандала выступления Б. Клинтона содержали множество метафор «обновления» и «реформы» [Charteris-Black 2004].

Российские ученые разрабатывают методологию диахронического анализа политической метафорики [Будаев, Кондратьева, Нахимова, Чудинов 2016; Сиротинина, Чудинов, Нахимова 2016; Солопова, Чудинов 2019; Чудинов 2012, 2016; Чудинов, Будаев, Солопова 2020]. В рамках теории диахронического измерения метафоры ученые исследуют диахроническую динамику морбиальных метафор в политической коммуникации [Чудинов, Будаев 2015]; образ будущего России в политических дискурсах разных стран и различных эпох. Так, О. А. Солопова в русле лингвополитической прогностики изучает модели будущего России и динамику метафорических систем на материале политических дискурсов России, США и Великобритании трех столетий [Солопова 2015; Солопова, Чудинов 2019]. В работах Е. Е. Аникина, Э. В. Будаева, А. П. Чудинова,

Л. В. Балашовой отмечается, что диахроническое сопоставление политической метафорики направлено на рассмотрение взаимодействия тенденций к стабильности и динамике, сохранение культурной самобытности и взаимодействие с другими культурами [Аникин, Будаев, Чудинов 2015]. Диахронические исследования проводятся на материале различных языков: в политических выступлениях китайских и американских лидеров [Chen Qian 2017]; на материале издания «Жэньминь жибао», [Huang Qiulin, Wu Benhu 2009], гонконгского политического дискурса [Winnie Zeng, Burgers, Ahrens 2021] и др.

Метод корпусного анализа – одно из самых молодых и перспективных направлений лингвистики, привлекающее внимание исследователей особым подходом к изучению данных языка, и теми возможностями, которые открываются перед исследователем в области анализа лексико-грамматических моделей.

Дж. Чартерис-Блэк применяет метод количественного анализа при исследовании конвенциональных метафор, которые сложно идентифицировать интуитивно через частотность слов и словосочетаний. Качественный анализ конвенциональных метафор должен учитывать конкретный социальный и исторический контекст [Charteris-Black 2004]. Ученый доказывает, что интерпретация политического дискурса с точки зрения анализа языка, когнитивного понимания и социального контекста может раскрыть потенциальные намерения адресанта и смысл метафорического выражения. Метод корпусного анализа дает возможность исследовать типы метафор и их взаимосвязь на большом массиве материала и получать количественные научные данные. Этот метод широко используется при изучении метафоры в разных типах дискурса.

В качестве примера можно привести еще одну работу Дж. Чартерис-Блэка, в которой автор применяет индуктивный подход к корпусному исследованию, используя материал корпуса газет «The Times» и «The Sun». На первом этапе анализа, читая текст, автор выявляет потенциальные метафорические единицы и по каждой лексической единице принимает конкретное решение, является ли она метафорой. Затем количество выбранных лексических единиц сравнивается с

материалом всего корпуса, чтобы выявить частотность их употребления [Charteris-Black 2001].

С помощью «процедуры идентификации метафоры» (Metaphor Identification Procedure, или MIP), которая была разработана группой «Праггледжаз» в 2007 году, а позже доработана и усовершенствована (MIPVU) в Лаборатории метафоры в 2010 году [Pragglejaz group 2007; Steen 2010], Цзи Янь извлек метафорические выражения из речей Си Цзиньпина и обнаружил, что генеральный секретарь предпочитает использовать метафоры природы, животных, растений, еды, организма для того, чтобы выразить свою политическую концепцию. В ряде выступлений Си Цзиньпина области-мишени включают политическое, экономическое социальное и культурное строительство и их развитие, поддержание мира и стабильности во всем мире, а также другие политические позиции китайского правительства [Ji Yan 2018].

Однако этот метод имеет ограничения. При его использовании сложность состоит в том, как определить конкретную концептуальную метафору, чтобы сформулировать поисковый запрос. При создании большого корпуса текстов исследователь не сможет проанализировать и разметить весь языковой материал вручную. В то же время MIP в основном используется для идентификации лексических метафор, но метафора в ее языковом воплощении может совпадать в своих границах со словом, словосочетанием, идиоматическим выражением или контекстом, целый текст может быть построен на развернутой концептуальной метафоре. Следовательно, это приводит к тому, что не все метафоры будут включены в выборку. Более того, так как между концептуальной метафорой и метафорическим выражением нет полного соответствия, исследователь может пропустить новые или стертые метафорические выражения.

В дополнение к указанным основным направлениям исследований некоторые ученые также занимаются изучением метафоры в политическом дискурсе с других исследовательских позиций. А. Пиата фокусируется на взаимосвязи между метафорой и юмором. Одно из концептуальных сходств между метафорой и юмором ученый видит в том, что оба явления основаны на двойственности, но

обрабатывают ее по-разному: метафора полностью устраняет «напряженность» между доменами, в то время как юмор делает это лишь частично. Метафора и юмор служат конкретным риторическим целям в предвыборной рекламе и политической сатире: метафора – через вызываемые ею оценочные рамки, а юмор – через критическую функцию [Anna Piata 2016].

Д. Гавриели-Нури выявил в политическом дискурсе израильских политических лидеров 1967–1973 годов особый метафорический механизм – метафоры нормализации войны (War-normalizing metaphors), другими словами, репрезентацию войны с помощью метафор «человеческой природы» и «обычной жизни». Исследователем выявлено шесть основных сфер-источников метафоры, репрезентирующей войну как явление обычной жизни: «Женская работа», «Коммерция», «Детские игры», «Спорт», «Природа» и «Туризм». В данной работе рассматривается роль дискурса как способствующего или препятствующего достижению мира [Gavriely-Nuri 2009].

Чжао Хунъянь обращает внимание на специфические типы метафор с точки зрения дипломатических отношений. Ученый выбирает в качестве примера телевизионную трансляцию документального фильма «Супер Китай» (Super China) на корейском телевидении KBS (2015) и анализирует построение комплексных дипломатических отношений между Китаем, Америкой и Южной Кореей, их властные отношения и идентичность. Результаты показывают, что, хотя основной темой документального фильма является Китай, в фильме многократно затрагиваются США. Образ США становится метафорой при конструировании образа Китая. В комплексных дипломатических отношениях «Южная Корея – США – Китай» образ США является сферой-источником, а образ Китая – сферой-мишенью. Текст представляет собой ассоциацию «восприятия сходства» между образами Китая и США [Zhao Hongyan 2017].

Таким образом, исследование метафоры проводится с точки зрения прагматики, когнитивного направления, переводоведения, синхронической лингвистики и диахронической лингвистики, а также в лингвокультурологическом аспекте и в ракурсе политической лингвистики. Использование метафор в

политическом дискурсе помогает человеку понять сложные политические концепции, их функции и характеристики.

Выводы по главе 1

Формирование образа государства представляет собой актуальную проблему в контексте информатизации и глобализации; изучение образа государства обычно связано с областью политической коммуникации и международного общения. С начала XXI века наблюдается тенденция к увеличению числа исследований образа государства в русле сравнительного литературоведения, международных отношений и лингвистики, в которых используется как теоретический, так и эмпирический анализ.

В фокусе внимания ученых находятся формирование образа государства в национальном дискурсе (Я-образ), анализ образа государства в дискурсах других стран (образ другого), изучение стратегий «тиражирования» образа страны, факторов, влияющих на формирование и динамику образа страны: политико-экономической ситуации, национальной идентичности, культуры, международного статуса государства, его геополитической позиции.

В лингвистическом плане большинство работ, посвященных исследованию формирования образа государства, проводится на материале различных типов дискурса, таких как рекламный, туристический, политический и др.

Политический дискурс обычно трактуется в широком и узком смысле: в узком смысле политический дискурс – это дискурс, ограниченный институциональными формами общения, в широком смысле политический дискурс включает все тексты политического характера. Ученые исследуют политический дискурс с различных точек зрения: когнитивно-прагматической, жанровой, риторической, идеологической, когнитивно-дискурсивной, междисциплинарной и др.

Исследователи отмечают, что речи, поступки и имидж политических деятелей оказывают как косвенное, так и непосредственное влияние на формирование образа страны, именно поэтому изучение особенностей политического дискурса играет важную роль в исследовании образа государства, которое осуществляется в различных аспектах: с точки зрения жанровых и

риторических особенностей политического дискурса; отношений идеологии, власти и политического дискурса; взаимосвязи образа лидера и образа государства; метафорического моделирования образа государства.

В современной лингвистике метафора понимается как основная ментальная операция, способ познания и объяснения мира. До недавнего времени исследования роли этого языкового феномена в политическом дискурсе были в основном сосредоточены на метафорах, используемых политическими элитами. Но в последние десятилетия лингвисты и представители смежных направлений начинают использовать разнообразные источники материала для выявления специфики функционирования метафорических единиц. Исследование метафор проводится в рамках следующих направлений: семантики, прагматики, переводоведения, лингвокультурологии, когнитивистики и др.

Метафора является одним из способов структурирования восприятия человеком окружающего мира и понимания явлений. Лингвисты считают, что метафора существует не только в речи человека, но и в его сознании. Имплицитный смысл, содержащийся в метафоре, может отражать характеристики и конкретные формы объекта или события. Как когнитивный механизм она позволяет человеку понять политический мир, опираясь на фоновые знания и предшествующий опыт в другой, неполитической сфере, помогая проникнуть в суть политических процессов.

Метафора широко применяется в современном политическом дискурсе и имеет огромное значение при формировании образа государства. С помощью метафоры человеку легче воспринимать абстрактные и сложные объекты политической реальности и модели политического поведения. Политики используют метафоры как средство манипулирования общественным мнением для достижения различных политических целей, в том числе для формирования образа своей или чужой страны.

ГЛАВА 2. УНИВЕРСАЛЬНЫЕ МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ СО СФЕРОЙ-МИШЕНЬЮ «КИТАЙ» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РОССИИ, КИТАЯ И США

2.1. Материал исследования и алгоритм анализа

Образ государства является важным критерием определения международного влияния и статуса страны, он включает всестороннюю оценку страны международным сообществом. Формирование образа государства, с одной стороны, зависит от внутривнутриполитического устройства, экономического развития, культуры, традиций, ценностных ориентаций и других внутренних факторов, с другой стороны – от оценки политики, экономики, общественной жизни, культуры другими странами и зарубежными гражданами [Ли Шаоцзюнь 2012: 16].

Как крупнейшие соседи и стратегические партнеры, отношения которых характеризуются всеобъемлющим взаимодействием, Россия и Китай имеют обширные связи в разных областях: на политическом уровне обе страны являются постоянными членами Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, активно сотрудничают в международной сфере; на экономическом уровне объем торговли между двумя странами растет из года в год, особенно в области нефте- и газодобывающей промышленности; на культурном уровне Россия и Китай – крупнейшие страны с долгой историей и богатой национальной культурой, их взаимодействие в таких областях, как литература, искусство, музыка и спорт, становится все более разнообразным и тесным. Отношения между двумя странами оказывают значительное влияние не только на их собственное развитие, но и на мировую политику и экономику и стабильность во всём мире. Таким образом, изучение формирования образа Китая в российском политическом дискурсе является актуальной задачей для исследователей обеих стран.

В качестве источников материала для настоящего исследования использованы влиятельные российские газеты «Аргументы и факты» и «Известия» в онлайн-версиях. Обе газеты представляют собой авторитетные общественно-

политические издания. Для формирования исследовательского массива методом сплошной выборки извлечено 100 текстов (50 из газеты «Аргументы и факты» и 50 из газеты «Известия» с 2018 года по настоящее время), опубликованных на первой полосе; поиск осуществлялся по ключевому слову «Китай».

В настоящее время Китай и США являются представителями двух различных конкурирующих идеологий: социализма и капитализма. Возросшая роль Китая в мировой экономике и в международных отношениях обуславливает «двойственное» отношение США: с одной стороны, обнаруживается стремление к сотрудничеству, с другой – проявляется желание сохранить однополярный мир, и, как следствие, предпринимаются попытки воспрепятствовать развитию Китая. Эта амбивалентность отражается и в средствах массовой информации.

Излишне говорить, что в настоящее время американские СМИ остаются самым мощным средством формирования образов мира. Американские СМИ, особенно некоторые газеты с долгой историей и высоким авторитетом, имеют большое влияние во всем мире и играют важную роль в формировании образа Китая и регулировании отношений между Китаем и США. В связи с этим исследование образа Китая на материале американского дискурса имеет большое значение для обеих стран.

Для изучения образа Китая на материале английского языка использованы электронные версии американских изданий «The Washington Post» и «U.S. News». Сайты всех трех газет относятся к числу самых популярных и влиятельных американских новостных сайтов. По ключевому слову «China» извлечено 100 текстов (50 из «The Washington Post» и 50 из «U.S. News» с 2018 года по настоящее время).

Для исследования образа Китая в китайском политическом дискурсе выбраны официальные электронные версии печатных изданий Центрального комитета Коммунистической партии Китая «Жэньминь жибао» (人民日报) и «Гуанмин жибао» (光明日报). Оба издания представляют собой общегосударственные ежедневные газеты с тиражом более миллиона экземпляров. Для формирования

исследовательского массива методом сплошной выборки извлечено 100 текстов, опубликованных на первой полосе (50 из газеты «Жэньминь жибао» и 50 из газеты «Гуанмин жибао» с 2018 года по настоящее время) по ключевому слову «中国» (Китай).

Предметом анализа в рамках работы являются метафоры, активно употребляющиеся в политическом дискурсе, сферой-мишенью которых является Китай. Метафоры, отобранные методом сплошной выборки из текстов на трех языках, классифицированы по сферам-источникам метафорической экспансии с использованием метода метафорического моделирования [Чудинов 2020]. Затем материал исследования подвергнут количественной обработке: метафорические модели на материале каждого языка ранжированы по шкале частотности, что позволило создать системы метафорических моделей для политического дискурса России, Китая и США. При сопоставительном анализе данных выявлены универсальные для трех дискурсов и специфичные для одного / двух дискурсов модели, результаты исследования которых представлены в практических главах. Привлечение когнитивно-дискурсивного анализа позволило соотнести смыслы, транслируемые метафорами со сферой-мишенью «Китай», функции, которые они выполняют в российском, американском и китайском политическом дискурсе, и экстралингвистические факторы, обусловившие их активное функционирование.

2.2. Системы метафорических моделей со сферой-мишенью «Китай» в российском, китайском и американском политическом дискурсе

Метафоры, классифицированные по сферам-источникам, ранжированы по шкале частотности, создана система метафорических моделей на материале каждого национального дискурса. Исследовательская картотека на материале русского языка включает 171 единицу, которая реализует 8 метафорических моделей (Рисунок 1). Рубрикация «Другие» включает единичные метафорические единицы, принадлежащие разнообразным метафорическим моделям, удельный вес которых в анализируемой выборке составляет менее 0,6%.

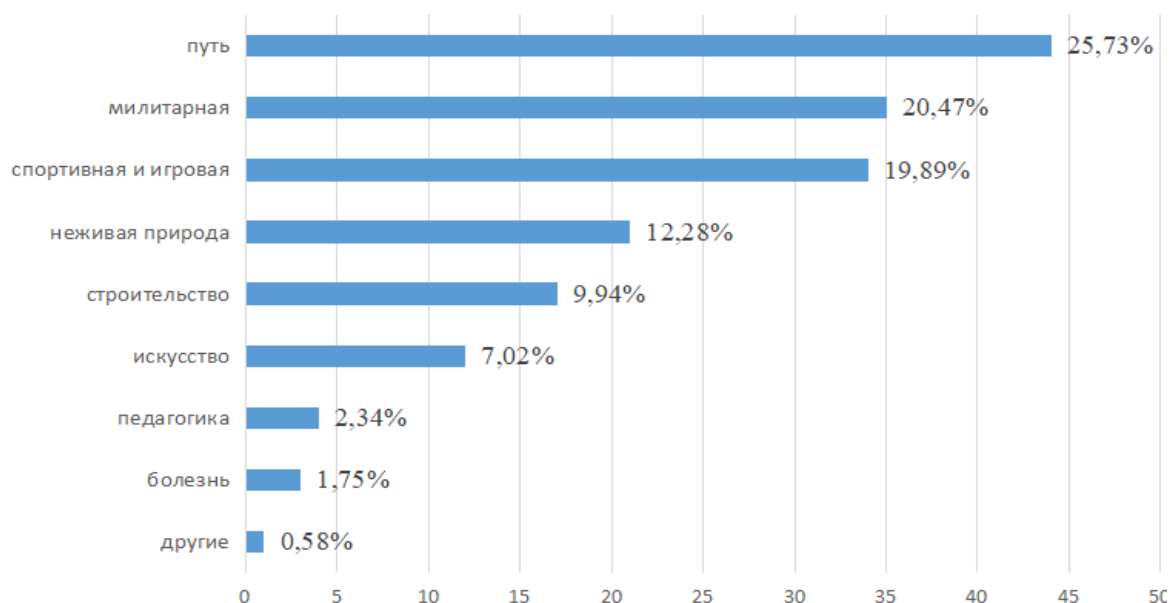

Рисунок 1 – Система метафорических моделей со сферой-мишенью «Китай» в дискурсе России

Исследовательская картотека на материале китайского политического дискурса включает 1010 единиц, которые реализуют 15 метафорических моделей (Рисунок 2). Рубрикация «Другие» включает единичные метафорические единицы, принадлежащие разнообразным метафорическим моделям, удельный вес которых в анализируемой выборке составляет менее 0,6%.

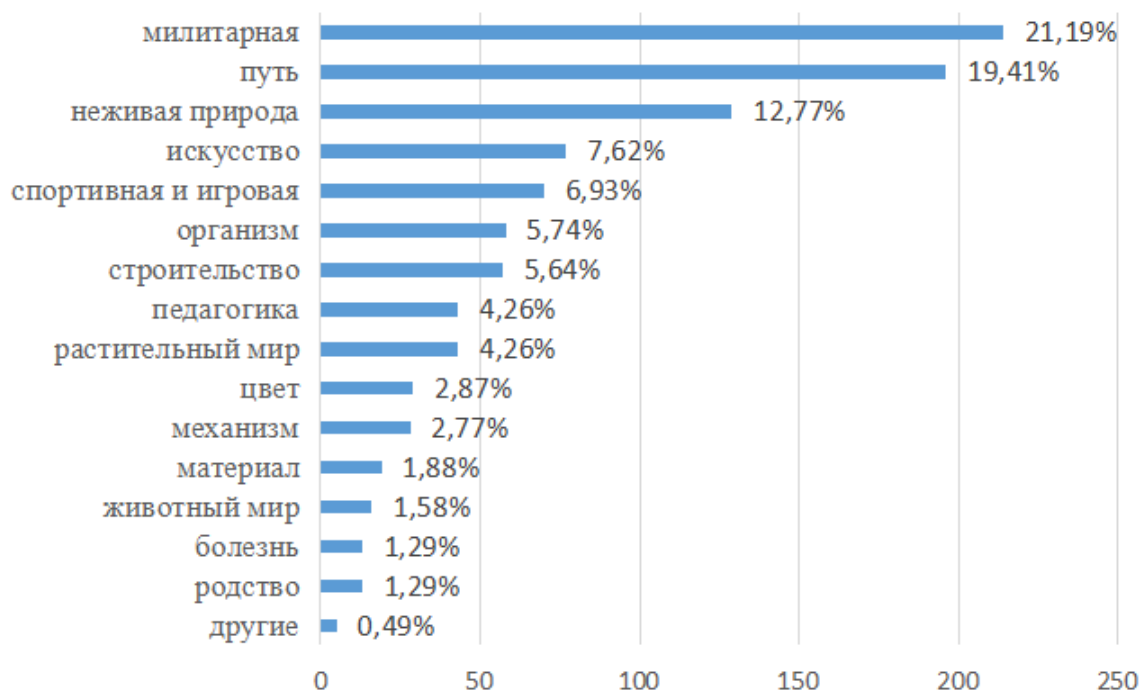

Рисунок 2 – Система метафорических моделей со сферой-мишенью «Китай»
в дискурсе Китая

Исследовательская картотека на материале английского языка включает 458 единиц, которые реализуют 12 метафорических моделей (Рисунок 3). Рубрикация «Другие» включает единичные метафорические единицы, принадлежащие разнообразным метафорическим моделям, удельный вес которых в анализируемой выборке составляет менее 0,6%.

Рисунок 3 – Система метафорических моделей со сферой-мишенью «Китай»
в дискурсе США

Далее обобщим данные о метафорических моделях, выявленных в российском, китайском и американском политическом дискурсе, представив их в виде таблицы (Таблица 1).

Таблица 1 – Системы метафорических моделей со сферой-мишенью «Китай»
в дискурсе России, Китая и США

	Метафорическая модель	Количество, %, Россия	Количество, %, Китай	Количество, %, США
1	Военная	20,47	21,19	23,36
2	Путь	25,73	19,41	20,09
3	Спортивная и игровая	19,89	7,62	13,32
4	Неживая природа	12,28	12,77	12,23

	Метафорическая модель	Количество, %, Россия	Количество, %, Китай	Количество, %, США
5	Строительство	9,94	5,64	5,9
6	Искусство	7,02	6,93	6,33
7	Педагогика	2,34	4,26	1,75
8	Болезнь	1,75	1,29	4,59
9	Животный мир	-	1,58	1,75
10	Растительный мир	-	4,26	1,97
11	Механизм	-	2,77	1,97
12	Организм	-	5,74	6,33
13	Родство	-	1,29	-
14	Цвет	-	2,87	-
15	Материал	-	1,88	-
	Другие	0,58	0,49	0,44

В Таблице 1 представлены метафорические модели, востребованные при формировании образа Китая в русском, китайском и американском дискурсе, в том числе общие для политического дискурса России, Китая и США 8 метафорических моделей со сферами-источниками: «война», «путь», «спорт и игра», «неживая природа», «болезнь», «искусство», «строительство» и «педагогика»; 4 специфичные модели для дискурса США и Китая со сферами-источниками: «растительный мир», «механизм», «животный мир», «организм»; 3 специфичные модели для дискурса Китая со сферами-источниками: «цвет», «родство», «материал».

Высокая степень метафоричности китайского политического дискурса обусловлена особенностями китайского традиционного мышления и национальной культуры, а также спецификой китайского языка, имеющего слоговую структуру, иероглифическую и идеографическую систему письма.

Китайский текст характеризуется высокой плотностью информации: для передачи одного и того же содержания необходимо значительно меньшее количество китайских иероглифов, чем знаков буквенного письма. В то же время китайские иероглифы как инструмент идеографического слогового письма имеют

широкие культурные коннотации. Эти особенности обуславливают более эффективную передачу информации в тексте на китайском языке, а также более высокую плотность метафор в китайском дискурсе по сравнению с русским и американским.

На основании полученных данных можно сделать вывод, что в американском дискурсе при моделировании образа Китая метафорических моделей больше, чем в русском. Это связано, на наш взгляд, с тем, что США соревнуются с Китаем, в США о Китае пишут чаще и метафор больше, поэтому он находится в фокусе внимания. Кроме того, данный факт может объясняться склонностью американских СМИ представлять факты в субъективной авторской интерпретации, в форме оценочного мнения, что позволяет повлиять на мышление читателей, изменить их ценности, позиции, мироощущение в процессе чтения. Использование метафор может неявно выражать позицию и отношение автора, поэтому частота использования метафор в английском дискурсе намного выше, чем в русском дискурсе.

В российском дискурсе обнаруживается тенденция к непредвзятой и точной передаче подлинных событий в новостях о Китае, образ которого характеризуется нейтральностью и объективностью, поскольку отсутствует соперничество между странами. В российских публикациях проявляется уважительное отношение к Китаю как к партнеру России в международных отношениях и дружественному государству, дается объективная информация о Китае и его позиции по различным вопросам.

В американском дискурсе (как в дискурсе оппонента Китая) больше отрицательных образов, чем положительных; метафоры с отрицательным потенциалом, как правило, больше тяготеют к развертыванию в тексте, так как «все отрицательное различается языком гораздо тоньше и детальнее, чем положительное» [Мельчук, 2012 с. 24], именно поэтому в американском дискурсе метафор зафиксировано большее количество метафорических единиц; в дискурсе России (как партнера Китая) преобладают нейтральные и положительные образы.

2.3. Универсальные метафорические модели в российском, китайском и американском политическом дискурсе

2.3.1. Милитарная метафора

В национальных политических дискурсах трех стран при репрезентации образа Китая одной из наиболее частотных универсальных моделей является метафора войны. Метафора войны по шкале частотности в дискурсе России находится на втором месте (20,47%), в дискурсе Китая и США – на первом (21,19% и 23,36% соответственно).

Особенности функционирования военной метафоры исследуются учеными на материале различных эпох и дискурсов [Баранов, Караулов 1991; Солопова, Салтыкова 2018; Чудинов 2003; Lakoff, Johnson 1980; Xie, Jing 2011]. В фокусе исследовательского внимания находятся проблемы универсальности и неизменной востребованности милитарной метафоры в различных типах дискурса, ее потенциал в формулировании острых социальных и политических вопросов, зависимость от экстралингвистического контекста, структура модели, функции метафор войны.

Высокая степень востребованности милитарных метафор обусловлена тем, что, во-первых, источниковая сфера представляет собой хорошо структурированную схему, известную и понятную каждому человеку и входящую в универсальную когнитивную базу; во-вторых, милитарные метафоры четко диагностируют проблему, требующую неотложного решения; в-третьих, их отрицательная коннотативная нагрузка позволяет не только сфокусировать внимание на существующей проблеме, но и мотивировать к совершению тех действий, которые желательны для продуцента текста.

В метафорической модели военные метафоры распределены по общим фреймам: «Бой, ведение и результаты войны», «Участники войны», «Оружие». Специфичным фреймом для дискурса Китая является фрейм «Поле боя». В модель включены следующие метафорические единицы: «борьба», «завоевание», «война»,

«блокада», «союзник», «бой», «победить»; «战役» (бой), «斗争» (борьба), «出征» (выступить в поход), «敌人» (враг), «战士» (солдат), «哨兵» (часовой), «战胜» (победить), «武装» (вооружение), «武器» (оружие), «战线» (фронт), «一线» (передовая линия), «战场» (поле битвы); «attack» (атака), «fight» (битва), «battle» (бой), «ally» (союзник), «partner» (партнёр), «enemy» (враг), «fighter» (боец), «soldier» (солдат), «win» (победить), «defeat» (поражение, неудача), «lose» (потерпеть поражение), «victory» (победа) и др.

В современном политическом дискурсе трех стран метафоры войны актуализированы в контексте профилактики и контроля эпидемии COVID-19:

(1) *Китай продолжает поэтапно смягчать свою суровую политику **борьбы** с COVID-19* (Известия, 07.11.2022).

В примере (1) русские СМИ рассматривают борьбу Китая с вирусом как борьбу за все человечество, сочувствуют Китаю как борцу с эпидемией. Победа Китая приравнивается к победе всего человечества.

В китайском политическом дискурсе переосмысление милитарных понятий часто используется для моделирования образа государства как борца за все человечество:

(2) *习近平主席介绍了中国经验，呼吁国际社会坚决**打好疫情防控全球阻击战*** (Председатель Си Цзиньпин представил опыт Китая и призвал международное сообщество **решительно вести глобальный оборонительный бой по профилактике и контролю эпидемии коронавируса**) (Жэньминь жибао, 02.04.2020).

В рамках милитарной метафоры эпидемия моделируется как война, коронавирус – как враг, медицинские работники – как солдаты, глава государства – как предводитель войска, народы всего мира – как соратники в этой борьбе. В новостном тексте о борьбе с COVID-19 средства массовой информации активно используют метафоры войны в публикациях о пандемии для сравнения профилактики COVID-19 с «войной» против вируса, для размышлений о желании общественности активно участвовать в профилактике эпидемии. Милитарная метафора апеллирует к эмоциональной сфере, позволяет привлечь внимание к

проблеме, способствует вовлечению общественности в борьбу с эпидемией коронавируса и мобилизует массы на борьбу с чрезвычайной ситуацией и уничтожение «врага» (болезни).

(3) *The outbreak poses “serious challenges to the country’s **hard-won victory** in the epidemic battle,” said the newspaper The Global Times, which is published by the ruling party’s People’s Daily (Вспышка создает “серьезные проблемы для с трудом одержанной победы страны в борьбе с эпидемией”, заявила газета The Global Times, которая публикуется People’s Daily правящей партии) (U.S. News, 05.08.2021).*

В данном контексте сложности, которые ожидают Китай в борьбе с эпидемией, преподносятся как трудности, с которыми сталкивается все человечество. Использование метафор войны в этом ракурсе, как правило, создает позитивный образ Китая.

В политическом дискурсе военные метафоры в политическом дискурсе России востребованы для репрезентации международных или внутренних проблем, с которыми Россия и Китай сталкиваются вместе и борются сообща:

(4) *Москва и Пекин успешно противостоят международным ограничениям и даже **побеждают** Вашингтон в санкционной войне (Аргументы и факты, 30.12.2022).*

Хотя Китай и Россия эксплицитно не представлены союзниками, тот факт, что и Китай, и Россия выигрывают эту войну, достаточен для того, чтобы доказать, что оба государства находятся по одну сторону баррикад, они являются партнерами.

В политическом дискурсе США в новостях о политике и дипломатических отношениях использование метафор войны часто создает негативный образ Китая. При изучении формирования образа Китая в политическом дискурсе США китайские ученые обнаружили, что в связи со стремительным развитием Китая американские СМИ, уделяя слишком много внимания его военной мощи, предлагают «теорию китайской угрозы» (China Threat Theory), а именно утверждают, что военная система Китая доминирует в Азиатско-Тихоокеанском регионе посредством привычных действий, таких как запугивание; считают, что возвышение Китая бросает вызов американской социальной системе и ценностям,

для того чтобы поддерживать гегемонию своей страны в международном сообществе; очерняют другие страны и формируют их негативный образ [Liu Jinan, He Hui 2008; Wu Fei 2015].

Территориальные проблемы Китая, особенно проблемы Тайваня и Гонконга, всегда являются «горячими» темами в политическом дискурсе американских СМИ:

(5) *The United States and China are stepping up their **war of words** over Taiwan in a long-simmering dispute that has significant implications for the power dynamic in the Indo-Pacific and beyond (США и Китай усиливают свою **словесную войну** из-за Тайваня в давно тлеющем споре, который имеет значительные последствия для динамики власти в Индо-Тихоокеанском регионе и за его пределами)* (U. S. News, 26.10.2021).

Освещая территориальные проблемы Китая, американские СМИ часто описывают Китай как страну-изгоя, которая использует свою гегемонию для насильственной оккупации «других стран» и вмешательства в их внутренние дела, рассматривают Тайвань, Гонконг, Синьцзян, другие провинции и города (которые на самом деле являются частью Китая) как жертв, изображают себя союзниками этих «жертв», противопоставляя собственную политику и политику КНР.

Фрейм «Участники войны» частотен в политическом дискурсе трех стран. В российском и китайском дискурсе в рамках этого фрейма используются метафорические единицы для формирования положительного образа страны:

(6) *Российский лидер Владимир Путин обвинил США в сдерживании РФ, Китая и Ирана. По словам президента, на очереди другие страны, в том числе **партнеры и союзники** Вашингтона* (Аргументы и факты, 30.09.2022).

В контексте (6) Китай рассматривается как страна, которая сталкивается с той же ситуацией, что и Россия: на нее оказывают давление Соединенные Штаты. В то же время подразумевается, что Китай и Россия должны объединиться, чтобы противостоять давлению США.

(7) *在同病毒短兵相接的**白衣战士**中, 有近一半是 90 后、00 后, 他们不怕苦、不畏难, 展现出青春风采和民族希望 (Почти половина **одетых в белое солдат**, сходящихся в рукопашной схватке с вирусом, родилась в 1990-х и 2000-х годах. Они*

не боятся лишений и трудностей, демонстрируя свою молодость и изящество, в них – надежда нации) (Гуанмин жибао, 14.04.2023).

В отличие от образов «союзников» или «врагов», образ «солдата» не несет положительных или отрицательных коннотаций. В политическом дискурсе Китая такие метафоры часто используются для репрезентации народа или страны как силы в борьбе с эпидемией или в достижении цели государства – полного построения среднезажиточного общества. Использование метафор формирует образ Китая как страны, которая может преодолеть все трудности, с которыми сталкивается.

В политическом дискурсе США в новостях о политике и дипломатических отношениях часто используются милитарные метафоры, которые описывают участников события как «союзника» или «врага», что прямо и однозначно продуцирует либо положительный, либо отрицательный образ государств. А в новостях по теме экономики и торговли наиболее распространенными метафорическими единицами являются «партнер», «друг», «friend», «ally», «partner»:

(8) *China has not criticized Russia over its actions Ukraine, and has joined in verbal attacks on Washington and its **allies*** (Китай не критиковал Россию за ее действия на Украине и присоединился к словесным нападкам на Вашингтон и его **союзников**) (U. S. News, 24.02.2022).

В контексте (8) вербальные конфликты сравниваются с реальными войнами, в которых существуют враги и союзники, причем автор полагает, что Китай и Россия не являются союзниками Вашингтона, что усиливает международную напряженность. Хотя метафоры в примерах (6), (8) используются в чрезвычайно похожих контекстах, значения, которые они несут, совершенно разные из-за различий в государственной идентичности, политической позиции адресата и адресанта.

(9) *This shared mistrust of the United States and its allies has deepened economic links, making China by far Russia's largest single trading **partner*** (Это общее недоверие к США и их **союзникам** углубило экономические связи, сделав Китай на

сегодняшний день крупнейшим торговым **партнером России**) (The Washington Post, 11.03.2022).

В примерах (9) метафорические единицы иллюстрируют экономические отношения Китая с другими государствами, представляя Китай как партнера и надежного союзника, который может в равной степени помогать другим странам в экономической сфере и других областях и достигать с ними общих целей, что противоречит стратегическим задачам США и союзников этой стороны.

Общим фреймом для политического дискурса трех стран также является фрейм «Оружие». В политическом дискурсе России и самого Китая при формировании образа государства наиболее частотными являются гиперонимы: «оружие», «**武裝**» (вооружение) и «**武器**» (оружие). Это связано с тем, что использование метафор оружия в российском и китайском политическом дискурсе не предназначено для выражения угрозы самой стране:

(10) *России же предстоит понять, как дальше вести себя в ситуации, когда два ее стратегических партнера (Китай и Индия) **бряцают оружием** и обвиняют друг друга в провокациях* (Известия, 20.06.2020).

Поскольку и Китай, и Индия являются стратегическими партнерами России, при описании китайско-индийского пограничного конфликта поведение обоих государств в равной степени характеризуется как обоюдная демонстрация военной мощи с целью избежать обострений в отношениях государства с международными партнерами.

(11) *Российский лидер, говоря о дружбе народов Китая и России, вспомнил китайскую Книгу перемен. «Если у людей есть общность в душе, то их **общая сила настолько велика, что может разрубить самый крепкий металл, преодолеть любую преграду**», — процитировал он* (Известия, 21.03.2023).

В приведенном примере эксплицитно не представлена метафора оружия. Тем не менее российский президент считает, что сила русского и китайского народов подобна острому оружию, которое может разрубить самый прочный металл. Метафорический контекст моделирует образ сплоченности русского и китайского

народов, партнерства и дружбы между государствами, которые сообща могут преодолеть любые препятствия.

(12) *坚持用马克思主义中国化时代化最新成果武装全党、指导实践、推动工作，是我们党创造历史、成就辉煌的一条重要经验* (*Упорство в вооружении всей партии, руководстве практикой и продвижении работы с использованием новейших достижений китаизации и модернизации марксизма является важным опытом для нашей партии в создании истории и достижении совершенства*) (Гуанмин жибао, 01.04.2023).

В примере (12) Коммунистическая партия Китая рассматривается как мощная армия, готовая сражаться за достижение национальных целей, в то время как руководящая идеология марксизма заключается в предоставлении оружия и снаряжения в качестве источника силы для армии. Партия без руководящей идеологии подобна армии без оружия, которая может только потерпеть поражение в битве за достижение национальных целей.

В американском политическом дискурсе используются метафорические единицы, описывающие виды оружия. При моделировании образа Китая активны метафоры сфер-источников «Оружие для обороны» и «Оружие для нападения», последние несут явные негативные коннотативные смыслы:

(13) *How US should respond China's saber rattling Taiwan* (*Как США должны отреагировать на бряцание Китаем саблей против Тайваня*) (The Washington Post, 26.10.2020).

Сабля, как оружие нападения, по своей сути является угрожающей. В данном контексте Китай репрезентируется как опасная страна, которая активно провоцирует Соединенные Штаты и представляет угрозу.

(14) *The United States is accusing China and Russia of **shielding** North Korea from any action by the U.N. Security Council for its unprecedented spate of intercontinental ballistic missile launches, which violate multiple U.N. resolutions* (*Соединенные Штаты обвиняют Китай и Россию в том, что они защищают (щитом) Северную Корею от любых действий Совета Безопасности ООН в связи с беспрецедентным числом запусков межконтинентальных баллистических ракет,*

которые нарушают многочисленные резолюции ООН) (The Washington Post, 21.03.2023).

Использование метафор «оружия для обороны» обычно не вызывает негативных эмоций. Это связано с тем, что оборонительное оружие не представляет угрозы или вреда для противников по его функциональному использованию. Тем не менее, контекстуальное окружение метафорической единицы задает негативную трактовку метафоры: Китай и Россия защищают того, кто нарушает правила и достоин порицания и наказания.

Специфичный фрейм «Поле боя» в дискурсе Китая при моделировании образа Китая используется для конкретизации военного пространства абстрактных понятий.

(15) *面对这场百年不遇的重大疫情，习近平总书记深谋远虑、亲临一线、全程督战* (Перед лицом этой нескончаемой пандемии Генеральный секретарь Си Цзиньпин смотрит далеко вперед, лично находится на передовой линии, контролирует всю войну) (Жэньминь жибао, 04.01.2021).

В примере (15) использование метафор фрейма «Поле боя» моделирует образ лидера страны как отважного военачальника, который устремляется на передний край войны, чтобы защитить интересы страны и народа: он смело вступает в бой, который может угрожать его собственной жизни. Использование указанных метафор повышает доверие и уважение народа к национальному руководству.

В последние годы в связи со вспышкой коронавирусной инфекции COVID-19 общественное здравоохранение стало одной из самых громких тем для средств массовой информации во всем мире. Милитарные метафоры в новостях на эту тему в политическом дискурсе России, США и Китая выражают положительные смыслы при репрезентации образа Китая. СМИ рассматривают болезнь как общего врага всех стран мира, считая целью всего человечества победу над ней. Китай, как и все страны мира, является «солдатом» в этой войне. Использование милитарной метафоры, с одной стороны, привлекает внимание читателей к этому событию; с другой стороны, сообщение о позитивных и эффективных достижениях Китая в борьбе с эпидемией оказывает положительное влияние на отношение его

собственных граждан к борьбе с эпидемией, повышает их уверенность в том, что они в конечном итоге смогут ее преодолеть. Кроме того, некоторые абстрактные медицинские термины, сложные названия инфекций, болезней, процессов лечения и профилактических мер, репрезентированные с помощью метафор войны, отчасти позволяют популяризировать знания о болезни и эффективно смягчить образы кризисных ситуаций.

В политическом дискурсе трех стран активно используются военные метафоры для формирования международного образа Китая. Общими фреймами в трех дискурсах являются «Бой, ведение и результаты войны», «Участники войны» и «Оружие». Милитарные метафоры в дискурсе России и Китая создают образ быстро развивающегося и могущественного Китая в экономической, военной и других областях, постепенно занимающего лидирующее положение на геополитической арене. В дискурсе США для милитарной метафоры типична отрицательная оценка: Китай описывается как страна, которая провоцирует другие страны на международные конфликты.

Большинство военных метафор, используемых в политическом дискурсе США для формирования образа Китая, несут в себе негативный потенциал, при этом репортажи в основном сосредоточены на политических и дипломатических новостях. Использование милитарных метафор для репрезентации образа конкурента и его отношений с другими странами на международной арене, метафорическая концептуализация описываемых событий в терминах войны преувеличивают опасность этих событий и их возможные последствия, усиливают международные конфликты и противоречия между двумя странами, подчеркивая непримиримые позиции двух сторон, что создает негативный образ Китая. Стоит подчеркнуть, что при использовании метафор фрейма «Участники войны» для метафорического представления Китая в политическом дискурсе США Китай никогда напрямую не репрезентируется как враг или оппонент, он косвенно описывается как «не союзник». Возможно, это связано с тем, что Соединенные Штаты рассматривают Китай одновременно и как политического конкурента, и как

экономического партнера и таким образом избегают представления двусторонних отношений между США и Китаем как непримиримой противоположности.

2.3.2. Метафора пути

Следующей универсальной сферой-источником является сфера «Путь». Удельный вес метафор этой сферы-источника при моделировании образа Китая составляет 25,73% в российском политическом дискурсе, 19,41% – в китайском и 20,09% – в американском.

Дорога – это путь сообщения для передвижения людей и транспорта, кроме того, она является важным способом взаимодействия человека с внешней средой. Как сфера-источник метафора пути пронизывает все аспекты человеческой жизни и в основном используется для концептуализации абстрактных сложных систем в нашем повседневном опыте, а также для выражения последовательного, поступательного достижения определенной цели в различных типах дискурса.

В политическом дискурсе метафоры пути используются не только для того, чтобы отразить внутренний мир отдельного человека и его бытие в мире, но и для репрезентации прошлого, настоящего и будущего государства, его движения по направлению к конечной цели [Будаев, Солопова, Зарипов, Бойко 2021; Цонева 2011; Dávid, Furkó 2015; Jurga 2012]. Высокая степень востребованности метафор пути обусловлена тем, что источниковая сфера представляет собой известную и понятную каждому человеку идею движения и связанные с ней образы определения направления, преодоления препятствий и достижения конечной цели.

При моделировании образа современного Китая в трех дискурсах в данной метафорической модели выделяются следующие общие фреймы: «Передвижение в пространстве» и «Затруднение в пути». Общими фреймами для дискурса Китая и США выступают фреймы «Дорога» и «Этапы путешествия», специфическими для дискурса Китая являются фреймы «Транспортное средство» и «Указатель дороги».

В рассматриваемую модель включены следующие метафорические единицы: «ускорить шаг», «поездка», «преграда», «переход», «сталкиваться»; «道路» (дорога), «征程» (поход), «前行» (продвигаться), «攀登» (взбираться), «加快»

(ускорять), «启程» (отправиться), «登顶» (достичь вершины), «障碍» (препятствие), «船» (корабль), «便车» (попутка), «路标» (дорожный знак), «指引» (указывать); «road» – дорога, «direction» – направление, «starting point» – отправная точка, «move» – двигаться, «ahead» – вперед, «step» – шаг, «pace» – темп, «slow» – медленный, «barriers» – барьеры, «hampers» – мешать, «crossroads» – перекресток, «turning point» – поворотный пункт.

В американском и китайском политическом дискурсе для репрезентации образа Китая часто используются лексемы, обозначающие саму дорогу. Распространенной моделью в политическом дискурсе России и Китая является «Развитие государства и национальное возрождение – это дорога»:

(16) *Китай вступает на **новый путь** строительства современного социалистического государства* (Известия, 23.10.2022).

В примере (16) процесс государственного строительства в Китае представлен как целенаправленное поступательное движение вперед.

В дискурсе Китая употребление единиц данной метафорической модели «превращает» абстрактные понятия в конкретные и осязаемые. Дорога здесь становится материальным «носителем» воли государства: Китай неуклонно движется вперед к поставленным целям.

(17) *有习近平同志作为党中央的核心、全党的核心领航掌舵，有习近平新时代中国特色社会主义思想科学指引，有全党全国各族人民团结一心、顽强奋斗，我们就一定能够战胜**前进道路上**出现的各种艰难险阻* (Мы смогли бы преодолеть все трудности и препятствия **на дороге продвижения вперед** с помощью ЦК КПК, ядром которого является товарищ Си Цзиньпин, с помощью научного руководства Си Цзиньпина и его идеи о социализме новой эпохи с китайской спецификой, с помощью сплочения и упорной борьбы всего китайского народа) (Жэньминь жибао, 02.04.2020).

С помощью метафоры в примере (17) государство представлено как путешественник, который может столкнуться с различными препятствиями и

трудностями на пути, как путешественник, который старается выбрать верную дорогу, надеясь достичь поставленных целей собственными усилиями.

Другой моделью в политическом дискурсе Китая является «Развитие международных отношений – это дорога»:

(18) *在相互尊重的前提下、在公平正义的保障下，中国将与各国携手，努力走出一条合作共赢的国与国交往新路* (Исходя из предпосылки взаимного уважения и справедливости Китай будет работать вместе с другими странами, чтобы проложить **новый путь** взаимного выигрышного сотрудничества между странами) (Жэньминь жибао, 26.03.2018).

При описании отношений между странами конечная точка пути – это уже не просто собственная цель Китая. В примере (18) другие страны моделируются как попутчики на пути вперед, благодаря взаимной помощи между странами могут быть достигнуты общие цели. Китай позиционирует себя как заслуживающий доверия партнер для других стран.

Стоит отметить, что в китайском политическом дискурсе путь развития страны не всегда горизонтальный, а часто и вертикальный, представленный в метафоре «горная дорога». Метафора горной дороги является одним из наиболее распространенных слотов в рамках данной метафорической модели:

(19) *新时代的航天工作者要以老一代航天人为榜样，大力弘扬“两弹一星”精神，敢于战胜一切艰难险阻，勇于攀登航天科技高峰* (Аэрокосмические работники новой эпохи должны брать пример со старого поколения космонавтов, стремиться всеми силами развивать дух «Две бомбы, один спутник», осмеливаться преодолевать все трудности и препятствия, и **подняться на вершину аэрокосмической науки и техники**) (Жэньминь жибао, 25.04.2020).

В отличие от образа горизонтальной дороги, в рамках метафоры горной дороги пункт назначения находится на вершине горы; горная дорога извилистая, и в процессе продвижения к вершине каждый маленький шаг вперед, а также каждое восхождение и достижение новой высоты – это успех, достойный празднования. В

китайском политическом дискурсе широко используются метафоры горной дороги для описания достижений страны в науке, технике, искусстве и других областях.

В политическом дискурсе США метафора дороги редко используется для метафорического представления процессов национального или социального развития, наиболее часто она репрезентирует отношения между странами:

(20) *He called for the two countries (China and America) to **put their “relations back on the right track”** as soon as possible and agreed to more “in-depth” conversations and regular contact* (Он призвал две страны (Китай и Америку) как можно скорее **вернуть свои “отношения в правильное русло”** и согласился на более “углубленные” беседы и регулярные контакты) (The Washington Post, 09.09.2021).

Поскольку конечные цели Китая не совпадают с целями США или наносят ущерб интересам США, использование метафоры пути формирует негативный образ Китая: путь, по которому идет Китай, является неправильным путем, необходимо как можно скорее изменить направление, встать на правильный путь и двигаться к цели, которая удовлетворяет обе стороны.

В следующем примере метафора дороги используется для описания методов и способов достижения определенной цели Китая:

(21) *And since **China’s path to victory** in this (financial) game depends in large part on our ignorance of their strategy, Americans will quickly need to get up to speed on both in order to compete* (И поскольку **путь Китая к победе** в этой финансовой игре во многом зависит от нашего незнания его стратегии, американцам нужно будет быстро освоиться с обеими, чтобы составить конкуренцию Китаю) (U.S. News, 10.12.2020).

В примере (21) победа в финансовом соревновании является конечной целью, метафора дороги здесь используется для описания стратегий и способов достижения победы Китаем. Именно благодаря своим уникальным способам Китай остается непобедимым конкурентом.

Фрейм «Передвижение в пространстве» в дискурсах трех стран репрезентирует динамику развития страны в разных областях:

(22) Си Цзиньпин со своей стороны выразил уверенность в том, что, несмотря ни на какие препятствия, Россия и Китай продолжают сплоченно и уверенно **двигаться вперед**, следуя закреплённой в двустороннем договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве концепции (Известия, 28.08.2021).

Использование метафорических единиц указывает на факт передвижения по пути и подчеркивает, что совместными усилиями обеих сторон отношения России и Китая всегда находятся в движении к поставленной цели, идут путем развития, а не пребывают в стагнации.

(23) 美丽中国正在**加速前行** (Прекрасный Китай **набирает обороты, идет вперед**) (Жэньминь жибао, 18.05.2019).

Указание на интенсивный характер передвижения в примере (23) акцентирует внимание на высоких темпах, эффективном характере развития Китая. Подобные метафоры в политическом дискурсе обычно имеют позитивное значение: они укрепляют идентичность народа, способствуют укреплению веры граждан в то, что страна сохраняет постоянный динамичный темп, остается на правильном пути развития и уже близка к конечной цели.

(24) *But if China does **move ahead**, it would mark the first time Beijing has provided lethal aid in the conflict despite repeated warnings by the United States not to provide such support* (Но если Китай действительно **продвинется вперед**, это будет означать, что Пекин впервые предоставил смертоносную помощь в конфликте, несмотря на неоднократные предупреждения Соединенных Штатов не оказывать такой поддержки) (The Washington Post, 24.02.2023).

В примере (24) при моделировании образа Китая в американском политическом дискурсе конечный результат пути не представлен как долгосрочная цель, такая как национальное развитие; это скорее краткосрочная цель: акт Китая по оказанию помощи России в российско-украинском конфликте репрезентирован как шаг вперед на пути к тому, чтобы помочь России одержать победу в конфликте.

В дискурсе трех стран фрейм «Этапы путешествия» представлен общими слотами «Начало пути», «Пункт назначения» и «Перекресток». Отправная точка и конечная точка являются незаменимыми базовыми составляющими элементами

концепции дороги. Путешествие – это процесс, который начинается с отправной точки и продвигается к определенной цели. Развитие государства – это долгое и важное путешествие, в ходе которого нужно двигаться вперед в правильном направлении. Пункт назначения не может быть достигнут в одночасье, движение должно быть поэтапным, и каждый этап важно правильно организовать.

(25) 22 февраля президент России Владимир Путин предположил, что Москва достигнет товарооборота с Пекином в \$200 млрд до наступления 2024 года. Глава государства отметил, что российско-китайские отношения развиваются поступательно, **достигают новых рубежей** (Известия, 29.03.2023).

В российском дискурсе отношения между Китаем и Россией часто моделируются в образе путешественника, неуклонно продвигающегося вперед к установленным обеими сторонами целям. В примере (25) рубеж рассматривается как конечная точка предыдущего этапа и одновременно отправная точка нового этапа на пути китайско-российского сотрудничества. Это не только указывает на то, что направление развития китайско-российских отношений является правильным, но и подчеркивает, что отношения двух стран достигли определенных промежуточных успехов.

(26) 纵使疫情横亘在前，只要团结一心、共克时艰，就能冲破眼前阴霾，**抵达光明彼岸** (Даже если эпидемия мешает двигаться вперед, пока мы объединены и вместе преодолеваем трудности, мы можем прорваться сквозь и **достичь противоположного берега света**) (Жэньминь жибао, 23.02.2022).

Отправная точка – это местоположение путешественника в определенный момент времени в настоящем или в прошлом, а конечная точка – это местоположение определенного момента в будущем относительно отправной точки. Дорога представляет собой линию, соединяющую две точки. Соответственно, развитие страны возможно только после определения отправной и конечной точек, которые в свою очередь позволят выбрать направление, рассчитать маршрут и кратчайший способ достижения конечной точки.

(27) *China's internet watchdog on Friday started a two-month special campaign to clean up "chaos" in online live-streaming and short video businesses, part of a broader*

plan to promote what is deemed as appropriate and legal content. As the starting point, the focus will be to rectify content that is "pornographic, ugly, strange, fake, vulgar and (promotes) gambling," the Cyberspace Administration of China said in a statement (Китайская служба контроля за Интернетом в пятницу начала двухмесячную специальную кампанию по устранению «хаоса» в онлайн-потокном бизнесе и бизнесе коротких видеороликов, являющихся частью более широкого плана по продвижению того, что считается подходящим и легальным контентом. В качестве отправной точки основное внимание будет уделено исправлению контента, который является «порнографическим, уродливым, странным, поддельным, вульгарным и (пропагандирует) азартные игры», – говорится в заявлении Администрации киберпространства Китая) (The Washington Post, 15.04.2022).

В такой интерпретации метафоры пути работают на создание относительно нейтрального образа Китая. Отправной точкой является как текущая ситуация в Китае, так и начало действия или политики. Китай планирует добиться эффективного результата на начальном этапе в надежде, что это сможет привести его к окончательному успеху.

Метафора перекрестка означает исторический или ключевой момент для путешественника, она несет значение выбора пути. Если страна находится на перекрестке, значит, ей необходимо выбрать правильное направление, которое в итоге приведет к пункту назначения и достижению поставленной цели.

(28) *Сейчас, по ее словам, мир находится на перепутье. «Китай, Россия, Иран пытаются создать демократическую систему международных отношений. Это очень беспокоит США, которые пытаются сохранить свою гегемонию, даже с помощью военной силы», – сказала Шаабан (Аргументы и факты, 28.02.2023).*

В примере (28) мир уподобляется путешественнику, идущему по пути мира и стабильности, и каждое международное событие может определить будущее направление его развития. Подобно Китаю, России и Ирану политические решения каждой страны могут оказать значительное влияние на развитие мира.

(29) *历史的关键路口，习近平主席统筹国内国际两个大局，深邃思考着在世界的动荡变革中，中国实现第一个百年奋斗目标的方向和路径* (**На историческом ключевом перекрестке** председатель Си Цзиньпин планирует направления внутренней и внешней политики, глубоко задумывается о направлениях и путях достижения первой 100-летней цели борьбы Китая в условиях бурных перемен в мире) (Жэньминь жибао, 04.01.2021).

В примере (29) китайское государство представлено как путешественник, который под руководством своего проводника преодолевает все препятствия и трудности на пути развития и превращения в современное социалистическое государство. Страна находится на перекрестке, который характеризуется как «ключевой», «исторический». Метафора перекрестка – пространственный образ судьбоносных изменений, важных, переломных моментов, необходимости выбрать одно из возможных направлений, которое в итоге должно привести к конечному пункту назначения и реализации цели. Ответственность за выбор верного пути возложена на главу государства – главного проводника в светлое будущее, что способствует укреплению доверия народа к партии и ее лидеру.

Метафоры фрейма «Перекресток дорог» используются для описания отношений между странами, указывают на необходимость принятия важных решений:

(30) *The China-U.S. relations are at a critical crossroads* (*Китайско-американские отношения находятся на критическом перепутье*) (The Washington Post, 11.07.2022).

В примере (30) отношения между Китаем и США представлены как сложные, наполненные противоречиями. Отношения между двумя странами зашли в тупик, и от решений правительства будет зависеть их дальнейшее направление.

Метафоры фрейма «Затруднение в пути» также активно используются для формирования образа Китая в политическом дискурсе России, США и Китая. Препятствием являются факторы, мешающие развитию общества, экономики, политики или международных отношений страны:

(31) «Для дружбы Китая и России нет границ, наше сотрудничество не имеет запретных зон, а взаимное доверие не встречает преград», — цитирует Юйчэна МИД КНР в пятницу, 3 декабря (Известия, 03.12.2021).

На пути российско-китайских сотрудничества иногда страны встречаются преграды, иногда страны не в состоянии самостоятельно преодолеть трудности, с которыми они сталкиваются, тогда силы объединенного народа обеих стран могут разрешить любые проблемы.

В китайском политическом дискурсе факторы, мешающие продвижению вперед, метафорически описываются как препятствия на пути:

(32) 美国是全球稳定的最大阻碍 (Соединенные Штаты являются **самым большим препятствием на пути** к глобальной стабильности) (Жэньминь жибао, 17.09.2021).

Чтобы осуществить социалистическую модернизацию, Китай неизбежно столкнется с серьезными вызовами и растущим давлением внутри страны и за рубежом. Путь развития страны зачастую усеян терниями и вызовами. Помехи на пути развития государства будут препятствовать темпам прогресса, страна может терять ориентиры и зайти в тупик, однако совместными усилиями всего народа Китай всегда движется к намеченной цели.

(33) *Analysts say the move further **hampers** the already dwindling opportunities that democracy advocates had for reforming Hong Kong's slide toward autocratic rule* (Аналитики говорят, что этот шаг еще больше **мешает** (с учетом) и без того сокращающихся возможностей, которые были у сторонников демократии для реформирования сползания Гонконга к авторитарическому правлению) (U.S. News, 05.03.2021).

В примере (33) формируется негативный образ Китая как барьера и препятствия на пути других государств: он мешает другим путешественникам продвигаться к месту назначения и достигать целей.

В дискурсе Китая фрейм «Препятствие» часто пересекается с единицами сферы-источника «Неживая природа»:

(34) *全球经济逆风而行，中国应夯实五大基础 (Мировая экономика движется против ветра, и Китаю следует укреплять пять основ)* (Жэньминь жибао, 23.11.2022).

В китайском политическом дискурсе образ плохой погоды широко используется для выражения трудностей и преград, с которыми сталкиваются на дороге. Погода считается непредсказуемой и изменчивой и часто используется как метафора для неконтролируемых событий, таких как экономический кризис, беспокойная международная ситуация, вспышка эпидемии COVID-19, которая привлекла внимание в последние годы. В то же время погода не является неизменной, даже самая плохая погода рано или поздно сменится солнечной, что вселяет оптимистичный настрой и дарит надежду на светлое будущее: в конечном итоге все препятствия будут преодолены, решения проблем будут найдены.

Фрейм «Указатель дороги» является общим для трех дискурсов. К этому фрейму относятся объекты, имеющие значение указания направления дороги.

(35) *Возникновение формулы «одна страна, две системы», успешно воплощенной в жизнь в Гонконге и Макао, обозначило своего рода **дорожную карту**, по которой возникший на заре холодной войны кризис мог бы наконец урегуливаться* (Известия, 21.04.2023).

«Дорожная карта» указывает для страны правильный маршрут, по которому можно добраться до пункта назначения. Метафора маршрута в примере (36) представляет правильную политику, которая ведет страну к намеченному пункту назначения, не позволяя совершить ошибку и сбиться с пути.

(36) *有习近平新时代中国特色社会主义思想科学指引，我们就有了思想上的“定盘星”、行动上的“指南针” (Благодаря руководству идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи у нас есть «первая звездочка на шкале китайского безмена» в мыслях (определенное мнение) и «компас» в действии)* (Жэньминь жибао, 15.10.2022).

В путешествии указатель дороги всегда направляет путешественников, не позволяя им сбиться с пути. Поскольку Китай является социалистическим государством, его развитие основано на твердой вере в идеи коммунизма.

Указателями дороги в китайском политическом дискурсе обычно являются политический курс и теория, такие как марксизм, маоизм, теория Дэн Сяопина, которые указывают китайскому народу правильное направление движения.

В дискурсе США наиболее частотной метафорической единицей является «lifeline» (спасательный круг):

(37) *This shared mistrust of the United States and its allies has deepened economic links, making China by far Russia's largest single trading partner. Now, the Chinese could be Russian President Vladimir Putin's **lifeline** in isolation: blunting the force of Western sanctions over his invasion of Ukraine* (Это общее недоверие к США и их союзникам углубило экономические связи, сделав Китай на сегодняшний день крупнейшим торговым партнером России. Теперь китайцы могут стать **спасательным кругом** президента России Владимира Путина в условиях изоляции: ослабить силу западных санкций в связи с его вторжением в Украину) (The Washington Post, 11.03.2022).

Пример (37) показывает, что в политическом дискурсе США Китай метафорически концептуализируется как помощник, проводник и указатель дороги, который помогает странам, оказавшимся в затруднительном положении, выбраться из беды и вернуться на правильный путь. Использование метафорических единиц этого фрейма помогает создать позитивный образ страны, способной поддержать другое государство посредством экономического или политического сотрудничества на международной арене.

Необходимо подчеркнуть, что в рамках данной модели часто используется специфичная для китайского политического дискурса метафора знамени. Она характерна как для политического медиадискурса, так и для официальных документов правительства страны:

(38) *今天的中国，坚定不移地高举中国特色社会主义伟大旗帜，坚定不移地走在中国特色社会主义康庄大道上* (Сегодняшний Китай непоколебимо **высоко держит великое знамя социализма с китайскими особенностями**, он идет по широкому пути социализма с китайскими особенностями) (Жэньминь жибао, 14.04.2021).

Отнесение метафоры знамени к метафорической модели пути связано с тем, что знамена играют символическую и информативную роль на пути движения вперед. В китайском политическом дискурсе метафора знамени часто используется для описания духа, доктрины и убеждений общества или коллектива, духовной силы, которую человек использует в качестве руководства к действию и которая направляет его по пути вперед.

Фрейм «Транспортное средство» является специфичным для дискурса Китая. К данному фрейму в современном политическом дискурсе Китая относятся слоты «Водный транспорт» и «Автомобильный транспорт».

Еще в Древней Греции Платон неоднократно сравнивал государство с кораблем, чтобы объяснить, что править государством должны философы [Lin Guohua 2012]. В китайском политическом дискурсе государство рассматривается как транспортное средство, которое может пересечь море. В отличие от наземного транспортного средства, водный транспорт во время плавания часто подвергается непредвиденным опасностям и угрозам.

Использование метафор модели «Китай – это водный транспорт», во-первых, предполагает, что страна неизбежно столкнется с многочисленными непредвиденными трудностями на этапе продвижения к цели. Во-вторых, когда наземные транспортные средства встречают на пути препятствия, обычным решением является или остановка для устранения препятствия на дороге, или решение объехать препятствие.

(39) 实践充分证明，有习近平同志作为党中央的核心、全党的核心**领航掌舵**，我们就一定能够战胜前进道路上出现的各种艰难险阻 (Мы сможем преодолеть все трудности и препятствия на пути продвижения вперед с помощью **ведения каравана морских судов ЦК КПК**, ядром которого является товарищ Си Цзиньпин) (Жэньминь жибао, 17.11.2021).

Метафора основана на том, что море представляет собой настолько мощную природную силу, что человек не может ей противостоять, и кораблям часто приходится идти вперед в неблагоприятных погодных условиях. В этот момент

рулевой, то есть лидер страны или правительства, становится ключевой фигурой для успешного продвижения вперед.

Все меры, принятые рулевым, чтобы изменить маршрут или повлиять на скорость движения, становятся важными способами решения проблемы:

(40) 一系列逆周期宏观调控“硬核”举措，为**顶风前行航船注入强劲动力**

*(Ряд антициклических макрорегулирований, макроконтролей и «хардкорных» мер принимается, чтобы **вливать мощные силы судам, которые идут вперед против ветра**) (Жэньминь жибао, 04.01.2021).*

Иногда у руля стоит не один человек, а весь китайский народ или несколько государств-партнеров. В этом случае в рамках метафоры корабля китайский народ или содружество государств рассматриваются как сообщество с единой судьбой и общей целью, которая должна быть достигнута совместными усилиями:

(41) *我们都在同一艘船上。风高浪急之时，我们更要把准方向，掌握好节奏，团结合作，乘风破浪，行稳致远，驶向更加美好的明天 (Мы все **на одном корабле**, когда ветер силен, а волны стремительны, мы должны ориентироваться, чтобы идти в нужном направлении, совладать с ритмом, сотрудничать, пользоваться попутным ветром, рассекаать волны, идти стабильно и далеко, идти к лучшему завтрашнему дню) (Жэньминь жибао, 20.11.2020).*

При использовании метафоры водного транспорта в китайском политическом дискурсе весь народ и несколько стран рассматриваются как сообщество с единой судьбой. Во-первых, они совместно продвигаются в нужном направлении по пути к месту назначения, все вместе способствуют сохранению единства народа и развитию дружественных отношений между странами в процессе достижения целей. Во-вторых, поскольку не существует точного фиксированного маршрута для транспорта в море и нет станции или указателя, с помощью которого можно узнать, правильно ли текущее направление или нет, лидеры страны и правительства в образе рулевого повышают доверие людей к себе за счет использования метафоры водного транспорта.

Метафора автомобильного транспорта объясняет концепцию развития и сотрудничества Китая и выражает решимость Китая расширить политику открытости и поделиться возможностями развития с миром. Здесь метафора пути формирует образ Китая как открытого и взаимовыгодного партнера для других стран:

(42) 中国的发展是世界的机遇, 中国是经济全球化的受益者, 更是贡献者。

中国人民欢迎各国人民搭乘中国发展的“快车”、“便车” (Развитие Китая – это возможность для всего мира, и Китай является как выгодополучателем, так и участником экономической глобализации. Китайский народ приглашает людей со всего мира сесть на «экспресс» и «попутку» развития Китая) (Гуанмин жибао, 12.05.2022).

В примере (42) развитие Китая репрезентируется через метафору автомобильного транспорта, а возможность использования другими странами опыта Китая для дальнейшего развития уподобляется поездке на попутке: Китай в качестве лидера, ведущего другие страны к общему развитию и процветанию, передает всем государствам мира решимость расширять свою открытость, готовность делиться достижениями и стремление к общему процветанию на взаимовыгодной основе, преумножает чувства национального достоинства, гордости и уверенности в собственных силах.

Для политического дискурса России и Китая значимость этого понятия объясняется тем, что эта метафора, как никакая другая, способна отражать динамизм и событийность мира. В политическом дискурсе метафоры пути используются для репрезентации движения государства по выбранному направлению к конечной цели. В политическом дискурсе Китая используется множество единиц метафоры пути, сравнивающих развитие страны с путешествием в различных аспектах, раскрывающих позитивное ассоциативное значение: контексты употребления метафор указывают направление развития, пробуждают у людей стремление к лучшему будущему страны; подчеркивают важность политики государства, предписывают людям следовать за партией и

двигаться по правильному пути под ее руководством; мотивируют людей мужественно преодолевать трудности, которые могут встретиться на пути вперед, и неустанно работать для достижения общей цели.

Метафора пути способствует формированию позитивной китайской идентичности, создает образ Китая как «ориентированной на людей, уверенной в себе развивающейся страны», «открытого и инклюзивного, взаимовыгодного и взаимовыигрышного партнера других стран». Метафора пути используется в китайском политическом дискурсе для объяснения направления и целей развития Китая, чтобы мир лучше понял непоколебимую уверенность Китая и его намерение следовать по пути социализма с китайской спецификой.

Стоит отметить, что в политическом дискурсе США развитие Китая редко рассматривается как путь – метафора пути скорее репрезентирует способы и средства достижения краткосрочных целей. Метафора перекрестка используется для обозначения того, что Китай и другие страны стоят перед выбором, описывает неопределенность будущих отношений между государствами.

2.3.3. Спортивная и игровая метафора

Следующей универсальной сферой-источником метафорической экспансии является сфера «Игра и спорт»: метафоры из этой сферы составили 19,89% в дискурсе России, 6,93% – в дискурсе Китая и 13,32% – в дискурсе США. Активизация спортивных и игровых метафор в современном политическом дискурсе обусловлена их относительной близостью к милитарным метафорам за счет наличия двух противоборствующих сторон и стремления одержать победу. Но, в отличие от метафор войны, использование единиц сфер-источников «Спорт» и «Игра» при репрезентации политической действительности делает сообщение менее резким и агрессивным, поскольку победа в спортивных и игровых состязаниях не подразумевает неминуемой гибели противника и его полной капитуляции. Кроме того, исследователи подчеркивают, что метафоры спорта и игры акцентируют идеи борьбы по правилам, сотрудничества в целях победы,

командного результата, которые должны быть присущи и политической сфере [Palmatier, Ray 1989; Бекина 2012; Филиппова 2011; Jansen, Sabo 1994].

В отличие от метафоры войны, с одной стороны, в спортивных соревнованиях и играх нет абсолютных победителей и проигравших, и проигравший в этой игре может стать победителем в другой игре или соревновании. С другой стороны, в данном фрейме метафорические единицы репрезентируют политическую деятельность как сферу, где страны должны вступать в политические игры и состязаться согласно общепринятым правилам. При метафорической характеристике современного Китая наиболее востребованы следующие метафорические единицы спортивной и игровой сфер-источников: «конкурент», «соперничество», «партнер», «соперник», «игрок»; «棋局» (партия), «先手棋» (нападающий ход), «序盘» (начинать партию), «终点线» (линия финиша), «冲刺» (спурт, рывок), «跑道» (беговая дорожка); «play» (играть), «competitor» (конкурент), «leader» (лидер), «rival» (противник), «lose» (проиграть), «chess» (шахматы), «card» (карта), «Domino» (домино) и др.

При моделировании образа современного Китая в трех рассматриваемых дискурсах в данной метафорической модели выделяются следующие общие фреймы: фрейм «Действия и результаты соревнования и игр», «Игроки и участники соревнований», а также общий для дискурсов Китая и США фрейм «Вид спорта и игры».

(43) *«Поэтому европейцы столкнутся с необходимостью, если они хотят купить какие-то объемы СПГ, платить больше, чем платят в Китае. Китай тоже будет включаться в эту гонку и тоже повышать цены, чтобы газ приходил именно к нему», — рассказал Юшков (Известия, 18.04.2023).*

В контексте (43) международная экономика и торговля рассматриваются как гонка, конкуренция, в которой каждый участник пытается пересечь финишную черту первым. Китай является сильным конкурентом для других стран: чтобы победить в конкурсе и получить вознаграждение за природный газ, он старается повысить собственную конкурентоспособность различными способами.

(44) *就自动驾驶领域而言, 我国与世界各国几乎处于同一起跑线上, 因此也最有可能进入世界先进行列 (В области автономного вождения Китай находится почти на той же стартовой линии, что и другие страны по всему миру, поэтому наша страна, скорее всего, также войдет в число передовых стран мира)* (Гуанмин жибао, 01.11.2022).

В примере (44) метафора «Соревнование в беге» пересекается с метафорой пути: общими компонентами являются отправной и конечный пункты, подразумевающие, что участники должны двигаться в направлении к цели и по установленному маршруту. Исходя из этого метафора «Соревнование в беге» подчеркивает скорость достижения финиша: страны по всему миру преследуют ту же цель – выиграть чемпионат и добраться до финиша как можно быстрее, честно соблюдая правила.

В дискурсе США спортивные и игровые метафоры «скрывают» значение военной лексики в военных и политических новостях:

(45) *It said such actions by China's People's Liberation Army threaten the entire region and urged the international community to respond. China has been stepping up its threat to bring the self-governing island under its control by military force with frequent war games and aerial patrols (В нем говорилось, что подобные действия Народно-освободительной армии Китая угрожают всему региону и звучали призывы к международному сообществу отреагировать. Китай усиливает свою угрозу взять самоуправляющийся остров под свой контроль с помощью военной силы, проводя частые военные игры и воздушное патрулирование)* (The Washington Post, 16.09.2020).

С одной стороны, в рамках спортивных и игровых метафор ослабляются негативные образы возможных последствий военных событий, нивелируется беспокойство читателей по поводу этих событий. С другой стороны, в примере (45) американские СМИ представляют отношение Китая к политическим и военным делам как игру, считая, что китайское правительство использует военный потенциал для контроля над другими странами и манипулирования ими.

В дискурсе трех языков при описании тактик и способов ведения политической борьбы и разрешения экономических конфликтов часто используются метафорические единицы, обозначающие участников или игроков тех или иных соревнований и игр.

В политическом дискурсе России активно употребляются метафоры «партнер» (73,3%) – с положительным прагматическим потенциалом; «соперник» и «конкурент» (20%) – с нейтральным потенциалом; «игрок» (6,67%) – с положительным потенциалом:

(46) *Президент заявил, что в страновом измерении Китай – самый крупный торгово-экономический **партнер** России* (Известия, 13.06.2019).

В примере (46) Китай репрезентируется как важный партнер России в разных областях. Россия и Китай – участники международных экономических или торговых соревнований, и только взаимное сотрудничество между странами может принести пользу, а в конечном счете – помочь одержать победу в соревновании.

(47) *С теми же репликами, к слову, активно выступали и США – **участник** пока не затухающего торгового конфликта с Китаем. Кому из противостоящих Пекину в этой глобальной игре геополитических **соперников** приходится и будет приходится тяжелее – Соединенным Штатам или Зеленому континенту, – вопрос открытый* (Известия, 06.11.2022).

В контексте (47) политические игры между странами рассматриваются как глобальная игра, из которой не может выйти ни один игрок. Как и другие, Китай вынужден в ней участвовать в качестве игрока, и противостояние многочисленным соперникам является актуальной и важной проблемой, стоящей перед Китаем в настоящее время.

(48) *美国把中国视为主要战略**竞争对手**和“假想敌”，渲染所谓“中国威胁”，固守冷战思维和“零和博弈”心态，强迫盟友“选边站队”，不惜一切代价压制中国的发展* (Соединенные Штаты рассматривают Китай как своего главного стратегического **конкурента** и «воображаемого противника», преувеличивая так называемую «китайскую угрозу», придерживаясь менталитета холодной войны и «игры с нулевой суммой», заставляя страны

выбирать чью-либо сторону, оказывая давление на развитие Китая любой ценой) (Гуанмин жибао, 20.05.2022).

При формировании образа страны в китайском политическом дискурсе другие страны никогда не позиционируются как возможные конкуренты Китая, но сам Китай часто моделируется как конкурент для других стран. В примере (48) подразумевается, что Китай стремится к миру и поддерживает дружественные отношения с другими странами на мировой арене, но вынужден пассивно участвовать в этом соперничестве из-за неразумного поведения других стран.

(49) *The United States and India have strong political, cultural, and linguistic affinities, and both nations see China as a **military and geopolitical rival*** (Соединенные Штаты и Индия имеют сильное политическое, культурное и языковое сходство, и обе страны рассматривают Китай как **военного и геополитического соперника**) (U. S. News, 18.05.2021).

Рассматривая Китай и США как участников политических и экономических соревнований, американские СМИ противопоставляют Китай своей стране, считают, что быстрое развитие вооруженных сил и экономики Китая представляет собой огромный вызов и может нанести ущерб интересам США.

В китайских и американских СМИ также распространены метафоры со сферой-источником «Игра в шахматы» и «Карточные игры». Использование метафор этих сфер-источников в значительной степени отражает способность игроков хорошо просчитывать ситуацию в ходе ведения политической игры.

Показательно, что в политическом дискурсе при репрезентации Китая в настоящем наиболее востребованы метафорические единицы с явно выраженной лингвокультурной составляющей:

(50) *全面建成小康社会收官之际，一盘更大的棋局正在序盘* (Окончательное построение среднезажиточного общества находится на **финальном этапе (термин в игре в го)**, другая, более крупная партия, уже **начинается**) (Гуанмин жибао, 19.03.2021).

(51) 关键处**落子** – 以区域协调实现高质量发展 (Мы находимся в **ключевой точке (ход в игре го)**, обеспечиваем высококачественное развитие на основе региональной координации) (Жэньминь жибао, 04.01.2021).

Игру го (收官 – термин в игре го, **落子** – ход (при игре в го)) можно рассматривать как один из ключевых факторов, определяющих философию и мировоззрение человека Востока. Сегодня это игра президентов, которая учит искусству стратегического окружения и превосходства. Концепция го определяет стратегии и тактики в политике и бизнесе, где игра воспринимается как универсальный язык, на котором разговаривают те, кто принимает сложные и ответственные решения. Вероятнее всего, именно это обуславливает востребованность метафор рассматриваемой сферы-источника в политическом дискурсе Китая.

Го – игра затяжной «кампании», китайской модели модернизации, одной из основных целей которой является повышение уровня благосостояния народа до среднего достатка, то есть построение среднезажиточного общества к 100-летней годовщине основания КПК (к 2021 году). В этой игре важен каждый ход – каждый пункт в политической программе развития государства и каждое действие, направленное на его реализацию. В ней важен каждый игрок: команда состоит не только из политической элиты, значимым игроком является весь китайский народ, что вызывает в обществе чувство единения и сплоченности.

В американском дискурсе внешнеполитическая деятельность Китая нередко метафорически концептуализируется как игра в шахматы:

(52) *Part of the thinking behind CCP's chess moves lie not just in a big-picture, long-term strategy but in the way that each **move** serves multiple purposes* (Часть мышления, лежащего в основе **шахматных ходов КПК**, заключается не только в общей долгосрочной стратегии, но и в том, что каждый **ход** служит нескольким целям) (U. S. News, 29.09.2021).

В примере (52), с одной стороны, с помощью метафоры шахматной игры в рамках фрейма «Соревнование» осуществляется категоризация Китая как конкурента США и источника потенциальной угрозы для стран Запада. Метафора

шахматной игры используется с целью формирования у представителей западного общества негативного или подозрительного отношения к действиям Китая в мировой политике. С другой стороны, победа в шахматной партии зависит от искусного манипулирования фигурами на доске: в шахматах важен каждый ход, и один неосторожный ход может погубить всю партию. Китай представлен как осторожный и осмотрительный конкурент, с которым США трудно совладать на мировой арене.

Помимо шахматных метафор в американских СМИ также распространены метафоры со сферой-источником «Карточные игры»:

(53) *«China is very worried that the Biden administration will implement its very own containment strategy like during the Trump years. That means Beijing needs as many **geopolitical cards to play** in an effort to make Biden think twice – enter North Korea», says Harry Kazianis, senior director of Korean Studies at the Center for the National Interest («Китай очень обеспокоен тем, что администрация Байдена будет реализовывать свою собственную стратегию сдерживания, как во времена Трампа. Это означает, что Пекину нужно **разыграть как можно больше геополитических карт**, чтобы заставить Байдена дважды подумать и ввести войска в Северную Корею», – говорит Гарри Казиянис, старший координатор направления корейских исследований Центра национальных интересов) (U. S. News, 22.03.2021).*

По сравнению с играми в шахматы карточные игры, как правило, являются видом азартной игры, где ставка делается и на собственный талант, и на удачу. Благоприятные условия и преимущества для развития страны и общества подобны хорошим картам в игре, которые помогают игрокам легче побеждать в политических и экономических соревнованиях и достигать поставленных целей.

При моделировании образа современного Китая в трех дискурсах в данной метафорической модели выделяются следующие общие фреймы: «Действия и результаты соревнований и игр», «Игроки и участники соревнований», а также общий для дискурса Китая и США фрейм «Вид спорта и игры». Метафора спорта и игры имеет структуру, похожую на метафору войны, однако она менее

категорична. Стоит отметить, что в российском дискурсе используется большое количество метафор, моделирующих образ Китая как партнера, транслирующих смыслы дружественных отношений и сотрудничества между странами; для политического дискурса США характерно обратное: частотное использование метафор противника и конкурента формирует образ Китая, который выступает как оппонент Америки.

2.3.4. Метафора неживой природы

К универсальным моделям, зафиксированным в современном политическом дискурсе, относится также метафора неживой природы, представленная во всех трех рассматриваемых дискурсах и составляющая в российском дискурсе – 12,28%, в китайском – 12,77%, в американском – 12,23%.

Особенности функционирования метафоры неживой природы в последние годы исследуются учеными на материале разных дискурсов [Будаев, Кильдюшевская 2018; Будаев, Солопова, Зарипов, Бойко 2021; Чудинов, Будаев, Солопова 2020; Меньшикова 2014; Besomi 2016; Vraciu 2012]. В политическом дискурсе метафора неживой природы является высокочастотной, так как описание политических процессов и событий в рамках этой модели обычно подчеркивает стихийность, неуправляемость, непредсказуемость политического мира в настоящем и возможные глобальные катастрофы будущего.

В представлении образа Китая общими для трех дискурсов выступают метафорические фреймы «Природные стихии» и «Погодное явление», специфичными для дискурса США являются фреймы «Трещина» и «Природные катастрофы».

К данной метафорической модели относятся следующие единицы: «разжигание», «охлаждение», «проникать», «спад»; «逆风» (встречный ветер), «迷雾» (густой туман), «回头浪» (встречная волна), «交汇点» (место слияния), «涓滴之力» (мелкие капли сил), «山水» (горы и реки), «玩火自焚» (играя с огнем, обжечь самого себя); «stamp out» (потушить), «flame» (пламя), «chasm» (трещина), «fire» (огонь), «epicenter» (эпицентр), «surge» (волна),.

В рамках метафоры неживой природы самыми распространенными источниками для концептуализации социальной сферы человеческой деятельности в политическом дискурсе трех языков являются природные стихии огня и воды, что во многом определяется их качествами и состояниями. Образы воды и огня вызывают ассоциации с непрерывным изменением, развитием и беспокойным характером в области политики, экономики и общественных отношений. Оба природных элемента могут нанести большой ущерб, если их вовремя не остановить. Метафоры огня и воды часто выражают опасность или трудности:

(54) *Стороны также отметили, что для решения конфликта на Украине необходимо предотвратить блоковое противостояние и **разжигание** конфликта. Москва и Пекин призвали избегать перехода украинского кризиса в неконтролируемую фазу* (Аргументы и факты, 22.03.2023).

Особенностью огня является то, что он горит энергичнее и сильнее в ветреную погоду. Небольшая искра постепенно перерастает в неконтролируемый бушующий пожар, в конечном счете ставящий под угрозу жизнь. В контексте (54) конфликт между Россией и Украиной представляется пламенем, которое может не только поставить под угрозу интересы Китая и России, но и повлиять на другие страны мира. Китай рассматривается как важная сторона в урегулировании конфликта между Россией и Украиной.

В новостях СМИ Китая на политическую и военную тематику метафора «огонь» часто используется для обозначения опасного действия, которое не следует совершать. В таком контексте страна, которая вызвала пожар или распространила его, часто становится объектом осуждения:

(55) *两岸统一历史大势不可违, “倚美谋独”者终将沦为历史罪人, 图谋“以台制华”者必将**引火烧身*** (Историческая тенденция к воссоединению двух берегов Тайваньского пролива не может быть никем остановлена. Те, кто «следует за США, стремясь обеспечить так называемую независимость Тайваня», в конечном итоге в истории станут преступниками, а те, кто планирует «контролировать Китай с помощью Тайваня», неизбежно будут **сожжены на огне, который сами зажгли**) (Гуанмин жибао, 07.04.2023).

В контексте (55) Соединенные Штаты представлены как субъект, пытающийся разжечь огонь и распространить его на Китай с целью вызвать в нем кризис, нанести ему ущерб. Но Китай является сильным государством, самостоятельно решающим свою судьбу, которое может за себя постоять и нанести ответный удар. Метафора огня в данном примере указывает на то, что США должны понести ответственность за свои действия.

В политическом дискурсе США метафора огня транслирует те же смыслы:

(56) *Chinese President Xi Jinping indicated Friday his country does not plan to send weapons to Russia in support of its brutal campaign in Ukraine, aligning with public and private demands from the Biden administration in recent days that Beijing not further **fan the violence*** (Президент Китая Си Цзиньпин заявил в пятницу, что его страна не планирует отправлять оружие России в поддержку ее жестокой кампании на Украине, согласившись с публичными и частными требованиями администрации Байдена, прозвучавшими в последние дни, чтобы Пекин больше не **раздувал насилие**) (U. S. News, 18.03.2022).

Сравнение насилия с огнем передает смыслы того, что Китай может способствовать распространению огня, следовательно, его политические решения и действия могут вызвать большую опасность и нанести вред. В контексте (56) Китай рассматривается как пособник России, что формирует его негативный образ.

В последние годы в дискурсе США метафора огня также часто встречается в новостях об общественном здравоохранении, особенно в новостях, связанных с пандемией COVID-19:

(57) *On the other, Chinese authorities have adopted draconian measures throughout the pandemic under their policy of seeking to **stamp out** every last case* (С другой стороны, китайские власти принимали драконовские меры на протяжении всей пандемии в рамках своей политики, направленной на **искоренение** каждого последнего случая) (U. S. News, 23.12.2021).

Эпидемия коронавируса обладает теми же свойствами, что и огонь. Искоренить вирус новой инфекции – значит потушить огонь, чтобы эпидемия не распространилась подобно лесному пожару, приведя к огромным потерям.

В следующих примерах анализируется использование метафоры воды в политическом дискурсе. Особенности функционирования метафор рассматриваемой сферы-источника преимущественно исследуются лингвистами на материале политического и публицистического дискурсов [Веснина 2010; Linkeviciute 2018]. Причиной активизации гидронимных метафор в политическом дискурсе являются уникальные черты, присущие сфере-источнику, а именно возможность принимать разные состояния (жидкое, газообразное и твердое), изменчивость, текучесть, сила, мощь.

(58) *Запад в ближайшее время начнет информационную пропагандистскую волну против Китая* (Аргументы и факты, 01.02.2023).

Противостояние внешним силам в примере (58) сравнивается с потенциальной энергией волны, которой трудно противостоять и которая может привести к катастрофическим потерям.

В рамках метафоры неживой природы гидронимная метафора достаточно широко представлены в дискурсе Китая (6,87%). С древних времен использование такого природного элемента, как вода, в качестве метафоры для обозначения различных процессов было прочно вплетено в образ мышления китайского народа, в том числе в политической сфере. В современном китайском политическом дискурсе страна часто рассматривается как та точка (или центр, ядро), к которой стекается вода.

В ситуации борьбы с пандемией гидронимные метафоры передают значение безграничного потенциала, заложенного в китайском народе, способном справиться с любой бедой:

(59) *面对突如其来的新冠肺炎疫情, 无数人将涓滴之力汇聚成磅礴伟力,取得了抗疫斗争重大战略成果* (Перед лицом внезапной пандемии коронавируса **мелкие капли сил бесчисленного множества людей собираются (стекаются) в могучую великую силу** и добиваются крупных стратегических результатов в борьбе с эпидемией) (Жэньминь жибао, 03.01.2021).

Силы всего народа объединяются, как капли воды, превращаясь в могучие реки, моря и океаны, в неисчерпаемый и мощный источник энергии, который позволяет противостоять болезни и сохранить жизнь на планете. В примере (59) гидронимная метафора репрезентирует Китай как единую страну, которая достаточно сильна и способна преодолеть любые возникшие трудности.

Частной реализацией гидронимной метафоры в политическом дискурсе Китая является репрезентация государства в образе корабля: Китай рассматривается как транспортное средство, которому удастся пересечь любые моря. В этом случае метафора воды часто используется для обозначения трудностей и препятствий, с которыми сталкивается страна при достижении своих целей:

(60) *我们深知越是接近民族复兴越不会一帆风顺，越充满风险挑战乃至惊涛骇浪* (Мы хорошо понимаем, что чем ближе мы подходим к национальному возрождению, тем менее гладким будет путь, попутный ветер не раздувает паруса, мы можем столкнуться с рисками, вызовами и даже **страшными валами и яростными волнами**) (Жэньминь жибао, 25.08.2021).

Море – мощная природная сила, которой не может противостоять человек, а кораблям часто приходится идти вперед в неблагоприятных погодных условиях. В этот момент рулевой, лидер страны, становится ключевой фигурой для успешного продвижения к пункту назначения. В данном контексте при помощи метафоры воды демонстрируется, что укрепление доверия народа к правительству и лидерам способствует беспрепятственному осуществлению политики страны.

В политическом дискурсе Китая гидронимная метафора часто «соседствует» с другими метафорами неживой природы, например, из сферы-источника «Виды рельефа», используемыми для обозначения территории государства или непосредственно самой страны:

(61) *美丽中国属于每一个人，需要我们一起建设。未来等待着我們，以实干为画笔，共同描绘出更加美丽的山河* (Прекрасный Китай принадлежит всем, он нуждается в том, чтобы мы строили его вместе. Будущее ждет, когда мы

возьмемся за работу и, будто кистью, нарисует совместными усилиями еще более красивые горы и реки) (Жэньминь жибао, 23.09.2019).

Каждая пядь земли – это часть всей страны. Прекрасные горы и реки составляют прекрасный Китай. Метафоры вызывают положительные эмоции, повышают позитивное отношение народа к правительству, стимулируют общественность к поддержке проводимого правительством политического курса.

В следующем иллюстративном контексте гидронимная метафора акцентирует внимание на том, что защита страны и коммунистического режима, который оправдал свою состоятельность, является обязанностью каждого гражданина:

(62) 习近平指出，红色江山来之不易，守好江山责任重大 (Си Цзиньпин отметил, что **красные горы и реки** дались нам нелегко, на каждом из нас лежит ответственность за их защиту) (Жэньминь жибао, 06.08.2022).

В контексте (62) гидронимная метафора используется для обозначения нового Китая под руководством КПК, она связывает территорию страны с политической властью, подчеркивает, что защита страны и коммунистического режима является долгом каждого гражданина.

(63) *She also compared the new **wave of protests** to the Tiananmen Square demonstrations, adding: “What gives me hope this time is it differentiates from 33 years ago, where previously it was only demands made from students, but now it’s demands from people from all walks of life, including farmers, who felt their lives being crushed.”* (Она также сравнила новую **волну протестов** с демонстрациями на площади Тяньаньмэнь, добавив: “Что дает мне надежду на этот раз, так это то, что она отличается от того, что было 33 года назад, когда раньше это были требования только студентов, но теперь это требования людей из всех слоев общества, включая фермеров, которые почувствовали свою разрушающуюся жизнь.”) (The Washington Post, 28.11.2022).

В иллюстративном контексте (63) воля народа метафорически представляется как волна: энергия неконтролируемого гнева создает кризис для китайского правительства. Использование метафоры воды продуцирует смыслы

стихийности и нестабильности внутри Китая, создавая негативный образ государства.

(64) *“We must be prepared for worst-case and extreme scenarios and be ready to withstand the major test of high winds, **choppy waters** and even **dangerous storms**,” state-run news agency Xinhua quoted Xi as saying on Tuesday in a meeting with China’s top security officials in Beijing («Мы должны быть готовы к наихудшему и экстремальному сценарию и быть готовыми выдержать серьезное испытание сильными ветрами, **неспокойными водами** и даже **опасными штормами**», – цитирует государственное информационное агентство Синьхуа слова Си Цзиньпина, сказанные во вторник на встрече с высшими должностными лицами службы безопасности Китая в Пекине)* (U.S. News, 01.06.2023). Осмысление серьезных изменений экономической и политической ситуации, а также вспышка эпидемии в рассматриваемых странах моделируются как неблагоприятные и неуправляемые стихийные бедствия.

В политическом дискурсе США в контексте международных отношений распространены метафоры «трещина» или «разлом». Так называемая «трещина» образуется по какой-то причине на изначально неповрежденной поверхности земли, однако она не может быть устранена:

(65) *A **growing chasm** in understanding between Washington and Beijing also contributes to rising concern about Taiwan (**Растущая трещина** во взаимопонимании между Вашингтоном и Пекином также способствует росту беспокойства по поводу Тайваня)* (U.S. News, 17.11.2021).

Использование метафор трещины и разлома, с одной стороны, моделирует образ текущих международных отношений между двумя странами, привлекает внимание читателя к анализу причин разрыва отношений; с другой стороны, страна, ответственная за прекращение отношений, становится объектом порицания, что формирует негативный образ Китая на международной арене.

В новостях американских СМИ об отношениях между другими странами (не включая США) метафоры «трещина», «разлом», «раскол» подчеркивают разрыв отношений между сторонами и его необратимость:

(66) *The new assessment from the CIA signals **growing fissures** between the two Eastern powers (China and Russia) that believed cooperation could protect against Western punishments (Новые оценки ЦРУ свидетельствуют о **растущих расколах** между двумя восточными державами (Китаем и Россией), которые полагали, что сотрудничество может защитить их от санкций Запада)* (U.S. News, 10.03.2022).

Использование метафоры разлома в примере (66) вызывает у читателей беспокойство и тревогу по поводу международных отношений, и в то же время способно поколебать твердую уверенность читателей в правильности внешней и внутренней политики обеих стран.

В российском, китайском и американском политическом дискурсе рассматриваемая метафорическая модель представлена также фреймом «Погодные явления»; специфичным для дискурса США является фрейм «Природные катастрофы».

Погодные явления характеризуют текущее состояние отношений между странами и дают им отрицательную или положительную оценку. Быстрые и непредсказуемые изменения погоды соотносятся с нестабильной и сложной политической или экономической ситуацией в мире:

(67) *Однако теперь, после гибели солдат, сохранять равноудаленное положение Нью-Дели станет гораздо сложнее: **охлаждение** отношений с Пекином автоматически означает укрепление связей с Вашингтоном* (Известия, 20.06.2020).

Охлаждением отношений между странами часто сопровождаются кризисы сотрудничества в разных областях. В дискурсе России при описании проблем в отношениях между Китаем и другими странами не используется метафора «трещина», следовательно, в отличие от дискурса США, подразумевается, что шанс на восстановление отношений между двумя странами все еще существует.

Как и в случае с метафорой войны, единицы рассматриваемой сферы-источника востребованы в выступлениях политических лидеров и в публикациях журналистов, затрагивающих проблему пандемии:

(68) *世界阴云密布, 中国雨过天晴. — 率先控制住疫情! 率先复工复产! (В мире небо затянуто тёмными тучами, в Китае небо прояснилось после дождя. Первыми взяли эпидемию под контроль! Первыми восстановили работу и производство!)* (Жэньминь жибао, 04.01.2021).

(69) *在风雨兼程中, 我们告别 2020 年, 迎来 2021 年 (Идем под дождем и ветром, прощаемся с 2020 годом и встречаем 2021 год)* (Жэньминь жибао, 02.01.2021).

В контекстах (68), (69) показано, что Китай противостоит той катастрофе, которую вызвала пандемия коронавирусной инфекции, как погодным явлениям — ветру и дождю. При этом подчеркивается, что в Китае трудности, вызванные аномальным явлением, уже остались позади, и жизнь вернулась в нормальное русло.

Метафоры неживой природы часто пересекаются с единицами сферы-источника «Путь» (фрейм «Препятствия»):

(70) *习近平主席感慨: “我们通过奋斗, 披荆斩棘, 走过了万水千山 (Председатель Си Цзиньпин заявил: «Мы продирались сквозь заросли терновника и срубали колючие кусты, проходили через тьму рек и тысячи гор»)* (Жэньминь жибао, 31.12.2020).

(71) *习近平总书记一次次重要讲话拨云见日、坚定信心: “不要被问题和困难吓倒”“危和机总是同生并存的, 克服了危即是机”!* (Его (Си Цзиньпина) важные заявления **развеели тучи, показалось солнце**, они укрепили уверенность: «Нас не запугать проблемами и трудностями, опасности и возможности всегда сосуществуют, ведь преодоление опасности — это возможность!») (Гуанмин жибао, 18.02.2022).

В примерах (72), (73) одни метафоры неживой природы вербализуют трудности, которые мешают продвижению государства вперед по пути модернизации и прогресса, другие вселяют оптимистичный настрой и «дарят» надежду на светлое будущее, транслируя смыслы того, что все препятствия преодолены, решения проблем найдены или будут найдены в ближайшее время.

(72) *China's security law sends **chill** through Hong Kong, 23 years after handover* (Закон Китая о безопасности вызывает **озноб** в Гонконге спустя 23 года после передачи власти) (The Washington Post, 30.06.2020).

Считается, что комфортные погодные условия – это благоприятные условия для существования, тогда как холодный воздух и переохлаждение могут привести к заболеваниям человека. В контексте (70) болезненное состояние холода (озноб) представлено как вызванное мыслью о возможном нарушении, ухудшении ситуации в Гонконге. Главным виновником в этой ситуации, по мнению американских СМИ, является Китай. Метафора неживой природы указывает на то, что политика Китая неверна, неуместна.

Стихийные бедствия непредсказуемы и разрушительны, их не остановить, они наносят ущерб и приводят к гибели людей:

(73) *Here's the view from Washington on relations between Moscow and Beijing, now being tested by the invasion of Ukraine: An "unsettled" China overestimated prospects for a speedy Russian victory and isn't happy about the war's economic **aftershocks*** (Вот взгляд Вашингтона на отношения между Москвой и Пекином, которые сейчас подвергаются испытанию вторжением на Украину: «колеблющийся» Китай переоценил перспективы скорой победы России и недоволен экономическими **последствиями** войны (землетрясениями)) (The Washington Post, 11.03.2022).

Землетрясение – одна из самых разрушительных природных катастроф. Метафоры данного фрейма характеризуют нежелательные события, затрагивающие интересы государства или народа. В примере (71) выражено значение, что Китай, как и другие страны, пострадал от экономического кризиса.

Итак, можно сделать вывод, что при метафорической репрезентации образа Китая в политическом дискурсе трех стран общим является фрейм «Природные стихии», к которому относятся метафоры огня и воды. Благодаря своим содержательным характеристикам метафора огня олицетворяет опасные события или рискованное поведение в русском, американском и китайском политическом дискурсе, а образ страны, инициирующей это событие, изображается как

негативный. В дискурсе США Китай представляется виновником распространения «пожара» и моделируется как страна, которая намеренно создает международный хаос. В дискурсе Китая, напротив, ответственность за обострение международной обстановки и разжигание кризиса возлагается на Соединенные Штаты, а Китай представляется жертвой этих действий. В дискурсе России образ Китая носит нейтральный или позитивный характер: Китай рассматривается как страна, способная ликвидировать пожар и не допустить распространение огня.

Прагматический потенциал метафоры воды в дискурсах России и США при моделировании образа Китая аналогичен потенциалу метафоры огня. В политическом дискурсе Китая при репрезентации образа собственного государства смыслы, транслируемые метафорой, специфичны. Гидронимная метафора широко используется в современном китайском политическом дискурсе для обозначения политического курса государства, деятельности правительства и лидера. Причина высокой востребованности метафоры воды в политической сфере Китая заключается в том, что понятие воды является одним из базовых понятий категоризации окружающей действительности в китайской лингвокультуре. Метафора воды передает позитивные смыслы и нацелена на то, чтобы вызвать восхищение народа. При моделировании образа Китая в политическом дискурсе гидронимные метафоры в абсолютном большинстве моделируют положительно нагруженные образы. В силу этого гидронимная метафора редко используется для выражения значения опасности.

В американском политическом дискурсе метафора погодных условий используется для репрезентации политики или политических действий Китая, которые приносят неприятности другим странам и провоцируют кризисы. Метафорические единицы специфичного для дискурса США слота «Трещина» обычно используются для описания испорченных отношений между Китаем и другими странами, что, на наш взгляд, нацелено на усиление разногласий между Китаем и его союзниками. В дискурсе Китая метафоры погодных условий используются для обозначения трудностей и препятствий, с которыми сталкивается страна на пути развития.

2.3.5. Метафора строительства

Сфера строительства является одним из универсальных источников метафор в политическом дискурсе России (9,94%), Китая (5,64%) и США (5,9%). Метафора строительства в целом относится к числу ведущих сфер-источников в политическом дискурсе [Санцевич 2003; Солопова 2020; Musolff 2000; Zhang Lei 2018], так как ее использование позволяет моделировать как создание качественно новой, так и реконструкцию прежней формы общественно-политической системы. Подобно метафоре пути, концептуальная модель строительства представляет развитие государства или общества как длительный процесс сооружения здания. Стране или обществу требуется относительно долгое время для достижения конечной цели – завершения строительства, то есть построения гармоничной и мощной страны. Строительные метафоры обычно обладают позитивным значением и являются основой для изображения будущего страны в политическом дискурсе.

Типичные единицы со сферой-источником «Строительство», которые употребляются для концептуализации образа государства в китайском политическом дискурсе, представлены следующими фреймами: «Закладка фундамента», «Процесс строительства», «Конструкция здания».

Данная модель представлена следующими метафорическими единицами: «дверь», «опора», «укрепление», «построить», «упор»; «根基» (база), «地基» (фундамент), «门» (двери), «台阶» (ступени лестницы), «大门» (ворота), «窗户» (окно), «桥梁» (мост), «构筑» (построить), «建设工程» (строительная работа), «筑牢高地» (построить возвышение), «建设» (строить); «build» (строить), «wall» (стена), «window» (окно), «pillar» (столб), «consolidate» (укреплять).

Метафоры, относящиеся к фрейму «Фундамент», используются для описания важнейших, ключевых областей политики, которые служат основой национального и социального развития. В дискурсе России метафора «опора здания» часто используется для выражения значения, сходного со значением метафоры «фундамент»:

(74) «Двусторонние отношения между нашими странами сегодня вышли на новый, беспрецедентно высокий уровень и стали **несущей опорой глобальной стабильности** в условиях усиливающейся геополитической напряженности в мире», — подчеркнул Шойгу (Известия, 13.03.2023).

В примере (74) мир рассматривается как здание, построенное на стабильных отношениях между странами. В отсутствие стабильности мир подобен зданию без опоры, которое будет неустойчивым и может разрушиться, что повлияет на все другие страны.

В политическом дискурсе Китая научная концепция развития государства моделируется как строительство: страна – здание, народ и лидер – строители, развитие страны, проводимая политика – этапы строительного процесса, меры и конкретные шаги – строительные материалы:

(75) 高举思想旗帜，筑牢理论根基 (Высоко держать знамя идеологии, **прочно выстраивать теоретическую базу**) (Жэньминь жибао, 06.01.2021).

В примере (75) выражена идея социализма с китайской спецификой новой эпохи, которая является основополагающей в политике Китая, поскольку недостаточное внимание к основным ценностям социализма может привести к препятствиям в осуществлении реформ, политики открытости и социалистической модернизации и вызвать проблемы в будущем.

В американском политическом дискурсе международные отношения между странами также часто рассматриваются как строительство:

(76) Pompeo's remarks serve as an apparent break from one of the **cornerstones** of U.S.-China policy since a 1979 agreement that Washington agreed not to maintain formal diplomatic relations with the island nation that Beijing considers a «renegade province» (Замечания Помпео служат очевидным отходом от одного из **краеугольных камней** американо-китайской политики со времен соглашения 1979 года, согласно которому Вашингтон согласился не поддерживать официальные дипломатические отношения с островным государством, которое Пекин считает «провинцией-отступником») (U. S. News, 13.11.2020).

В контексте (76) строительная метафора связана с описанием будущего мирового порядка и выражает заинтересованность в сохранении мира и содействии совместному развитию: «здание» международных отношений, возводимое США и КНР, требует совместных усилий граждан и правительств для завершения «стройки». Неслаженная работа может привести к обрушению «здания».

Сквозь призму метафор фрейма «Конструкция здания» страна рассматривается как здание, а такие области, как экономика и образование, являющиеся основополагающими в развитии страны, репрезентируют «строительные элементы» в конструкции этого здания.

В российском дискурсе метафора стены используется для репрезентации отношений между Китаем и Соединенными Штатами:

(77) *Приняв антикитайский законопроект, США построили «непреодолимую стену разногласий» с КНР* (Известия, 11.03.2023).

В примере (77) моделируется ситуация, в которой изначально Соединенные Штаты и Китай находились в одной плоскости, но по политическим причинам правительству США пришлось создать дистанцию между Китаем и США: метафора стены концептуализирует барьер, демонстрируя решимость Соединенных Штатов дистанцироваться от Китая.

В дискурсе Китая к числу доминантных образов в рамках рассматриваемой модели относится метафора дома и связанные с ней концепты:

(78) *中国为世界了解一个真实、立体、全面的中国打开了一扇扇窗户*
(*Китай открыл окна, чтобы мир получил реальное, объемное и всеобъемлющее представление о нем*) (Жэньминь жибао 06.01.2021).

В примере (78) Китай представлен как страна, не изолированная от других государств, готовая к коммуникации с другими странами, предоставляющая им полную информацию о себе.

Метафора дома и составляющих его частей является ключевой константой китайской культуры, поэтому закономерно ее использование в китайском политическом дискурсе при моделировании образа собственного государства.

Метафоры продуцируют образы «нового» Китая – государства, открытого внешнему миру, готового показать всем свои успехи и достижения. Метафоры строительства и дома в китайском политическом дискурсе создают положительные образы государства, которое проводит реформы и инновации, культивирует и укрепляет ценности социалистической идеологии, активно развивает отношения с внешним миром и старается делать все для создания благоприятной международной обстановки.

В политическом дискурсе США отношения между странами концептуализируются сквозь призму метафоры двери:

(79) *We must always **leave the door open** to cooperation with China, but not at the cost of intentionally blinding ourselves to the reality of the situation. China will pursue its own development on its own terms. It's hubristic to think we can change that in the near term* (Мы всегда должны **оставлять дверь открытой** для сотрудничества с Китаем, но не ценой намеренного ослепления себя реальностью ситуации. Китай будет продолжать свое собственное развитие на своих собственных условиях. Высокомерно думать, что мы можем изменить это в ближайшей перспективе) (The Washington Post, 04.11.2021).

Дверь – важный компонент здания, отмечающий проход, соединяющий два пространства. Метафорическое выражение «leave the door open» транслирует значение, что Соединенные Штаты всегда готовы к сотрудничеству с Китаем, но Китай не отвечает благодарностью: он развивается по-своему, не сотрудничая с Соединенными Штатами и часто нарушая созданный ими миропорядок.

(80) *Author and journalist Lenora Chu said the cost of education in China and the mental stress of exams to **climb the education ladder** were a challenge* (Писатель и журналист Ленора Чу сказала, что стоимость образования в Китае и психологический стресс, связанный с экзаменами, чтобы **подняться по образовательной лестнице**, были непростой задачей) (U. S. News, 03.12.2021).

В контексте (80) китайское общество рассматривается как многоэтажное здание, в котором образование – это лестница, а люди, которые получают образование, – это жильцы, которые хотят подняться на более высокие этажи,

откуда открывается красивая панорама – широкие возможности для дальнейших достижений в жизни.

Метафоры, относящиеся к фрейму «Строительство» в трех рассматриваемых дискурсах, репрезентируют китайское общество и государство как здание, при этом политика, экономика и образование выступают фундаментом или конструктивными элементами зданий. Только заложив прочный фундамент, можно построить устойчивое здание, здание без фундамента может рухнуть в любой момент. В такой модели метафора часто несет положительный потенциал. При описании отношений между странами в дискурсе России метафора строительства чаще всего формирует нейтральный или положительный образ Китая, а в дискурсе США – негативный.

2.3.6. Метафора искусства

Метафоры со сферой-источником «Искусство» представлены в политическом дискурсе России (7,02%), Китая (7,62%) и США (6,33%).

Идеи, метафорически переосмысленные в рамках этой сферы, являются понятными и доступными большинству людей. Особенности функционирования метафоры искусства исследуются учеными разных стран [Каслова 2003; Чудинов 2001; Ezrahi 1995]. Широкое распространение метафоры искусства в современном политическом дискурсе объясняется тем, что искусство, ассоциативно связанное с художественностью, красотой и изяществом, обычно вызывает положительные эмоции и уважительное отношение, что позволяет создавать позитивный образ политика или политики и, следовательно, может стимулировать общественность к участию в политической деятельности и поддержке проводимого политического курса.

Частотные единицы со сферой-источником «Искусство», которые употребляются для концептуализации образа Китая в политическом дискурсе России, Китая и США, формируют общие фреймы «Визуальное искусство» и «Словесное искусство»; специфическим для дискурса Китая является фрейм «Звуковое искусство».

Распространенными метафорическими единицами являются «арена», «сценарий»; «交响» (симфония), «和声» (аккорд), «旋律» (мелодия), «画卷» (картина), «故事» (повествование), «史册» (анналы истории), «诗篇» (эпос), «帷幕» (занавес), «世界舞台» (мировая арена), «角色» (персонаж), «主角» (главный герой); «stage» (арена), «spotlight» (прожектор), «playbook» (сценарий), «role» (роль), «depict» (изображать), «picture» (изображение), «painting» (картина).

Метафорические единицы фрейма «Визуальное искусство» используются в политическом дискурсе России для репрезентации позитивного образа Китая в мировой экономической и научно-технической областях:

(81) *По словам президента России, координация Москвы и Пекина на международной арене служит формированию справедливого, основанного на международном праве миропорядка* (Аргументы и факты, 30.12.2022).

В примере (81) выражена идея о том, что каждая страна в мире является и зрителем, и исполнителем на сцене (арене). Каждое политическое действие Китая и России может повлиять на следующие действия других исполнителей, а также оказать влияние на эмоции аудитории, определить успех выступления.

(82) *随着综合国力和国际地位的显著提升, 中国日益走近世界舞台中央* (Благодаря значительному росту всеобъемлющей национальной мощи и международного статуса Китай все больше приближается к центру мировой арены) (Жэньминь жибао, 15.12.2022).

Центр сцены – это место, привлекающее внимание всей аудитории. В примере (82) Китай является одним из главных исполнителей «спектакля», его выступление производит глубокое впечатление на зрителей.

(83) *In an op-ed for The Washington Post, CNN anchor Fareed Zakaria lamented the rigid thinking in Washington that has made dialogue with a host of autocratic regimes difficult, if not impossible, and opened more space for China on the world stage to play a more proactive role* (В интервью The Washington Post ведущий CNN Фарид Закария посетовал на жесткое мышление в Вашингтоне, которое сделало диалог с целым рядом авторитарных режимов трудным, если не невозможным, и открыло

Китаю больше возможностей играть более активную роль на мировой арене) (The Washington Post, 22.03.2023).

Метафорический контекст в (83) репрезентирует признание миром достижений Китая в области экономики и научно-технического прогресса: внимание зрителей приковано к сцене, где Китай стоит в центре, как звезда, покоровшая зрителей талантом и харизмой, он демонстрирует свои достижения всему миру.

В формировании образа Китая в российском, китайском и американском дискурсе также задействованы метафоры, относящиеся к фрейму «Зрительное искусство».

(84) *Китай намерен проводить политику в сфере национальной безопасности, которая предполагает развитие худших **сценариев*** (Известия, 05.03.2023).

В примере (84) Китай представлен как исполнитель определенной роли в сценарии, который не был написан и выбран самим Китаем, а предлагается ему другими странами. Будущий сюжет драмы Китаю заранее не известен, то есть будущая внутренняя и международная ситуация непредсказуема. Чтобы справиться с потенциальными неизвестными вызовами и идеально представить выступление зрителям, Китай должен выработать соответствующую его интересам политику безопасности и стабильности.

Метафоры искусства востребованы в контексте профилактики и контроля эпидемии COVID-19:

(85) *我们用众志成城、坚忍不拔书写了抗疫史诗* (*Мы твердо и единодушно пишем эпос о борьбе с эпидемией*) (Жэньминь жибао, 01.01.2021).

Метафора эпоса активно употребляется в условиях борьбы с пандемией, поскольку инфекция, как и повествование в эпическом произведении, затрагивает судьбы различных персонажей (народов); в нарративе пандемии переплетается несколько «сюжетных линий», события «разворачиваются» на территории нескольких государств одновременно; для пандемии характерен масштабный охват территорий, как и в случае художественного пространства эпоса.

В дискурсе США Китай обычно представлен как автор драмы, другие государства, участвующие в событиях, – как действующие лица этой драмы, планы Китая – как развязка произведения, а события, описываемые в контексте, – как сюжетная линия или отдельные сцены драмы:

(86) *Intimidation is part of **Beijing's playbook** of transnational law enforcement that has raised alarm in Europe (Запугивание является частью **сценария** Пекина в области транснациональных правоохранительных органов, которая вызвала тревогу в Европе)* (The Washington Post, 29.04.2022).

В примере (86) автор считает, что развязка может оказаться не такой, на которую надеются другие страны: Китай рассматривается как эгоистичная страна, игнорирующая мнения других государств и совершающая неправомерные действия для достижения собственных целей. Государства-участники должны действовать в соответствии со сценарием, написанным Китаем. Китай использует военную мощь, гегемонию и другие средства для получения контроля над политикой других стран. Метафоры, функционирующие в политическом дискурсе США, формируют, таким образом, негативный образ Китая.

Негативный образ Китая формируется также в рамках метафорических единиц, составляющих фрейм «Словесное искусство»:

(87) *Still, after three years spent warning the public about COVID-19's dangers, Chinese officials have begun to **paint** it as less threatening (Тем не менее, после трех лет, потраченных на предупреждение общественности об опасностях COVID-19, китайские официальные лица начали **изображать** его как меньшую угрозу)* (U.S. News, 07.12.2022).

Метафорические смыслы, продуцируемые единицами сферы-источника, связаны с тем, что художником, автором картины, является Китай или китайское правительство, которые достигают политических целей, приукрашивая факты, вводя в заблуждение аудиторию различными способами.

В дискурсе Китая Аналогией литературного произведения эпического характера во фрейме «Звуковое искусство» является симфония:

(88) 广大文艺工作者以人民为中心,创作出《我和我的家乡》、《枫叶红》、《大地颂歌》等文艺精品, **共同奏响人民自强不息的时代交响** (Широкие массы работников литературы и искусства, ставящие во главу угла интересы народа, создали такие художественные произведения, как «Я и моя родина», «Листья клена краснеют», «Гимн земли», и **вместе играют симфонию эпохи** для борьбы народа за свою независимость) (Жэньминь жибао, 06.01.2021).

Метафора симфонии подчеркивает масштабность происходящих процессов, сплоченность народа в достижении целей, грамотное руководство партии, так как симфония – это крупное сочинение, написанное для симфонического оркестра, который невозможно представить без опытного и профессионального дирижера. Большой коллектив музыкантов – народ Китая – исполняет вместе одно музыкальное произведение, в котором каждый играет собственную партию. Именно поэтому для управления оркестром, чтобы последний звучал гармонично и слаженно, требуется талантливый дирижер – председатель Коммунистической партии Китая, который умеет заставлять инструменты играть так, как он того хочет, при этом часто не произнося ни единого слова. Метафора искусства активно используется в китайском политическом дискурсе для положительной репрезентации политических процессов и достижений партии и народа, позволяет привлечь внимание к происходящим событиям, мотивирует аудиторию к участию в общенародной деятельности.

Для репрезентации позитивного образа Китая в трех дискурсах используются фрейм «Визуальное искусство». Посредством метафор, относящихся к данному фрейму, Китай представляется как незаменимое действующее лицо в сфере мировой экономики и политики, и его деятельность привлекает внимание стран всего мира.

Использование метафор со сферой-источником «Словесное искусство», а также относящихся к специфическому для китайского дискурса фрейму «Звуковое искусство» репрезентирует положительный образ Китая. Китай уподобляется симфоническому оркестру, где каждый гражданин является неотъемлемой частью слаженного выступления, – таким образом Китай описывается как единая страна.

В политическом дискурсе США использование метафор из сферы-источника «Искусство» создает неоднозначный образ Китая: метафоры продуцируют не только положительные коннотации, но и отрицательные, наполненные скрытым ироническим смыслом.

2.3.7. Педагогическая метафора

Метафоры сферы-источника «Педагогика» используются во всех трех рассматриваемых дискурсах: российском (2,34%), китайском (4,26%), американском (1,75%).

В настоящее время метафора этой группы исследуется учеными преимущественно на материале образовательного процесса и педагогического дискурса [Будаев, Чудинов 2007; Санта Ана 2007; McGuinness 2005; Tao Mei 2015; Zheng Jinzhou 1997].

Анализ языкового материала позволил выделить общий для дискурсов России и Китая фрейм «Уроки», а также общий для дискурсов Китая и США фрейм «Тест и экзамен». Наиболее распространенными метафорическими единицами являются следующие: «учить», «урок», «научаться»; «高分答卷» (лист с высокой оценкой), «加试题» (дополнительный вопрос), «常规考» (обычный экзамен), «应急考» (внезапный экзамен), «成绩» (успеваемость); «关键一课» (ключевой урок), «必修课» (обязательный предмет); «test» (тест), «question» (вопросы).

В политическом дискурсе России и Китая частотными являются метафоры, относящиеся к фрейму «Урок»:

(89) *Почему Шанхай не вышел с карантина и каковы шансы того, что Китай научится жить с вирусом, как другие страны?* (Известия, 05.04.2022).

В примере (89) педагогическая метафора представляет Китай как незрелого ученика, который еще не полностью овладел знаниями и должен учиться на опыте других стран. В данном случае знание, которым должен овладеть Китай, заключается в том, как сосуществовать с вирусом COVID-19, вместо того чтобы контролировать выход людей на улицу посредством блокады, которая приведет

только к застою социального и экономического развития страны. В примере педагогическая метафора формирует негативный образ Китая.

Следующий пример содержит метафору, представленную в политическом дискурсе Китая:

(90) 树立正确党史观，上好共产党人的必修 (Установить правильный взгляд на историю партии, пройти **обязательные предметы** Коммунистической партии) (Гуанмин жибао, 18.03.2021).

Понятие «обязательный предмет» выступает как фактор, который может непосредственно влиять на результаты экзаменов. Посредством данной метафоры выражена идея о верной трактовке истории партии, понимании коренных причин успехов и позитивных сдвигов с начала проведения политики реформ и открытости, о знании народом высших идеалов и конечной цели социализма с китайской спецификой. Использование педагогической метафоры помогает аудитории лучше понять ситуацию, привлекает внимание к описываемым политическим событиям и процессам, подчеркивает важность, последовательность, необходимость предпринимаемых усилий и действий.

Образ Китая в дискурсе Китая часто репрезентируется с помощью метафоры «экзамен», а в дискурсе США – метафора «тест».

В политическом дискурсе Китая страна часто метафорически представляется как учащийся или абитуриент, который должен сдать экзамены, чтобы перейти на следующую ступень обучения:

(91) 无论是“**常规考**”还是“**应急考**”，中国交上的一份份高分答卷，令世界惊叹 (Китай получил листы с высокой оценкой и на «**обычных экзаменах**», и на «**внезапных экзаменах**», что вызывает удивление у всего мира) (Гуанмин жибао, 04.01.2021).

Метафоры рассматриваемой модели транслируют следующие смыслы: политико-экономическое развитие страны – это запланированный экзамен, на котором проверяют знания по обязательным предметам; борьба с эпидемией – это экзамен, который доказал, что Китай способен решать не только плановые, но и внезапно возникающие задачи; экзаменационные вопросы – это препятствия на

пути к целям развития страны и общества; высший балл – это достижение, оценка за знания, навыки и умения справляться с любыми проблемами.

Метафоры со сферой-источником «Педагогика» занимают важное место в политическом дискурсе Китая, так как на протяжении тысячелетий у китайцев традиционно существует представление о том, что результаты государственных экзаменов (экзамен кэцзюй (科举) – государственный экзамен в императорском Китае и ЕГЭ (高考) в современном Китае), по сути, определяют перспективы жизни человека.

(92) *It's the strongest signal yet that China is **testing** the world's resolve, challenging the countries that expected it would take a good-faith step toward democracy when it joined the World Trade Organization in 2001 and began its path to becoming an integral part of global commerce* (Это самый сильный сигнал о том, что Китай **испытывает** решимость всего мира, бросая вызов странам, которые ожидали, что он сделает добросовестный шаг к демократии, когда он вступил во Всемирную торговую организацию в 2001 году и начал свой путь к тому, чтобы стать неотъемлемой частью мировой торговли) (U.S. News, 29.05.2020).

Причина, по которой метафора «тест» получила распространение в политическом дискурсе США, заключается в том, что в американской системе образования экзамены не так важны, как в китайской, где тесты проводят постоянно; при этом у тех, кто сдает экзамен, обычно не так много времени на подготовку. В примере (92) Китай представлен в образе субъекта, который не сдает экзамен, а сам проверяет знания и умения других. В этом испытании Китай бросает вызов другим странам по всему миру, используя собственные силы, чтобы противостоять им. В данном контексте образ Китая представлен как негативный.

Анализ языкового материала свидетельствует о том, что метафоры со сферой-источником «Педагогика» как в русском, так и в американском дискурсе формируют негативный образ Китая: Китай подобен незрелому учащемуся, которому только предстоит овладеть знаниями и опытом, который уже есть у других стран; в то же время Китай задает трудноразрешимые вопросы другим странам по всему миру, испытывает, «экзаменует» их. В дискурсе Китая

педагогические метафоры, как и другие метафорические модели, способствуют формированию позитивного образа Китая.

2.3.8. Метафора болезни

Исследователи объясняют широкое использование исходного домена «Болезнь» в различных типах дискурса тем, что людям свойственно моделировать окружающий мир по своему образу и подобию, то есть существует тесная связь между метафорами тела и болезни [Moreno 2004; Musolff 2004]. Соответственно, «здоровыми» и «больными», «неестественными» и «ненормальными» могут быть организмы, ситуации, организации, системы, государства, межличностные, социальные, экономические и политические отношения. Метафоры из этой сферы составили 1,75% в дискурсе России, 1,29% – в дискурсе Китая и 4,59% – в дискурсе США.

В настоящее время существует тенденция использовать метафору болезни для концептуализации тех событий, явлений и личностей, которые создают серьезные проблемы и трудности для общества. Более того, эмоциональный заряд метафор болезни обычно помогает моделировать негативные образы, которые подчеркивают безнадежность ситуации в настоящем, а когда речь заходит о будущем – невозможность перемен к лучшему.

В структуре модели выделены общий для трех дискурсов фрейм «Терапевтический результат», а также специфичные для дискурса Китая фреймы «Болезнь», «Лечебное средство» и «Приёмы лечения».

Наиболее распространенными метафорическими единицами являются следующие: «ухудшение», «возрождать»; «定心丸» (успокоительное лекарство), «强心剂» (сердечные лекарства), «疫苗» (вакцина), «把脉» (прощупывать пульс), «问诊» (расспрос больного), «根治» (навсегда избавиться от болезни), «复苏» (восстановление), «毒瘤» (злокачественная опухоль), «病症» (болезнь); «recovery» (восстановление), «resurgence» (возрождение), «revive» (возрождать), «paralyze» (парализовать), «deteriorate» (ухудшаться), «life support» (жизнеобеспечение).

Метафоры, относящиеся к фрейму «Терапевтический результат», используются в дискурсе всех трех языков для описания физического состояния после лечения.

(93) *Отменены ограничения на выезд из страны, обязательный карантин для въезжающих. Это должно активизировать связи между странами, не только экономические, но и социальные. Можно ожидать роста потока туристов. Кроме того, и бизнес получит, наконец, возможность проводить очные переговоры и **возрождать** старые связи* (Аргументы и факты, 30.12.2022).

Из-за эпидемии COVID-19 и строгих мер контроля в Китае отношения между китайскими и российскими предприятиями утратили свою жизнеспособность, подобно больному человеческому организму. В примере (93) сообщается о том, что после того, как Китай отменил жесткий контроль, связанный с эпидемией COVID-19, бизнес между Китаем и Россией начал восстанавливаться, возвращаться к жизни.

Терминология традиционной китайской медицины и современная медицинская лексика формируют исходную область в политическом дискурсе, концептуализируя государственные и социальные проблемы как тяжелые телесные болезни:

(94) *赵乐际强调，腐败是危害党的健康肌体、损害党的生命力和战斗力的**毒瘤**，要深刻认识腐败问题的政治本质和政治危害* (Чжао Лэцзи подчеркнул, что коррупция – это **злокачественная опухоль**, которая угрожает здоровью партии, подрывает жизнеспособность и боеспособность партии; необходимо глубоко понимать политическую суть и вред коррупции) (Жэньминь жибао, 06.03.2021).

Вред, наносимый болезнями человеческому организму, является долгосрочным и до некоторого времени незаметным, и если болезнь не лечить должным образом, то ее результат может быть непоправимым. В то же время от болезней не так легко избавиться, они в определенной степени укоренены в организме человека, поэтому необходимо планировать долгосрочную борьбу с болезнью, используя различные методы лечения. В примере (94) коррупция

представлена как серьезная болезнь Китая, и ее искоренение является важной задачей, которую китайское правительство должно решить.

(95) *Relations between the countries (China and America) have **deteriorated** over the past four years, and the new finding adds to a long list of tension points. Foreign policy officials and experts across the political spectrum in the United States say China will be the greatest challenge for any administration for years or decades to come* (Отношения между странами (Китаем и США) **ухудшились** за последние четыре года, и новое открытие добавляет к длинному списку еще точки напряженности. Представители внешнеполитических ведомств и эксперты по всему политическому спектру Соединенных Штатов говорят, что Китай будет величайшим вызовом для любой администрации на годы или десятилетия вперед) (The New York Times, 19.01.2021).

В примере (95) отношения между двумя странами рассматриваются как здоровое человеческое тело, но из-за ряда проблем эти отношения стали проблематичными. Так как страны не прилагали усилий для восстановления нормальных отношений, это привело к постепенному ухудшению симптомов.

Метафора болезни активно используется в современном политическом дискурсе, что привлекает внимание людей к существующим проблемам, помогает осознать серьезность произошедшего и мобилизует массы на безотлагательное решение национальных и социальных проблем. А в дискурсах России и США с помощью метафоры болезни описывается отношение между странами.

Выводы по главе 2

В данной главе проведен анализ универсальных метафорических моделей, репрезентирующих образ Китая в российском, китайском и американском политическом дискурсе.

Метафорические единицы извлечены методом сплошной выборки из новостных сообщений, опубликованных в электронных версиях российских изданий «Аргументы и факты», «Известия»; китайских изданий «Жэньминь жибао» (人民日报), «Гуанмин жибао» (光明日报); американских изданий «The Washington Post» и «U.S News».

При ручной обработке текстов, классификации метафор и сопоставительном анализе метафорических моделей в политическом дискурсе Россия, Китая и США использован метод метафорического моделирования. Исследовательская картотека включает 171 единицу российского дискурса, 1010 единиц китайского дискурса и 458 единиц американского дискурса, которые актуализируют 15 метафорических моделей в китайском политическом дискурсе, 12 – в американском, 8 – в российском.

Всего в ходе анализа было выявлено восемь универсальных моделей со сферой-мишенью «Китай», представленных в политическом дискурсе России, Китая и США. Четыре из них являются доминантными метафорическими моделями войны, пути, спорта и игры, неживой природы. Высокая степень их востребованности обусловлена тем, что сферы-источники данных метафор понятны каждому человеку, это повышает концептуальную значимость метафорического переосмысления в политическом дискурсе и эффективность его воздействия на сознание адресата.

В метафорических моделях «Китай – это Война» и «Китай – это Спорт и Игра» выделены сходные общие фреймы «Действия и результаты» и «Участники»; входящие в них метафорические единицы используются для описания противоборствующих сторон и выражают их стремление одержать победу. В китайском политическом дискурсе использование военной метафоры и

метафоры спорта и игры направлено главным образом на воодушевление народных масс и привлечение внимания народа к политическим событиям, а не на обострение конфликтов между странами. В американском политическом дискурсе метафоры войны регулярно применяются для создания атмосферы антагонизма и напряженности и призывают к активной борьбе, чтобы сформировать негативный образ Китая как конкурента и врага, несущего угрозу.

При репрезентации политической действительности использование метафор, относящихся к модели «Спорта и игры», делает сообщение менее резким и агрессивным по сравнению с использованием метафор военной модели. Метафоры, входящие во фрейм «Участники», выделяемый в рамках моделей «Война» и «Спорт и игры», непосредственно формируют положительный или отрицательный образ Китая в описываемых событиях: в американском дискурсе метафора «не союзник» используется для изображения Китая как политического врага, представляющего угрозу для США, в то время как в российском дискурсе метафора «партнер» широко используется для выражения дружественных отношений между Китаем и Россией и подчеркивает намерение России сохранять и развивать сотрудничество с Китаем в различных областях.

В рамках метафорической модели пути в дискурсе России и Китая используется образ «Развитие Китая – это Дорога» для репрезентации неуклонного движения Китая вперед к поставленным целям. В то же время в дискурсе США при использовании метафоры «Развитие международных отношений – это Дорога» создается негативный образ Китая, подчеркивается неверная внешняя политика, которую проводит КНР.

Метафорическая модель неживой природы при формировании образа Китая используется в российском, китайском и американском дискурсах. Наиболее распространенными источниками метафор являются природные стихии «огня» и «воды», что во многом определяется состояниями воды и огня и их качествами. В дискурсах России и США прагматический потенциал метафоры воды аналогичен потенциалу метафоры огня: как правило, они выражают значение опасности и трудностей. Как показал проведенный анализ, в политическом дискурсе Китая при

репрезентации образа собственного государства смыслы, транслируемые метафорой воды, специфичны. Гидронимная метафора широко используется в современном китайском политическом дискурсе для обозначения политического курса государства, деятельности правительства и лидера. Причина высокой востребованности гидронимной метафоры в политическом дискурсе Китая заключается в том, что понятие воды является одним из базовых понятий категоризации окружающей действительности в китайской лингвокультуре. Метафора воды передает позитивные смыслы и нацелена на то, чтобы вызвать восхищение народа. При формировании образа Китая в политическом дискурсе гидронимные метафоры в абсолютном большинстве моделируют положительно нагруженные образы, тогда как для выражения отрицательных коннотаций данный вид метафоры используется редко.

В американском политическом дискурсе метафора неживой природы используется для репрезентации политики или политических действий Китая, которые носят неблагоприятный характер для других стран и провоцируют кризисы на мировой арене. Метафорические единицы специфичного для дискурса США слота «Трещина» обычно используются для описания испорченных отношений между Китаем и другими странами, что нацелено на усиление разногласий между Китаем и его союзниками. В дискурсе Китая метафоры погодных условий используются для обозначения трудностей и препятствий, с которыми сталкивается страна на пути развития и которые успешно преодолевает.

В дискурсе России положительный образ Китая создается с помощью метафор строительства, искусства и болезни, которые характеризуются невысокой частотностью. Эти метафоры репрезентируют Китай как страну, развивающуюся быстрыми темпами, опирающуюся на прочный экономический, культурный и политический фундамент, способную преодолеть любые трудности и постепенно занять ведущее положение на мировой арене.

Отрицательно нагруженная педагогическая метафорическая модель репрезентирует негативный образ Китая как незрелой страны, которая еще не в

полной мере овладела умением вести политическую деятельность на мировой арене и должна учиться на опыте других стран.

Негативно нагруженные метафоры в дискурсе США были зафиксированы при реализации четырех метафорических моделей со сферами-источниками: «строительство», «искусство», «педагогика», «болезнь», которые имеют невысокую частотность. С помощью метафор строительства и болезни описывается разрыв дипломатических отношений между странами, вызванный неверными внешнеполитическими установками китайского правительства.

Особое внимание уделяется метафоре со сферой-источником «искусство», которая является моделью, формирующей негативный образ Китая в американском политическом дискурсе. В рамках этой метафорической модели Китай репрезентируется как страна, которая приукрашивает факты и распространяет ложную информацию с целью достижения скрытых политических целей.

ГЛАВА 3. НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА МЕТАФОР СО СФЕРОЙ-МИШЕНЬЮ «КИТАЙ» В КИТАЙСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В данной главе рассматриваются специфичные метафорические модели, репрезентирующие образ Китая в китайском и американском политическом дискурсе; в российском политическом дискурсе специфичных моделей не зафиксировано.

3.1. Метафора животного мира

Метафоры животного мира по степени частотности располагаются на тринадцатом месте – в дискурсе Китая (1,58%) и на двенадцатом месте в дискурсе США (1,75%). Животные служат визуальной парадигмой, которая часто используется в качестве особой модели человеческого общества, поэтому животный мир является одним из древнейших областей-источников метафор. В контексте разных культур символические значения животных могут быть схожими или совершенно противоположными, поскольку люди, принадлежащие к разным этническим группам, воспринимают и анализируют поведение животных по-своему. В последние годы исследование метафоры животного мира проводится на материале различных дискурсов, особенно экономического и политического [Moreno 2004; Xiang Chengdong, Wang Mao 2009].

Метафора животного мира в политическом дискурсе придает объектам характеристики, закрепленные за тем или иным образом животного в определенной культурной традиции. Наиболее распространенными в современном дискурсе Китая являются фреймы «Хищники», «Стадные животные» и «Фантастические животные».

В языковом материале отмечены следующие метафорические единицы, реализующие данную модель: «拦路虎» (тигр, преграждающий путь –

препятствие), «领头羊» (баран-вожак – лидер), «钢铁驼队» (караван стальных верблюдов – китайский железнодорожный экспресс), «凤凰» (птица феникс), «龙» (дракон); «flies» (мухи), «tame» (приручать).

Фрейм «Хищники» часто репрезентирует сложные проблемы, с которыми власть и народ сталкиваются в процессе национального и социального развития:

(96) 面对疫情，中国人民没有被吓倒，而是用明知山有虎、偏向虎山行的壮举，书写下可歌可泣、荡气回肠的壮丽篇章 (Перед лицом эпидемии китайский народ не испугался. Вместо этого он написал великолепную, похвальную и волнующую душу главу о **подвиге, о походе в горы, где водятся тигры** (не бояться трудностей)) (Гуанмин жибао, 18.11.2020).

Тигр в Китае считается диким зверем, обладающим огромной силой. В большинстве случаев метафора «тигр» является положительно нагруженной. В политическом дискурсе Китая метафорический образ тигра подчеркивает сильную власть и волю страны или народа.

Метафоры фрейма «Стадные животные» часто используются в политическом дискурсе Китая для репрезентации лидерства в политической и социальной деятельности.

(97) 中国是南南合作当之无愧的**领头羊**，是南北合作健康发展的推进器，受到国际社会广泛肯定。 (Китай является **бараном-вожаком** в области сотрудничества Юг-Юг и двигателем здорового развития сотрудничества Север-Юг, широко признанного международным сообществом) (Гуанмин жибао, 02.04.2023).

Смысл контекста (97) основан на том, что в стаде всегда есть вожак. Китай в данном примере представлен как лидер в группе развивающихся стран, ответственный за то, чтобы указывать направление развития и вести другие развивающиеся страны к общим установленным целям.

В языковом материале представлены метафоры, в которых переосмыслению подвергаются фантастические животные, не существующие в реальном мире, то есть невозможно объективно установить скрытые значения, основываясь на их жизненных привычках. Фантастические животные выступают символическими обозначениями и тесно связаны с китайской культурой:

(98) 中国是世界上最大的发展中国家，非洲是发展中国家最集中的大陆。当“中国龙”与“非洲狮”携手共舞，中非合作共赢，无疑将汇聚起 26 亿人的智慧与力量，共同迈向更加美好的未来 (Китай – крупнейшая развивающаяся страна в мире, а Африка – континент с самой высокой концентрацией развивающихся стран. Когда «китайский дракон» и «африканский лев» возьмутся за руки и станцуют вместе, взаимовыгодное сотрудничество между Китаем и Африкой, несомненно, обретет мудрость и силу 2,6 миллиарда человек, чтобы совместно двигаться к лучшему будущему) (Гуанмин жибао, 21.06.2019).

Образ дракона имеет совершенно разные трактовки в китайской и западной культурах: если в западной культуре дракон – это воплощение зла, то в восточной традиции дракон представляется как существо, которое может опускаться в морские пучины и подниматься высоко в небеса, умеет говорить по-человечески и обладает способностью вызывать ветер и дождь. В Древнем Китае дракон считался символом богов, императоры сравнивали себя с драконами. В наши дни дракон в китайской культуре олицетворяет счастье, китайцы называют себя потомками дракона; дракон является символом Китая.

Под влиянием культуры Запада образы мифологических животных в китайской культуре трансформировались, приблизившись к их западной трактовке:

(99) 中华民族虽历经磨难却总能**凤凰涅槃般浴火重生**，根本原因就在于**自强不息的文化基因**。(Фундаментальная причина, по которой китайская нация, несмотря на испытываемые трудности, всегда может **искупаться в огне и возродиться заново в состоянии нирваны подобно фениксу**, заключается в ее культурных генах постоянного самосовершенствования) (Гуанмин жибао, 07.12.2020).

Образ феникса существует во многих культурах. В древнекитайских легендах феникс представлен как царь птиц, символизирующий вечную жизнь, счастье, а также олицетворяющий женщин, обладающих высшей властью. В современной китайской культуре образ феникса видоизменился под влиянием культуры Запада: образ феникса моделирует бессмертного человека, который может возродиться после смерти. В примере (99) китайская нация уподобляется птице фениксу: даже если она получит «смертельный» удар и перенесет большие страдания, она способна возродиться. Китайский народ, таким образом, характеризуется как стойкая и жизнеспособная нация, для которой не существует непреодолимых трудностей.

В политическом дискурсе США фреймы в рамках данной модели не выделены в связи с малочисленностью метафор. В американском новостном дискурсе, в отличие от китайского, Китай напрямую не рассматривается как животное – преобладают его характеристики как человеческого существа, описываются его отношение к миру и поведение.

В последние годы в политическом дискурсе США эпидемию часто сравнивают с вредителем животным:

В контексте (100) вирусы сравниваются с дикими животными, чье поведение может причинить вред людям или даже представлять угрозу для их жизни. Однако после «одомашнивания», приручения они могут дружелюбно сосуществовать с людьми. Этот пример дает положительную оценку тому факту, что Китай успешно боролся с эпидемией:

(100) *China ends 2021 with worst COVID week since **taming** original epidemic* (Китай завершает 2021 год худшей неделей по борьбе с COVID с момента **укрощения** первоначальной эпидемии) (U. S. News, 31.21.2021).

Однако в новостях, посвященных политике и дипломатии, та же метафора используется в совершенно противоположном смысле и выражает негативную оценку:

(101) *How China **tames** dissent on the Internet* (Как Китай **укрощает** инакомыслие в Интернете) (The Washington Post, 18.07.2017).

Лексема «tame» означает «делать покорным и послушным, чтобы обуздать или контролировать» [Random House Kernerman Webster's College Dictionary 2010]. В отличие от предыдущего примера, в контексте (101) китайское правительство сравнивается с укротителем, который игнорирует волю народа и насильно умиряет инакомыслие с помощью жестких политических мер. Отмечается, что такие действия правительства могут вызвать недовольство среди граждан и спровоцировать беспорядки, а также стать причиной проблем в международных отношениях.

Рассмотрим еще один пример из американского дискурса:

(102) *“Clearly the PRC is trying to coerce Taiwan, clearly they’re trying to coerce the international community and all i’ll say is we’re not going to **take the bait** and it’s not going to work,” Kahl said* («Очевидно, что КНР пытается принудить Тайвань, очевидно, что они пытаются принудить международное сообщество, и все, что я скажу, это то, что мы не собираемся **заглатывать наживку**, и это не сработает», – сказал Каль) (U.S. News, 08.08.2022).

В основе данной метафоры лежит такое занятие, как ловля рыбы, которое предполагает забрасывание приманки, чтобы рыба, заглотив ее, попалась на крючок. Выражение «заглотить наживку» имеет общеизвестное переносное значение обмана: объекту предлагается нечто привлекательное, соблазнительное для него (материальные блага или психологический комфорт) с целью получения контроля и использование этого объекта для достижения собственных целей. В примере (102) Китай рассматривается как рыбак, а Соединенные Штаты – как рыба. Китай, таким образом, характеризуется как хитрая страна со скрытыми мотивами, каждый шаг ее политического поведения направлен на достижение определенной цели – получение собственной выгоды. В данном примере подразумевается, что приманка, заброшенная Китаем, может оказаться ловушкой, которая в будущем нанесет вред Соединенным Штатам, и правительству США следует проявлять осторожность по отношению к Китаю.

В политическом дискурсе Китая метафоры животного мира связаны с характеристиками, приписываемыми тому или иному животному в национальной

культуре. Так, в китайском политическом дискурсе хищники воплощают трудности, с которыми сталкивается Китай; образы стадных животных репрезентируют лидерство китайского правительства или отдельного человека; фантастическое животное дракон означает удачу и процветание и обычно символизирует Китай. В политическом дискурсе США образ Китая формируется путем описания его поведения, связанного с животными, и в большинстве случаев он негативен.

3.2. Метафора растительного мира

В дискурсе Китая и США зафиксированы метафоры со сферой-источником «Флора» (4,26% и 1,97% соответственно). Использование и особенности метафоры растительного мира в политическом дискурсе исследуются учеными из разных стран [Баранов, Караулов 1991; Солопова 2015; Чудинов 2020; Charteris-Black 2004; Moreno 2005; Lu Weizhong 2019; Mo Huifang 2020]. Метафора растения обычно подчеркивает свойства политической системы как живого организма: рост, питание, непрерывность развития.

Общим метафорическим фреймом со сферой-источником «Флора» в китайском и американском политическом дискурсе является фрейм «Жизненный цикл растений»; в дискурсе Китая отмечен специфический фрейм «Виды растений».

Модель реализуется следующими метафорическими единицами: «落地生根» (пускать корни в землю), «扎根» (пустить корни), «开花» (расцвести), «结果» (плодоносить), «雨后春笋» (молодой бамбук после дождя), «荆棘» (колючка); «growth» (рост), «nourish» (питать), «rejuvenation» (омоложение).

(103) *推动习近平新时代中国特色社会主义思想落地生根* (Способствовать тому, чтобы «идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи» **пускали корни в землю**) (Жэньминь жибао, 06.01.2021).

Контекст (103) является типичным для китайского политического дискурса, где государство часто концептуализируется как почва, а теории и идеи, способствующие развитию общества и страны, – как семена, которые пускают корни и из которых пробиваются ростки развития.

(104) 目前, 我国“长征”系列运载火箭**多点开花** (В настоящее время ракетаноситель серии «Чанчжэн» **многоточечно цветет**) (Жэньминь жибао, 15.03.2021).

В примере (104) метафора цветения репрезентирует достижение успеха в различных областях политико-экономического развития страны, в том числе в военно-промышленном комплексе и космической отрасли.

Использование метафор растительного мира в политическом дискурсе США формирует как позитивный, так и негативный образы Китая:

(105) *China's government has set this year's **economic growth** target at “around 5%” as it tries to rebuild business activity following the end of anti-virus controls that kept millions of people at home* (Правительство Китая установило целевой показатель **экономического роста** на этот год на уровне “около 5%”, поскольку оно пытается восстановить деловую активность после прекращения антивирусного контроля, который удерживал миллионы людей дома) (U. S. News, 04.03.2023).

В примере (105) китайская экономика рассматривается как растение, которое при правильном уходе постепенно расцветает, что формирует положительный образ Китая, подчеркивает динамичные процессы в его экономике, повышающие ее эффективность.

Метафорические единицы специфического для китайского политического дискурса фрейма «Виды растений» используются для моделирования положительного образа Китая:

(106) 要全面贯彻党的民族理论和民族政策, 坚持共同团结奋斗、共同繁荣发展, 促进各民族像**石榴籽**一样紧紧拥抱在一起, 推动中华民族走向包容性更强、凝聚力更大的命运共同体 (Мы должны в полной мере реализовать этническую

теорию и политику партии, придерживаться принципов общего единства и борьбы, общего процветания и развития, способствовать тесному объединению всех этнических групп, подобно **зернышкам граната**, и способствовать движению китайской нации к более инклюзивному и сплоченному сообществу с общим будущим) (Гуанмин жибао, 14.10.2022).

В примере (106) Китай сравнивается с гранатом. Только когда пятьдесят шесть этнических групп будут тесно объединены, как зернышки граната, Китай можно будет назвать единым целым.

(107) 一批具有成长潜力、发展活力的新兴产业如**雨后春笋般拔地而起** (Группа развивающихся отраслей, обладающих потенциалом роста и жизнеспособностью, появилась **как молодой бамбук после дождя** (как грибы после дождя)) (Гуанмин жибао, 09.08.2022).

В примере (107) метафора растения используется для описания быстрого и массового появления новых отраслей экономики в результате правильной политики правительства Китая.

В политическом дискурсе Китая и США отмечается наличие общего фрейма «Жизненный цикл растений»; специфическим в дискурсе Китая является фрейм «Виды растений». Использование в дискурсе США метафор растительного мира для формирования положительного или отрицательного образа Китая в основном зависит от того, затрагивает ли описываемое событие собственные интересы Соединенных Штатов. В китайском политическом дискурсе метафора растительного мира всегда формирует позитивный образ.

Фитоморфная метафора, во-первых, эксплицирует идею взаимосвязи человека и природы; во-вторых, способствует моделированию образа государства как постоянно развивающегося организма, который в настоящий момент достиг своего расцвета; в-третьих, ее использование позволяет привлечь внимание к деятельности государственных структур в тех сферах деятельности, которые «отдалены» от жизни рядовых граждан; в-четвертых, положительно нагруженные в китайском политическом дискурсе фитоморфные метафоры репрезентируют

прогрессивное развитие государства, эволюцию общественно-политической формации – социализма с китайской спецификой новой эпохи.

3.3. Метафора механизма

Метафора механизма часто используется в различных типах дискурса, поскольку исходная область представляет собой хорошо структурированную схему. Первоначально механизмом называлась внутренняя часть машины, которая приводит ее в движение, но эта лексема со временем приобрела переносное значение системы или устройства, определяющего порядок действий [Kong 2015; Moreno 2004]. В политическом дискурсе метафора механизма обычно направлена на изображение государства как хорошо функционирующего, работающего технического устройства, имеющего инструменты управления, которые вряд ли изменятся с течением времени. Метафоры позволяют продемонстрировать сложность государственной системы, дать общее описание ее компонентов и их функций.

Метафоры механизма составили 2,77% в дискурсе Китая и 1,97% – в дискурсе США. В дискурсах представлены общие фреймы данной модели: «Энергия» и «Составная часть механизма».

Модель реализуется следующими метафорическими единицами: «动能» (кинетическая энергия), «动力» (движущая сила), «能量» (энергия), «引擎» (двигатель), «齿轮» (зубчатое колесо), «零件» (запасные части), «螺丝» (винт); «engine» (двигатель), «fuel» (топливо).

Энергия является важнейшей основой работы машины, это отражается и в метафорическом переосмыслении:

(108) 累计开行突破 3.1 万列、通达 21 个欧洲国家的 92 个城市，中欧班列已成为名副其实的国际贸易大动脉，为小康中国增添新动能 (Благодаря тому, что в общей сложности курсирует более 31000 поездов, которые достигают 92 городов в 21 европейской стране, поезд China Europe стал настоящей международной

торговой артерией, **придав новый импульс** умеренно процветающему Китаю) (Гуанмин жибао, 04.01.2021).

Отсутствие кинетической энергии не причинит никакого вреда самой машине, однако приведет к ее остановке, простоя и неспособности достичь желаемых результатов, тогда как при достаточном обеспечении энергией машина будет работать быстро и эффективно. В примере (108) Китай рассматривается как поезд-экспресс, движущийся по рельсам к заранее определенному пункту назначения, придание дополнительного импульса его движению может способствовать более быстрому достижению обществом поставленных целей.

(109) *Though the current U.S. administration policies focus on overtures to Beijing, President Joe Biden **fueled** Chinese paranoia of U.S. support for formal Taiwanese independence during remarks he made during a high-profile video summit with Chinese President Xi Jinping on Monday* (Хотя нынешняя политика администрации США сосредоточена на сближении с Пекином, президент Джо Байден **подбросил дров** для китайской паранойи по поводу поддержки США формальной независимости Тайваня в замечаниях, которые он сделал во время громкого видеосаммита с президентом Китая Си Цзиньпином в понедельник) (U. S. News, 17.11.2021).

Пример (109) показывает, что в дискурсе США Китай не рассматривается как хорошо функционирующая машина: использование словосочетания «Chinese paranoia» свидетельствует о том, что Китай – неисправная и опасная машина, а политика США добавляет топливо в эту опасную машину, что может привести к нежелательным последствиям: машина лишится управления.

При описании политической и общественной деятельности государственные органы и народ часто рассматриваются как винтики или шестеренки:

(110) 奉献精神集中反映了“国家与人民利益高于一切”、“大公无私”、“甘当革命螺丝钉”以及“助人为乐”等社会主义道德风尚与价值追求 (Бескорыстие означает «национальные и народные интересы превыше всего», «быть совершенно беспристрастным», «добровольно стать **революционными винтиками**», «с радостью помогать другим» и другие моральные принципы и стремления к ценностям социализма) (Гуанмин жибао, 27.01.2021).

Метафора механизма имеет сходные характеристики с метафорой тела, в то же время между ними имеется и ряд различий. Если человек испытывает проблемы с какой-то частью тела, его организм продолжит функционировать, чтобы обеспечить жизнедеятельность и выживание. В том случае если незаметная деталь выйдет из строя машины, это приведет к тому, что машина не сможет продолжать работать. В контексте (110) подчеркивается, что каждый человек, являющийся частью машины, играет важную роль.

В ходе анализа языкового материала установлено, что в дискурсах США китайская экономика и китайское общество уподобляются машине:

(111) *Real estate has been the **main engine of China's economic growth** since President Xi Jinping came to office a decade ago. (Недвижимость стала основным двигателем экономического роста Китая с тех пор, как президент Си Цзиньпин пришел к власти десять лет назад)* (The Washington Post, 01.06.2023).

В примере (111) китайская экономика рассматривается как важная часть жизни общества, а именно как двигатель машины-Китая. Если в машине отсутствует двигатель или двигатель не функционирует должным образом, машина не сможет продолжать работу.

Характерной особенностью механизма является длительная работа по строго заданной целевой функции, что актуализирует такие метафорические представленные особенности функционирования государства, как четкая иерархия, где каждый элемент имеет свое место, а все функции выполняются автоматически. Использование метафоры механизма, с одной стороны, подчеркивает важность и необходимость каждого компонента в политической деятельности; с другой стороны, мотивирует аудиторию к участию в ней.

3.4. Метафора организма

Познание человеком окружающего мира тесно связано со знанием организма человека. Метафора организма является одной из архетипических областей, присущих человеческому сознанию с древности. Представление страны как единого биологического организма упрощает восприятие таких сложных явлений,

как внутренняя структура, развитие, оценка политики страны, ее взаимодействие с другими субъектами на международной арене [Чудинов 2020; Musolff 2004].

В рамках метафоры организма, представленной в дискурсе Китая (5,74%) и в дискурсе США (6,33%), наиболее продуктивными общими фреймами являются фрейм «Физиологические органы» и фрейм «Части тела человека». Специфичным для дискурса США является фрейм «Питание и пищеварение», для дискурса Китая – фрейм «Костная ткань».

В проанализированном языковом материале модель представлена следующими метафорическими единицами: «眼睛» (глаза), «手» (рука), «要害» (жизненные центры), «大动脉» (аорта), «主动脉» (аорта), «心脏» (сердце), «骨骼» (скелет), «骨干» (диафиз); «heart» (сердце), «blood» (кровь), «hand» (рука), «glimpse» (взгляд), «head» (голова), «teeth» (зубы), «appetite» (аппетит), «eat» (питаться).

Наименования различных частей человеческого тела используются для сравнения с другими объектами, главным образом, на основе сходства с точки зрения формы, местоположения и функции. Эти органы и части человеческого тела отвечают за различные физиологические функции, такие как наблюдение, речь и т.д.

При описании национальной и международной деятельности в дискурсе Китая метафоры «сердце», «костяк» и некоторые другие используются для выражения важности, значимости руководства в жизни страны:

(112) 亿万人民的主心骨凝聚起上下齐心、共克时艰的磅礴力量 (**Костяк миллионов людей** (Генеральный секретарь Си Цзиньпин) собрал мощную силу, совместными усилиями преодолел временные трудности) (Жэньминь жибао, 04.01.2021).

Использование метафоры организма в китайском политическом дискурсе, с одной стороны, привлекает внимание аудитории к событиям; с другой стороны, оно подчеркивает взаимосвязь, взаимозависимость и взаимовлияние всех членов

обширного и сложного организма Китая как основополагающих для существования страны и ее успешного развития в будущем.

В американских СМИ китайское государство сопоставляется с человеческим телом как со сложной системой:

(113) *The rise of China was arguably the biggest economic story of the 2000s. And a huge part of that tale was China's seemingly **insatiable appetite** for natural resources around the world* (Подъем Китая, пожалуй, был крупнейшей экономической историей 2000-х годов. И огромной частью этой истории был кажущийся **ненасытным аппетит** Китая к природным ресурсам по всему миру) (The Washington Post, 13.02.2014).

Прием пищи является необходимым действием для выживания человека, однако переедание может нанести значительный вред организму человека. В контексте (113) Китай представлен как страна, которая заботится только о сиюминутных интересах и выгоде, не думая о последствиях. «Ненасытный аппетит» является синонимом жадности, и он склонен только увеличиваться со временем, причем даже при осознании проблемы сложно быстро среагировать и сократить объемы потребления до того, как станет слишком поздно и природе будет нанесен непоправимый урон.

Нормальное функционирование систем человеческого организма является основным условием выживания человека. Именно поэтому использование метафоры организма в политическом дискурсе может привлекать внимание аудитории к политическим и экономическим событиям, как к их собственным телам, и помогать читателю понять политику и решения государства сквозь призму метафоры организма.

3.5. Метафора родства

В китайском политическом дискурсе образ страны моделируется с использованием специфичной сферы-источника «Родство» (1,29%). Востребованность таких метафор обусловлена, во-первых, значимостью семейных ценностей в китайском обществе, как и в любой культуре [Джигоева, Стрельникова

2017, Xiao Mingqi 2016], во-вторых, тем, что «в культурной практике китайского общества более четырех тысячелетий подавлялись идеи индивидуализма и всячески подчеркивалось превосходство семьи и социальной группы» [Алдушина 2017: 131].

В структуре модели выделены фреймы «Член семьи» и «Родство».

В дискурсе Китая модель представлена следующими метафорическими единицами: «父母» (родители), «子女» (дети), «儿女» (сыновья и дочери), «兄弟姐妹» (братья и сёстры); «大家庭» (большая семья), «团圆» (собраться всей семьёй).

Семья – это группа, основанная на кровнородственных связях. «Семейная культура» близка китайскому народу, поэтому в китайском политическом дискурсе наиболее распространенными субмоделями метафоры родства являются следующие: «Народ – Член семьи» и «Страны – Родственники»:

(114)

实现祖国完全统一是全体中华儿女的共同愿望, 是民族复兴的题中之义 (Полное воссоединение Родины является общим желанием **всех китайских дочерей и сыновей** и сутью национального возрождения) (Гуанмин жибао, 07.04.2023).

Коллективизм традиционен для Китая, поэтому метафорическая модель родства часто выступает в качестве концептуальной метафоры в китайском политическом дискурсе. Ее использование согласуется с политической концепцией Китая: «56 национальностей образуют одну семью». Метафоры родства подчеркивают гармонию, которая царит в семье-Китае, и дружбу, которой связаны все китайские граждане:

(115) *阿中双方始终是好朋友、好伙伴、好兄弟* (Аравия и Китай всегда **хорошие друзья, хорошие партнеры и хорошие братья**) (Гуанмин жибао, 11.12.2022).

В метафорах родства государства рассматриваются как кровные родственники, что наглядно сокращает дистанцию между двумя странами, укрепляет их близость и подчеркивает братские узы, взаимную поддержку, доверие, общие радости и печали. В примере (115) использование метафоры

родства способствует формированию образа Китая, который ценит дружбу и взаимную ответственность.

Широко используется в китайском дискурсе метафора матери, моделирующая различные образы. Метафору «Родины-матери» можно условно разделить на два самостоятельных образа: «защитница» и «та, что нуждается в защите». В китайской культуре возникновение этой метафоры связывают с историческим контекстом «полуколониального полуфеодалного» общества, когда страна была раздроблена, и Родину-мать нужно было защищать [Pan Xianghui 2018]:

(116) *每一个战士都有着血气方刚的面孔，都是一条条朝气蓬勃的生命，他们时刻准备以青春许国，守护祖国母亲的宁静幸福* (У каждого солдата лицо, полное жизненной силы, и он сам полон жизненных сил. Он всегда готов пожертвовать своей молодостью, чтобы защитить мир и счастье своей **Родины-матери**) (Гуанмин жибао, 16.02.2022).

В современном китайском политическом дискурсе метафора «Родина – мать» в основном используется в другом значении – защитницы:

(117) *结束了156年任人宰割的殖民生活，香港这个饱经苦难的游子，回到祖国母亲的怀抱* (После 156-летней колониальной жизни Гонконг, страдающий скиталец, вернулся в объятия своей **Родины-матери**) (Гуанмин жибао, 03.07.2022).

Суть метафорического смысла образа «Родины-матери» состоит в том, что метафора переносит концепцию кровного родства на отношения между Родиной и народом. Эта метафора всегда положительно нагружена, она определяет взаимосвязь между государством и его гражданами, формирует представление о правах и обязанностях граждан: мать ассоциируется с домом, теплом и уютом, она воспитывает ребенка, а ребенок обязан поддерживать и защищать ее.

Использование метафоры родства репрезентирует отношения между правительством и народом, а также между Китаем и другими странами как кровное родство, то есть отношения тесно связанных между собой близких людей. Этот

образ помогает сократить психологическую дистанцию между сторонами, создать гармоничную и дружественную среду для общения и формирования позитивного образа страны.

3.6. Метафора цвета

Метафоры цвета относятся к культурно-специфичной лексике, что связано с разнообразием условий жизни народов, историей, обычаями, традициями, которые обуславливают различное восприятие и понимание цвета. Исследователи отмечают, что в политическом дискурсе использование культурно-маркированной метафоры цвета оказывает воздействие на адресата, формируя представление о происходящих событиях в необходимом адресанту ключе [Суздальцева 2014; Cui 2012].

При моделировании образа современного Китая при помощи цветовой метафоры (2,87%) фреймы не выделены.

Наиболее востребованы следующие метафорические единицы: 绿色发展 (зеленое развитие, в знач.: экологическое развитие), 红区 (красная зона, в знач.: зона бедствия), 红灯 (красный свет, в знач.: опасность), 开门红 (красный цвет после открытия двери, в знач.: хорошее начало), 绿色消费 (зеленое потребление, в знач.: экологически чистое потребление), 白衣 (люди в белых одеждах, в знач.: медицинские работники), 志愿红 (добровольный красный цвет, в знач.: волонтер),

Сфера-источник «цвет» является одним из основных когнитивных доменов человека [Ци Гуань 2021]. Изучение цветовой символики восходит к древнегреческой эпохе, когда Аристотель предпринял попытку объяснить ощущения цвета [Месяц 2013]. В начале XX века лингвисты обратили внимание на изучение цвета и предложили две точки зрения: культурный детерминизм и языковой эволюционизм. Под культурным детерминизмом подразумевается, что система цветового кода укоренена в языковых и культурных традициях и в значительной степени детерминирована и «ограничена» культурными факторами.

Приверженцы языкового эволюционизма считают, что процессы возникновения и развития цветонаименований в языках являются своего рода лингвистическими универсалиями, так как основные цветонаименования в разных языках универсальны и проходят сходные процессы эволюции [Berlin, Kay 1969].

В китайской политической терминологии широко используется цветовая лексика для обозначения политических событий или концепций. Причина широкой эксплуатации цветонаименований в политической сфере заключается в том, что цвет «существует не сам по себе, а как свойство тех или иных вещей» [Бабайцев 2007: 56].

При анализе китайского политического дискурса можно обнаружить, что частота употребления различных цветовых метафор не одинакова: подавляющее большинство примеров связано с использованием красного цвета. Причина может заключаться в том, что красный цвет в китайской культуре имеет много символических значений, которые в основном транслируют положительные смыслы.

Традиционно в китайской культуре красный цвет символизирует удачу и радость, в связи с чем этот образ широко используется в метафорических единицах, которые выражают положительное отношение, передавая позитивное, радостное восприятие:

(118) 从全国两会看中国，我们有信心把“开门红”扩展为“全年红”，在新征程上赢得更大荣光 (Глядя на Китай с точки зрения Всекитайского собрания народных представителей и Всекитайского съезда народных представителей, мы уверены, что усилим «**красный цвет после открытия дверей**» (в знач.: хорошее начало) до «**красного цвета в течение всего года**» (в знач.: весь год отмечен успехами) и завоюем еще большую славу на новом пути) (Жэньминь жибао, 07.03.2023).

Однако следует заметить, что в последние годы под влиянием процессов глобализации красный цвет стал часто использоваться для обозначения опасности. В современном китайском политическом дискурсе метафоры красного цвета распространены в публикациях, связанных с пандемией:

(119) 报告病例数在短期内大幅增加, 防控形势一度红灯频闪 (Количество зарегистрированных случаев заболевания возросло в короткий срок, в ситуации профилактики и контроля «**красный свет горит непрерывно**») (Гуанмин жибао, 04.01.2021).

В современном китайском политическом дискурсе зеленый цвет означает безопасность, благоприятные условия и охрану окружающей среды:

(120) 对脱贫地区继续实施企业上市“绿色通道”政策 (Продолжать осуществлять политику «**зеленых коридоров**» для регистрации компаний на бирже в бедных районах) (Гуанмин жибао, 23.03.2021).

К наиболее частотным метафорам цвета в китайском политическом дискурсе относятся те, что связаны с красным и зеленым цветом. Метафорическое употребление колоративов интуитивно настраивает адресата на восприятие информации в положительном или отрицательном ракурсе.

3.7. Метафора материала

Причина, по которой метафора материала (1,88%) активна в политическом дискурсе, заключается в уникальных свойствах материала как вещества или смеси веществ. Наиболее часто используемыми в дискурсе Китая являются метафорические образы, связанные со свойствами таких материалов, как камень, металл, кость, которые характеризуются твердостью и долговечностью [Xiong 2012; Zhu 2017]. Функция метафоры материала состоит в том, чтобы соотнести описываемый объект с тем или иным свойством определенного материала.

Наиболее частотными при моделировании образа современного Китая являются фреймы «Металл», «Камень».

В китайском дискурсе отмечены следующие метафорические единицы: «铜墙铁壁» (медные стены, железные валы), «钢» (сталь), «铁» (железо), «铸就» (отливать), «绊脚石» (камень преткновения), «石头» (камень), «石碑» (каменная стела), «铭刻» (вырезать надпись).

Образы железа и стали чаще всего подвергаются метафорическому переосмыслению, передавая значения твердости, остроты и прочности. В китайском дискурсе чаще используются адъективные, чем субстантивные метафоры данной модели.

Представление о «твердости» металла широко используется для выражения духа, воли, веры и других неосязаемых сил:

(121) 共产党人凭着内心不变的坚守和纯粹的信念，铸成了钢铁般的精神和意志，最终夺取抗日战争伟大胜利(Коммунисты твердо придерживались чистых убеждений в своей душе, проявили **стальной дух** и волю и одержали великую победу в войне с Японией) (Жэньминь жибао, 09.11.20).

Метафора камня часто используется для выражения представлений о памяти, которая должна длиться вечно:

(122) 77年前，中国人民同世界人民一道，打败了日本军国主义侵略者和法西斯主义，取得了正义战胜邪恶、光明战胜黑暗、进步战胜反动的伟大胜利。这一伟大胜利永远铭刻在中华民族和人类正义事业的史册上 (77 лет назад китайский народ вместе с народами всего мира разгромил японских милитаристских агрессоров и фашизм и одержал великую победу справедливости над злом, света над тьмой и прогресса над реакцией. Эта великая победа навсегда **вырезана в надписи (на камне)** в истории правого дела китайской нации и человечества) (Жэньминь жибао, 15.08.2022).

Камень не так тверд, как сталь, но он может существовать в мире дольше. В примере (122) речь идет о каменной стеле, на которой выгравированы слова для того, чтобы на века запечатлеть память о героях и их подвиге. Победа, достигнутая Китаем в антифашистской войне с Японией, достойна того, чтобы сохранить ее в сердцах людей всего мира навечно, и эта память долго будет передаваться новым поколениям в том числе и с помощью каменной стелы. Метафора камня в приведенном примере отражает уважение к героям, которые внесли вклад в развитие страны.

Кроме того, метафора камня может обозначать препятствия в рамках метафорической модели «Путь» (фрейм «Препятствия»), представляя трудности, встречающиеся в процессе движения к цели.

(123) 必须清除前进道路上的“拦路虎”和“绊脚石”，让新发展理念在神州大地落地生根 (Мы должны устранить «тигра, преграждающего путь» (преграду) и «камни преткновения» на пути вперед, чтобы новая концепция развития могла укорениться на земле Китая) (Гуанмин жибао, 16.07.2021).

Камень в примере (123) представлен как препятствие на дороге; не убрав его, нельзя двигаться вперед.

Метафора материала используется для репрезентации абстрактных понятий: актуализация представлений о конкретных физических свойствах материалов создает понятные аудитории образы. Такие метафоры передают значение прочности и устойчивости к воздействиям извне.

Выводы по главе 3

В главе проанализированы функционирующие в современном политическом дискурсе двух стран специфические метафоры, моделирующие образ Китая; выявлены особенности использования этих метафор.

В исследовании зафиксированы четыре модели, общие для дискурса США и Китая, со сферами-источниками: «животный мир», «растительный мир», «механизм», «организм», а также три специфичные модели для дискурса Китая: «цвет», «родство», «материал».

В политическом дискурсе США, как и в дискурсе Китая, широко используются метафорические выражения с целью создания позитивного или отрицательного образа страны на международной арене. Американские СМИ стремятся изображать страны, не поддерживающие политическую повестку США, как врага, конкурента, несущего угрозу. Использование таких метафор позволяет сфокусировать внимание американцев на внешней политике и отвлечь их от внутренних проблем.

При описании отношений между Китаем и США в американском дискурсе используются метафорические модели животного мира, механизма и организма, которые реализуют отрицательный потенциал и формируют негативный образ Китая как неискренней страны, политическое поведение которой определяется скрытыми мотивами и направлено на достижение собственных целей; Китай представлен как государство, которое игнорирует волю своего народа, как страна, которая заботится только о сиюминутных интересах и собственной выгоде. Стоит отметить, что в метафорах животного мира обычно представлены действия Китая через то или иное отношение к «животным».

В новостях экономической тематики в дискурсе США выделяется сфера-источник «растительный мир». Составляющие ее метафоры реализуют положительный потенциал при формировании образа Китая: экономика и бизнес Китая растут стабильно и постепенно, не боясь кризисов, вызванных пандемией и санкциями. В дискурсе Китая метафора растительного мира всегда формирует

позитивный образ. Метафорические единицы специфического фрейма «Виды растений» репрезентируют сплоченность китайского народа, прогрессивное развитие государства и социализма с китайской спецификой новой эпохи.

Три специфичные сферы-источника, характерные для дискурса Китая: «цвет», «родство», «материал» тесно связаны с национальной культурой и репрезентируют традиционные культурные символы. В китайском политическом дискурсе данные метафоры выполняют следующие функции: фокусирование внимания на существующей проблеме, воздействие на поведение аудитории, мотивирование адресата к нужным действиям, оказание эмоционального воздействия и преобразование существующей в сознании человека политической картины мира.

При формировании образов страны используются различные метафоры в зависимости от политических позиций и целей государства-«автора». При этом метафоры, используемые для описания Китая в американском политическом дискурсе, существенно отличаются по смыслу и коннотациям от тех, что использует сам Китай для формирования собственного образа. Это объясняется, во-первых, стремлением КНР к созданию позитивного облика своей страны, в то время как цели США часто противоположны. Во-вторых, различия в исторических, культурных и социальных традициях Китая и США обуславливают отличия в использовании метафор.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В представленной диссертации проведено исследование метафорического моделирования образа Китая в российском, китайском и американском политическом дискурсе.

В работе рассмотрены характерные признаки политического дискурса, описаны существующие научные школы и основные направления исследований. Отмечена возможность трактовки понятия политического дискурса в широком и узком смысле, а также в когнитивно-прагматическом аспекте; дана характеристика риторических особенностей политического дискурса; рассмотрено соотношение политического дискурса с понятием идеологии.

Уделено внимание концепциям, в рамках которых рассматривается образ государства, описана система лингвистических и экстралингвистических факторов, которые могут оказать влияние на его формирование. Отмечены достижения ученых в исследовании образа государства в области сравнительного литературоведения, международных отношений и в лингвистическом ракурсе.

Рассмотрено понятие концептуальной метафоры, которая считается эффективным средством построения политического дискурса. Концептуальная метафора применяется в политическом дискурсе для формирования в сознании адресата желательного для адресанта образа действительности, а также может моделировать разные альтернативы для интерпретации образа государства.

В ходе анализа языкового материала установлено, что сферы-источники метафор в дискурсах России, Китая и США имеют как сходства, так и различия. Посредством анализа метафор со сферой-мишенью «Китай» в политических дискурсах трех стран были выявлены общие и специфичные модели и фреймы, используемые при формировании образа Китая, и определены факторы, влияющие на активное использование метафор в трех рассматриваемых дискурсах.

Для классификации метафор и анализа метафорических моделей в политическом дискурсе России, Китая и США использован метод метафорического моделирования.

В работе проанализирована 171 метафорическая единица в российском дискурсе, 1010 метафор на материале китайского языка и 458 единиц в американском дискурсе, которые актуализируют 15 метафорических моделей в китайском политическом дискурсе, 12 – в американском, 8 – в российском. Метафоры были извлечены методом сплошной выборки из новостных сообщений, опубликованных в электронных версиях российских изданий «Аргументы и факты», «Известия», китайских изданий «Жэньминь жибао» (人民日报), «Гуанмин жибао» (光明日报), американских изданий «The Washington Post» и «U.S. News».

Анализ трех рассмотренных дискурсов показывает, что общее количество метафор в китайском политическом дискурсе выше, чем в дискурсе России и США; причиной этого является желание привлечь большее внимание к образу собственного государства. Кроме того, данный факт можно объяснить особенностями китайского традиционного мышления и национальной культуры, а также спецификой китайского языка, для которого характерны слоговая структура, иероглифическая и идеографическая система письма.

В американском дискурсе метафорических моделей больше и частотность метафор выше, чем в российском политическом дискурсе. На наш взгляд, это обусловлено склонностью американских СМИ представлять факты в субъективной авторской интерпретации, в форме оценочного мнения, в том числе находящего выражение в метафорических образах, что позволяет повлиять на интерпретацию событий читателями, изменить их ценности, позиции, мировосприятие. Использование метафор может неявно выражать позицию и отношение автора, поэтому частота использования метафор в английском дискурсе намного выше, чем в дискурсе России.

В российском дискурсе обнаруживается тенденция к непредвзятой и точной передаче подлинных событий в новостях о Китае, образ которого характеризуется нейтральностью и объективностью. В российских публикациях проявляется уважительное отношение к Китаю как к партнеру России в международных отношениях и дружественному государству, дается объективная информация о Китае и его позиции по различным вопросам, что, вероятнее всего, обуславливает

наименьшее количество как метафорических моделей, так собственно метафор в российском политическом дискурсе.

В работе выявлены восемь универсальных доминантных сфер-источников метафорической экспансии со сферой-мишенью «Китай», характерных для политического дискурса России, Китая и США: «война», «путь», «спорт и игра», «неживая природа», «строительство», «искусство», «болезнь», «педагогика»; четыре специфичные модели для дискурса Китая и США: «животный мир», «растительный мир», «механизм», «организм»; три специфичные модели для дискурса Китая: «цвет», «родство», «материал».

Фреймы в рамках метафорических моделей, общих для трех политических дискурсов, практически идентичны, за некоторыми исключениями: выделяются милитарные метафоры (специфичный фрейм «Поле боя» (Китай)), метафоры пути (специфичные фреймы «Транспортное средство» и «Указатель дороги» (Китай)), метафоры неживой природы (специфичные фреймы «Трещина» и «Природные катастрофы» (США)), метафоры спорта и игры (специфичный фрейм «Игра го» (Китай)), метафора искусства (специфичный фрейм «Драма» (Россия и США)) и метафора болезни (специфичные фреймы «Болезнь», «Лечебное средство» и «Приёмы лечения» (Китай)). Результаты исследования показывают, что причина наличия большого количества идентичных фреймов заключается в том, что рассмотренные источниковые сферы представляют собой универсальные области, известные и понятные каждому человеку, независимо от его национальной принадлежности. Появление специфических фреймов в основном обусловлено культурными факторами, особыми политическими позициями и целями государства-«автора».

В китайском политическом дискурсе абсолютное большинство метафор, репрезентирующих образ Китая, имеет положительный оценочный потенциал и репрезентирует Китай как огромную, мощную, сплоченную нацию, которая движется по прогрессивному пути развития и способна противостоять внешним угрозам, справляться с любыми трудностями. На наш взгляд, это напрямую соотносится с той актуальной задачей, которая стоит перед современным

государством, его правительством и проправительственными СМИ, – создать положительный образ государства, что может способствовать не только решению внутривнутриполитических проблем, но и расширению внешнеполитического и геостратегического влияния Китая.

Если большинство политических метафор в китайском и российском политическом дискурсе формирует позитивный образ Китая, то в американском дискурсе моделируемый образ Китая зависит от освещаемой темы: в материалах о политике и дипломатии в подавляющем большинстве случаев создается отрицательный образ Китая, а в публикациях на темы экономики, техники и бизнеса – нейтральный или положительный образ сильной и процветающей страны, экономического партнёра, способного поддержать другие страны путем эффективного сотрудничества. В политическом дискурсе США доминирующую позицию занимают метафоры, имеющие негативный прагматический потенциал: Китай репрезентируется как враг, осторожный и осмотрительный конкурент, несущий угрозу, причиняющий ущерб интересам США, как страна-изгой, использующая свою гегемонию для вмешательства во внутренние дела других стран, а также как страна, которая приукрашивает факты и распространяет ложную информацию с целью достижения скрытых политических целей. В американском политическом дискурсе в новостях по темам политики и международных отношений большинство метафор, таких как метафоры войны, неживой природы, пути, искусства, усиливают напряженность и создают негативный образ Китая, представляя его как эгоистичную, амбициозную страну, готовую к аннексии чужих территорий, интервенции и манипулированию другими странами. В то же время спортивные и игровые метафоры часто смягчают репрезентируемые противоречия между странами, моделируя образ Китая как мощного конкурента США в разных областях.

Следует отметить, что в последние годы российско-китайские отношения являются ключевой темой в американском политическом дискурсе. Американские СМИ часто связывают Китай и Россию, косвенно формируют образ Китая через создание образа России: критично оценивают действия России на мировой арене,

описывают тесные межгосударственные отношения между Россией и Китаем, противопоставляют их европейским странам и в то же время намекают на то, что эти два государства не являются ни союзниками, ни друзьями европейских стран.

Образ государства в основном представлен двумя типами: Я-образ, который предполагает всестороннюю оценку, познание и признание государства его правительством и гражданами, и образ другого, отражающий имидж страны на международной арене, ее восприятие союзниками и соперниками. Различия между «своим» и «чужим» образами детерминированы такими факторами, как ценности, отношения союзничества и соперничества, стратегические цели участников геополитического диалога, наличие общих или пересекающихся геополитических интересов и др.

В политическом дискурсе метафоры выполняют функции фокусирования внимания на существующей проблеме; мотивирования адресата к нужным действиям; оказания эмоционального воздействия; трансформации существующей в сознании человека политической картины мира; формирования мировоззрения адресата и его системы ценностей. Оценочное значение метафоры в большой степени зависит от эмоционального состояния, политического отношения, политической цели и политического статуса субъекта оценки, которые, как правило, определяются в конкретной речевой ситуации и обусловлены культурным фоном.

Перспективы дальнейшего исследования рассматриваемой проблематики могут быть связаны с проведением анализа формирования образа Китая в других видах дискурса или на материале других языков, а также с изучением того, как комплекс различных лингвистических и экстралингвистических факторов влияет на динамику образа Китая и определяет его эволюцию.

Список литературы

1. Алдушина, А. Ю. Коллективизм в культуре Китая / А. Я. Алдушина // Пути Поднебесной : сб. науч. тр. Вып. VI. В 2 ч. Ч. 2. – Минск : РИВШ, 2017. – С. 131–136.
2. Аникин, Е. Е. Историческая динамика метафорических систем в политической коммуникации России / Е. Е. Аникин, Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 3 (44). – С. 26–32.
3. Ассаф, Б. Эффективность разработки и внедрения антикризисной стратегии Сирийской Арабской республики на основе изучения формирования образа страны в ведущих СМИ / Б. Ассаф, Е. А. Джанджугазова // Финансовая экономика. – 2020. – № 1. – С. 7–14.
4. Атьман, О. В. Риторические особенности президентского дискурса США / О. В. Атьман // *Lingua Mobilis*. – 2009. – № 2 (16). – С. 127–135.
5. Бабайцев, А. В. Политический символизм цвета / А. В. Бабайцев // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2007. – № 3. – С. 56–62.
6. Балли, Ш. Французская стилистика. 2-е издание, стереотипное / Ш. Балли. – Москва : Эдиториал УРСС, 2001. – 221 с.
7. Баранов, А. Н. Русская политическая метафора : материалы к словарю / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – Москва : ИРЯ, 1991. – 193 с.
8. Баранов, А. Н. Парламентские дебаты: традиции и новации / А. Н. Баранов, Е. Г. Казакевич. – Москва : Знание, 1991. – 64 с.
9. Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. – Москва : Эдиториал, 2001. – 219 с.
10. Баранов, А. Н. Словарь русских политических метафор / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М.: Помовский и партнеры, 1994. – 330 с.
11. Бекина, А. М. Использование спортивной метафоры в публицистическом тексте (на материале изданий «Русский репортер» и «Русский Newsweek» 2007–2010 гг.) / А. М. Бекина // Вестник РГГУ. Серия:

Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2012. – № 13 (93). – С. 267–274.

12. Бочарова, Э. А. Политический дискурс как средство манипуляции сознанием : на материале президентских предвыборных кампаний в России и США 2007–2008 гг. : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Бочарова Эмилия Александровна. – Белгород, 2013. – 232 с.

13. Бродский, М. Ю. Политический дискурс и перевод / М. Ю. Бродский // Политическая лингвистика. – 2011. – № 1. – С. 103–111.

14. Будаев, Э. В. Метафорическое моделирование постсоветской действительности в российском и британском политическом дискурсе : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Эдуард Владимирович Будаев. – Екатеринбург, 2006. – 220 с.

15. Будаев, Э. В. Риторическое направление в исследовании политической метафоры / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // *Respectus Philologicus*. – 2006. – № 9 (14). – С. 119–156.

16. Будаев, Э. В. Политическая метафора в лингвокультурологическом аспекте / Э. В. Будаев // Аналитика культурологии. – 2007. – № 9. – С. 28–32.

17. Будаев, Э. В. Дискуссия о метафорах в современной зарубежной педагогике / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Педагогическое образование в России. – 2007. – № 1. – С. 188–200.

18. Будаев, Э. В. Методика диахронического анализа политической метафорики / Э. В. Будаев, О. Н. Кондратьева, Е. А. Нахимова, А. П. Чудинов // Политическая лингвистика. – 2016. – № 6. – С. 18–31.

19. Будаев, Э. В. Метафоры природы в англоязычном дискурсе моды / Э. В. Будаев, А. А. Кильдюшевская // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. – 2018. – № 2. – С. 73–78.

20. Будаев, Э. В. Современная российская политическая метафорология (2011–2020 гг.). / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Филологический класс. – 2020. – № 25 (2). – С. 103–113.

21. Будаев, Э. В. Метафорический образ будущего России в зарубежных СМИ : моногр. / Э. В. Будаев, О. А. Солопова, Р. И. Зарипов, А. В. Бойко. – Санкт-Петербург : «Наукоемкие технологии», 2021. – 217 с.
22. Ван Дейк, Т. А. Язык, познание, коммуникация / Т. А. Ван Дейк. – Благовещенск : Издательство БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
23. Велигорский, Г. А. «Полицейское царство Россия» в детской литературе Великобритании конца XIX – начала XX века / Г. А. Велигорский // Вестник Костромского государственного университета. – 2020. – № 4 (26). – С. 155–160.
24. Веснина, Л. Е. Метафорическое моделирование миграции (по материалам российских печатных СМИ и данным ассоциативного эксперимента) : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Веснина Людмила Евгеньевна. – Екатеринбург, 2010. – 250 с.
25. Герасименко, Н. А. Информация и фасцинация в политическом дискурсе / Н. А. Герасименко // Политический дискурс в России. – 1998. – Вып. 2. – С. 20–23.
26. Герасина, Т. Н. Метафорическая модель экономического кризиса как продукт национальной культуры / Т. Н. Герасина, А. М. Погорелко // Политическая лингвистика. – 2011. – № 4. – С. 183–188.
27. Гладких, Е. А. Образ мексиканской Калифорнии в американской литературе середины XIX века / Е. А. Гладких // Фундаментальные исследования. – 2012. – № 6 (2). – С. 485–489.
28. Глотова, Е. Ю. Художественный политический дискурс и критерии его определения / Е. Ю. Глотова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2008. – № 73 (1). – С. 154–158.
29. Гранцева, Е. О. Взгляды испанцев на Россию XX века: трансформация образа страны и проблемы историографии / Е. О. Гранцева // Диалог со временем. – 2018. – № 64. – С. 208–221.

30. Давыдов А. С. США – Китай – Россия: новые «треугольные» игры // Китай в мировой региональной политике: история и современность. – 2017. – № 22. – С. 91–108.
31. Давыдов А. С. КНР – США – Россия: геополитика и пандемия // Проблемы Дальнего Востока. – 2020. – № 2. – С. 126–137.
32. Давыдов А. С. КНР – США – Россия: факторы геополитического соперничества // Экономика, политика, культура. – 2021. – № 51 (8). – С. 81–91.
33. Данилова, А. С. Специфика образа президента как особого вида политического лидера / А. С. Данилова // Молодой ученый. – 2018. – № 51 (237). – С. 178–180.
34. Джигоева, А. А. Репрезентация метафорического концепта семьи в англоязычном политическом дискурсе как отражение реальных процессов в мире / А. А. Джигоева, О. Ф. Стрельникова // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2017. – № 2. – С. 377–383.
35. Ермоленко, Г. М. Медиаобраз В. В. Путина в текстах англоязычных СМИ / Г. М. Ермоленко // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2013. – № 3 (13). – С. 21–28.
36. Земсков, В. Б. На переломе: Образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки (конец XX–начало XXI вв.) / В. Б. Земсков. – Москва : Новый хронограф, 2011. – 696 с.
37. Зиновьев, Н. В. Доминантная метафорическая модель «ДВИЖЕНИЕ» в дискурсе премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона: методика исследования темпоральной динамики / Н. В. Зиновьев, Е. А. Нахимова // Политическая лингвистика. – 2019. – № 1. – С. 57–64.
38. Караганов, Е. А. Политическая метафора в газетных статьях. Лингвокультурологический аспект / Е. А. Караганов // Молодой ученый. – 2015. – № 9. – С. 1359–1361.
39. Каслова, А. А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000 г.) : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Каслова Анастасия Александровна. – Екатеринбург, 2003. – 207 с.

40. Кирюхина, А. А. Образ Владимира Путина в западных СМИ / А. А. Кирюхина // Актуальные проблемы современных международных отношений. – 2013. – № 2. – С. 129–134.
41. Киселев, И. Ю. Проблема образа государства в международных отношениях: конструктивистская парадигма / И. Ю. Киселев // ПОЛИТЭКС. – 2007. – № 3. – С. 253–260.
42. Ковязина, Е. Н. Дихотомия «Цивилизация/варварство» сквозь призму метафор и метонимий в политическом дискурсе / Е. Н. Ковязина // Вестник ТГПУ. – 2017. – № 6 (183). – С. 14–19.
43. Козырев, Г. И. Образ внешнего врага как фактор легитимации политического режима в современной России / Г. И. Козырев // Социологические исследования. – 2018. – № 1. – С. 52–58.
44. Комиссаров, В. П. Формирование образа политического лидера средствами массовой информации: на примере прессы Чувашской Республики : дисс. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Комиссаров Валерий Петрович. – Москва, 2007. – 193 с.
45. Крекотень, П. А. Использование выразительных средств языка в политическом дискурсе [Электронный ресурс] / П. А. Крекотень – 2019. – Режим доступа: <https://school-science.ru/7/3/40388?ysclid=lg6ebfqbyb479158942>.
46. Купцова, И. В. Трансформация образов стран в сознании художественной интеллигенции в годы Первой мировой войны [Электронный ресурс] / И. В. Купцова // Сборник: XXIV круглый стол «Россия и мир глазами друг друга: проблемы взаимовосприятия». – 2017. – Режим доступа: http://rgada.info/rosmir/rosmir_2017.pdf.
47. Легенкина, В. И. Способы межъязыковой передачи метафоры при переводе политических текстов / В. И. Легенкина // Международный научно-исследовательский журнал, 2019. – № 9–2 (87). – С. 84–87.
48. Липпман, У. Общественное мнение / У. Липпман. – Москва : Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004. – 382 с.

49. Лобанова, Т. Н. Проблема перевода политических текстов в лингвопрагматическом аспекте (на материале газет КНР) / Т. Н. Лобанова // *Terra Linguistica*. – 2013. – № 172. – С. 226–230.
50. Логачев, С. А. Метафора войны в политическом дискурсе (на материале немецких СМИ) / С. А. Логачев // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. – 2008. – № 49. – С. 94–97.
51. Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – Москва : Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
52. Мельчук, И. А. Язык: от смысла к тексту / И. А. Мельчук. – Москва : Яз. славянской культуры. ЯСК, 2012. – 174 с.
53. Меньшикова, А. А. Метафора воды и раннее творчество В. А. Жуковского / А. А. Меньшикова // *Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения, сборник материалов I (XV) Международной конференции молодых ученых (3–5 апреля 2014 г.)*. – 2014. – Вып. 15. – Т. 2 : Литературоведение. – С. 64–68.
54. Месяц, С. В. Аристотель о природе цвета / С. В. Месяц // *Вестник ленинградского государственного университета им. Пушкина*. – 2013. – Т. 2. – № 1. – С. 28–39.
55. Первухина-Камышникова, Н. Россия в представлении американцев: истоки образа и его эволюция [Электронный ресурс] / Н. Первухина-Камышникова // *Отечественные записки*. – 2007. – № 5 (38). – Режим доступа: <https://strana-oz.ru/2007/5/rossiya-v-predstavlenii-amerikancevistoki-obraza-i-ego-evolyuciya>.
56. Рыньков, Л. Н. Типы метафорических словосочетаний в языке литературы / Л. Н. Рыньков // *Русский язык в школе*. – 1975. – № 1. – С. 45.
57. Сагайдачная, Е. Н. Манипуляция в политическом дискурсе / Е. Н. Сагайдачная // *Вестник Челябинского государственного университета. Научный журнал*. – 2007. – № 22 (100). – С. 121–126.
58. Самигуллина, А. С. Метафора в контексте теории релевантности / А. С. Самигуллина, А. Л. Фёдорова // *Человек в зеркале языка: вопросы теории и практики*; под ред. Р. З. Мурясова. – 2008. – Т. 3. – С. 293–303.

59. Санта Ана, О. Что посеешь, то и пожнешь: метафорический анализ американского образовательного дискурса / О. Санта Ана // Политическая лингвистика. – 2007. – № 2. – С. 124–151.
60. Санцевич, Н. А. Моделирование вариативности языковой картины мира на основе двуязычного корпуса публицистических текстов (метафоры и семантические оппозиции) : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.21 / Санцевич Надежда Александровна. – Москва, 2003. – 268 с.
61. Семкин, М. А. Стилистические средства в дискурсе политического комментария / М. А. Семкин // Вестник СПбГУ. Язык и литература. – 2012. – № 2. – С. 209–215.
62. Сергиенко, П. И. Особенности перевода лексических единиц в текстах политического дискурса / П. И. Сергиенко // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2019. – № 3 (5). – С. 71–81.
63. Сиротинина, О. Б. Вклад в теорию диахронического развития политической метафоры / О. Б. Сиротинина, А. П. Чудинов, Е. А. Нахимова // Политическая лингвистика. – 2016. – №1. – С. 205–209.
64. Соловьева, Е. Е. Образ Петербурга в романе Дж. Конрада «На взгляд Запада» / Е. Е. Соловьева // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2012. – № 2 (39). – С. 140–144.
65. Солопова, О. А. Метафорическое моделирование прошлого, настоящего и будущего в политическом тексте / О. А. Солопова // Политическая лингвистика. – 2005. – № 15. – С. 120–137.
66. Солопова, О. А. Метафорическое моделирование образов прошлого, настоящего и будущего в дискурсе парламентских выборов в России (2003 год) и Великобритании (2001 год) : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / О. А. Солопова. – Уральский гос. пед. Университет, 2006. – 244 с.
67. Солопова, О. А. Сценарный метод исследования когнитивно-дискурсивных моделей будущего в политическом дискурсе / О. А. Солопова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, – 2011. – № 7 (4). – С. 167–176.

68. Солопова, О. А. Диахроническая сопоставительная метафорология: исследование моделей будущего в политическом дискурсе / О. А. Солопова. – Москва : ФЛИНТА, 2015. – 312 с.
69. Солопова, О. А. Значимый «Другой»: Россия и Америка (лингвополитический прогностический анализ на материале американского политического дискурса XIX века) / О. А. Солопова // Политическая лингвистика. – 2016. – № 1. – С. 126–135.
70. Солопова, О. А. Диахронический анализ метафор в британском корпусе текстов: колокола победы и Russia's V-Day / О. А. Солопова, А. П. Чудинов // Russian Journal of Linguistics. – 2018. – № 22 (2). – С. 313–337.
71. Солопова, О. А. Битва прошлого, битва за прошлое: «Курская Дуга» в военно-публицистическом дискурсе союзников / О. А. Солопова, М. С. Салтыкова // Взаимодействие языков и культур: материалы международной научной конференции. – Челябинск : ЮУрГУ. – 2018. – Т. 1. – С. 135–139.
72. Солопова, О. А. Архитектоника светлого будущего в зарубежных военно-публицистических дискурсах периода Второй мировой войны / О. А. Солопова, М. С. Салтыкова // Russian Journal of Linguistics. – 2019. – № 23 (3). – С. 762–783.
73. Солопова, О. А. Ключ к будущему: прогностические смыслы политической метафоры (на материале британских текстов о России периода Великой Отечественной войны) / О. А. Солопова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2020. – № 63. – С. 161–177.
74. Солопова, О. А. Образы войны и мира через призму религиозной метафоры (на материале оцифрованных архивных текстов периода Второй мировой войны) / О. А. Солопова, Н. Н. Кошкарлова // Научный диалог. – 2021. – № 4. – С. 148–167.
75. Суздальцева, В. Н. Символика цвета и функционирование цветообозначений в массмедийном политическом дискурсе / В. Н. Суздальцева // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2014. – № 1. – С. 80–95.

76. Сурова, М. Н. Метонимия в политическом дискурсе / М. Н. Сурова // МНКО. – 2016. – № 4 (59). – С. 246–248.
77. Телешева, И. В. Когнитивное исследование морбиальной метафоры в современном политическом дискурсе России, США и Великобритании : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Телешева Ирина Владимировна. – Челябинск, 2006. – 180 с.
78. Токарева, А. Л. Стратегии перевода метафор гнева в русской и итальянской художественной прозе / А. Л. Токарева // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. – 2020. – № 1. – С. 246–254.
79. Третьяченко, Е. А. Образ Советской России в творчестве американских писателей и публицистов в историко-культурном контексте 1917-1991 гг. : дисс. ... канд. культурологии : 24.00.01 / Третьяченко Елена Александровна. – Шуя, 2010. – 196 с.
80. Уракчеева, Ю. Влияние чемпионата мира по футболу 2018 года на имидж России: ожидания и итоги национального брендинга [Электронный ресурс] / Ю. Уракчеева // Научно-культурологический журнал. – 2019. – № 11. – Режим доступа: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=5961&level1=main&level2=articles>.
81. Федякин, А. В. Политика формирования позитивного образа государства (вопросы теории) / А. В. Федякин // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2010. – № 3. – С. 11–24.
82. Филиппова, Н. Б. Спортивная метафора как сублимация военной метафоры (на материале политической коммуникации) / Н. Б. Филиппова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2011. – № 130. – С. 80–87.
83. Ци Гуань. Цветовая метафора в русской политической терминологии с позиции китайской лингвокультуры / Гуань Ци, В. М. Шаклеин // Политическая лингвистика. – 2021. – № 2 (86). – С. 73–80.
84. Цонева, Л. М. Метафоры пути в болгарском политическом дискурсе / Л. М. Цонева // Политическая лингвистика. – 2011. – № 4. – С. 162–168.

85. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) : моногр. / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Ур. гос. пед. ун-т, 2001. – 238 с.
86. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : моногр. / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Ур. гос. пед. ун-т, 2003. – 248 с.
87. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. – Москва : ФЛИНТА, 2012. – 256 с.
88. Чудинов, А. П. Диахроническая динамика морбиальных метафор в политической коммуникации / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры. – 2015. – С. 225–229.
89. Чудинов, А. П. Политическая метафорология: дискурсивный поворот / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, О. А. Солопова. – Москва : ФЛИНТА, 2020. – 234 с.
90. Шалимова, Д. В. Переводческие приемы Питера Ньюмарка на материале переводов метафор в произведениях Стивена Кинга / Д. В. Шалимова, И. В. Шалимова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2020. – № 22 (81). – С. 278–287.
91. Шарикова, Л. А. Метафора войны в политическом дискурсе / Л. А. Шарикова // Сибирский филологический журнал. – 2012. – № 1. – С. 155–162.
92. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – Москва, Волгоград : Перемена, 2000. – 367 с.
93. Юрченко, А. В. Понятие образа врага в международных отношениях: социально-культурный, психологический и политические аспекты / А. В. Юрченко, В. В. Малай // The Newman in Foreign Policy. – 2022. – № 65 (109). – С. 49–52.
94. Якобсон, Р. О. О лингвистических аспектах перевода / Р. О. Якобсон // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике; под ред. и с пред. В. Н. Комиссарова. – Международные отношения. – 1978. – С. 16–24.
95. Al-Gublan. A Pragmatic Study of a Political Discourse from the Perspective of the Linguistic Adaptation Theory / Al-Gublan // International Journal of English Linguistics Archives. – 2015. – № 2 (5). – P. 151–164.

96. Aristotle. Politics / Aristotle. – Beijing : The Commercial Press, 1997. – 522 p.
97. Asher, N. The semantics and pragmatics of metaphor / N. Asher, A. Lascarides // The language of word meaning / P. Bouillon, F. Busa (eds.). – Cambridge : Cambridge University Press, 2001. – P. 262–289.
98. Auraskeviciene, V. Change of attitudes and country image after hosting major sport events / V. Auraskeviciene, A. Pundziene, V. Skudiene, G. Gripsrud, E. B. Nes, U. H. Olsson // Engineering Economics. – 2010. – № 1. – P. 53–59.
99. Besomi, D. Tempests of the Business World: Weather Metaphors for Crises in the Nineteenth Century / D. Besomi // Economics and Other Branches: In the Shade of the Oak Tree: Essays in Honour of Pascal Bridel / R. Baranzini, F. Allisson (eds.). – London : Pickering & Chatto. – 2016 – P. 291–308.
100. Berlin B. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution / B. Berlin, P. Kay. – Berkeley, California : University of California Press, 1969. – 178 p.
101. Black, M. More about metaphor / M. Black // Metaphor and thought. – 1979. – № 2. – P. 19–41.
102. Boulding, K. E. The Image: Knowledge in Life and Society / K. E. Boulding. – Ann Arbor : University of Michigan Press, 1956. – 184 p.
103. Boulding, K. E. National images and international systems / K. E. Boulding // Journal of Conflict Resolution. – 1959. – № 3 (2). – P. 120–131.
104. Butterworth, M. L. Sport and the quest for unity: How the logic of consensus undermines democratic culture / M. L. Butterworth // Communication and Sport. – 2020. – № 8 (4–5). – P. 452–472.
105. Carver T, Pikalo J. Political language and metaphor / T. Carver, J. Pikalo. – London, New York : Routledge, 2008. – 320 p.
106. Charteris-Black, J. A comparative study of metaphor in Spanish and English financial reporting / J. Charteris-Black, T. Ennis // English for Specific Purposes. – 2001. – № 20 (3). – P. 249–266.
107. Charteris-Black, J. Corpus approaches to critical metaphor analysis / J. Charteris-Black. – London : Palgrave Macmillan UK, 2004. – 271 p.

108. Charteris-Black, J. Why “an angel rides in the whirlwind and directs the storm”: a corpus-based comparative study of metaphor in British and American political discourse / J. Charteris-Black // *Advances in Corpus Linguistics*. – 2004. – P. 133–150.
109. Charteris-Black, J. *Politicians and Rhetoric*. 2nd ed. / J. Charteris-Black. – London : Palgrave Macmillan, 2011. – 384 p.
110. Charteris-Black, J. Analysing political speeches: Rhetoric, discourse and metaphor / J. Charteris-Black // *Journal of Language and Politics*. – 2014. – № 17 (3). – P. 447–449.
111. Chilton, P. Discourse and politics / P. Chilton, Ch. Schaffner // *Discourse as social interaction. Vol. 2: Discourse studies: A Multidisciplinary Introduction* / T. A. van Dijk (ed.). – London : Sage Publications, 1997. – P. 206–230.
112. Chilton, P. Introduction. Politics as text and talk: Analytic approaches to political discourse / P. Chilton, C. Scheffner. – Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2002. – 246 p.
113. Cibulskienė, J. Are ideologies reflected in metaphors? / J. Cibulskienė // *Respectus philologicus*. – 2010. – № 17. – P. 11–25.
114. Cohen, L. J. The semantics of metaphor / L. J. Cohen. – Текст : непосредственный // *Metaphor and Thought*; A. Ortony (ed.). – Cambridge University Press, 1993. – P. 58–70.
115. Dávid, G. The journey metaphor in mediatized political discourse. / G. Dávid, B. P. Furky // *Acta Universitatis Sapientiae, Philologica*. – 2015. – № 7 (2). – P. 7–20.
116. Dimitrova, D. V. War on the Web: The immediate news framing of Gulf War II / D. V. Dimitrova, L. L. Kaid, A. P. Williams, K. D. Sweetser // *Harvard International Journal of Press/Politics*. – 2005. – № 10 (1). – P. 22–44.
117. Edelman, M. Political Language and Political Reality / M. Edelman // *PS: Political Science & Politics*; American Political Science Association. – 1985. – Vol. 18. – P. 10–19.
118. Elspass, S. Phraseological units in parliamentary discourse / S. Elspass // *Politics as Text and Talk* / P. A. Chilton, C. Schaffner (eds.). – 2002. – P. 81–110.

119. Evans, G. The Penguin dictionary of international relations / G. Evans, J. Newnham. – London : Penguin Books, 1988. – 640 p.
120. Ezrahi, Y. The theatrics and mechanics of action: the theater and the machine as political metaphors / Y. Ezrahi // Social Research. – 1995. – № 62. – P. 299–322.
121. Fairclough, N. Discourse and Social Change / N. Fairclough. – Polity Press, 1993. – 272 p.
122. Fairclough, N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language (Language in Social Life) / N. Fairclough. – London : Addison Wesley Publishing Company, 1995. – 280 p.
123. Fairclough, N. Language and Power / N. Fairclough. – Pearson ESL, 2001. – 320 p.
124. Fauconnier, G. Conceptual integration networks / G. Fauconnier, M. Turner // Cognitive science. – 1998. – № 22 (2). – P. 133–187.
125. Fowler, R. Language and Control / R. Fowler, B. Hodge, G. Kress, T. Trew. – London : Routledge & Kegan Paul, 1979. – 224 p.
126. Freeman, M. H. Momentary stays, exploding forces: A cognitive linguistic approach to the poetics of Emily Dickinson and Robert Frost / M. H. Freeman // Journal of English Linguistics. – 2002. – № 30 (1). – P. 73–90.
127. Gavriely-Nuri, D. The metaphorical annihilation of the Second Lebanon War (2006) from the Israeli political discourse / D. Gavriely-Nuri // Discourse & Society. – 2008. – № 19 (1). – P. 5–20.
128. Gavriely-Nuri, D. Friendly fire: war-normalizing metaphors in the Israeli political discourse / D. Gavriely-Nuri // Journal of Peace Education. – 2009. – № 6 (2). – P. 153–169.
129. Giffard, C. A. News agencies, national images, and global media events / C. A. Giffard, N. K. Rivenburgh // Journalism & Mass Communication Quarterly. – 2000. – № 77 (1). – P. 8–21.
130. Glanzberg, M. Metaphor and lexical semantics / M. Glanzberg // The Baltic International Yearbook of Cognition, Logic and Communication. – 2007. – Vol. 3. – P. 1–47.

131. Graber, D. A. Political languages / D. A. Graber // Handbook of political communication / D. Nimmo, K. Sanders (eds.). – London : Sage Publications, 1981. – P. 195–224.
132. Graber, D. Political communication: scope, progress, promise / D. Graber // Political Science: The State of the Discipline. – Vol. 2. – 1993. – P. 305–332.
133. Grady, J. E. Foundations of meaning: Primary metaphors and primary scene : Doctoral Dissertation of Philology / Grady Joseph Edward. – Berkeley : University of California, 1997. – 306 p.
134. Grice, H. P. Logic and conversation / H. P. Grice // Syntax and Semantics; P. Cole, J. Morgan (eds). – Academic Press. – 1975. – Vol. 3. Speech Acts. – P. 41–58.
135. Group, P. MIP: A method for identifying metaphorically used words in discourse / P. Group // Metaphor and symbol. – 2007. – № 22 (1). – P. 1–39.
136. Hausman, C. R. The Semantics of Metaphor / C. R. Hausman // Cambridge University Press. – 1981. – P. 249–251.
137. Hausman, C. R. Metaphors, referents, and individuality / C. R. Hausman // The Journal of Aesthetics and Art Criticism. – 1983. – № 42 (2). – P. 181–195.
138. Hayter, M. R. A metaphor for disaster: a multiple case study of the leaky condo crisis : Masters dissertation of Arts / Hayter Martin Robert. – Columbia, 2000. – 189 p.
139. Hellsten, I. D. Scientific breakthrough or Frankenstein's monster? Journalistic and scientific metaphors of cloning. / I. D. Hellsten // Metaphor and Symbol. – 2000. – № 15 (4). – P. 213–221.
140. Herrmann, R. K. Beyond the Enemy Image and Spiral Model: Cognitive-Strategic Research after the Cold War / R. K. Herrmann, M. P. Fischerkeller // International Organization. – 1995. – № 3 (49). – P. 415–450.
141. Hoffman, A. J. Academic Engagement in Public and Political Discourse. Proceedings of the Michigan Meeting / A. J. Hoffman. – Michigan : Michigan Publishing, 2015. – 102 p.

142. Holsti, O. R. The belief system and national images: a case study / O. R. Holsti // *Journal of Conflict Resolution, Peace Science Society (International)*. – 1962. – № 3 (6). – P. 244–252.
143. Howe, N. Metaphor in contemporary American political discourse / N. Howe // *Metaphor and Symbol*. – 1988. – № 3 (2). – P. 87–104.
144. Jaffe, E. D. National Image & Competitive Advantage / E. D. Jaffe, I. D. Nebenzahl. – Gylling, Denmark : Copenhagen Business School Press, 2001. – 238 p.
145. Jansen, S. C. The sport/war metaphor: Hegemonic masculinity, the Persian Gulf War, and the new world order / S. C. Jansen, D. Sabo // *Sociology of Sport Journal*. – 1994. – № 11 (1). – P. 1–17.
146. Johnson, M. The body in the mind: The bodily basis of meaning, imagination, and reason / M. Johnson. – Chicago : University of Chicago Press, 1987. – 233 p.
147. Jurga, C. The development of the journey metaphor in political discourse: time-specific changes / C. Jurga // *Metaphor and the Social World*. – 2012. – № 2 (2). – P. 131–153.
148. Kampf, Z. Political Discourse Analysis / Z. Kampf. // *International Encyclopedia of Language and Social Interaction* / K. Tracy (ed.). – Oxford, UK : Wiley-Blackwell, 2015. – P. 1–17.
149. Kittay, E. F. Metaphor: Its cognitive force and linguistic structure / E. F. Kittay. – Oxford : Oxford University Press, 1989. – 368 p.
150. Koller, V. Critical discourse analysis and social cognition: evidence from business media discourse / V. Koller // *Discourse and Society*. – 2005. – № 16 (2). – P. 199–224.
151. Kövecses, Z. Cognitive-linguistic comments on metaphor identification / Z. Kövecses // *Language and Literature*. – 2002. – № 11 (1). – P. 74–78.
152. Kövecses, Z. Metaphor in culture: Universality and variation / Z. Kövecses. – Cambridge : Cambridge University Press, 2005. – 314 p.
153. Kövecses, Z. Metaphor, culture, and discourse: The pressure of coherence / Z. Kövecses. – Palgrave Macmillan UK, 2009. – P. 11–24.

154. Kress, G. *Language as Ideology* / G. Kress, G. Hodge. – London : Routledge, 1979. – 176 p.
155. Lakoff, G. *Metaphors we live by* / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : University of Chicago Press, 2003. – 191 p.
156. Le Vine, R. A. *Socialization, social structure, and intersocietal images* / R. A. Le Vine // *International Behavior: A Social Psychological Analysis* / H. C. Kelman (ed.). – New York : Holt, Rinehart, and Winston. – 1965. – P. 45–69.
157. Levinson, S. C. *Pragmatics and the grammar of anaphora: a partial pragmatic reduction of Binding and Control phenomena* / S. C. Levinson // *Journal of Linguistics*. – 1987. – № 23 (2). – P. 379–434.
158. Liebes, T. *A mother's battle against TV news: a case study of political socialization* / T. Liebes, R. Ribak // *Discourse and Society*. – 1991. – № 2 (2). – P. 203–222.
159. Linkeviciute, V. *Conceptual metaphors in Donald Trump's political discourse: politics domain (2018)* / V. Linkeviciute // *Kalbų Studijos*. – 2019. – № 34. – P. 46–55.
160. Makoro, S. J. *Political rhetoric in public speaking: stylistic analysis of selected political speeches* / Makoro Seshego John. – Limpopo, 2018. – 112 p.
161. Martin, I. M. *Measuring a Multi-Dimensional Construct: Country Image* / I. M. Martin, S. Eroglu // *Journal of Business Research*. – 1993. – № 28. – P. 191–210.
162. McGuinness, C. *Behind the acquisition metaphor: Conceptions of learning and learning outcomes in TLRP school-based projects* / C. McGuinness // *Curriculum Journal*. – 2005. – № 1 (16). – P. 31–47.
163. McNair, B. *An introduction to Political Communication* / B. McNair. – New York : Routledge, 2011. – 256 p.
164. Meadows, B. *Distancing and Showing Solidarity via Metaphor and Metonymy in Political Discourse: A Critical Study of American Statements on Iraq during the Years 2004-2005* / B. Meadows // *Critical Approaches to Discourse Analysis Across Disciplines*. – 2005. – № 1 (2). – P. 1–17.

165. Moreno, R. E. Metaphor interpretation and emergence. / R. E. Moreno // UCL Working Papers in Linguistics. – 2004. – № 16. – P. 297–322.
166. Morgenthau, H. J. Politics among nations: the struggle for power and peace / H. J. Morgenthau. – New York : Alfred A. Knopf, 1948. – 688 p.
167. Murphy, J. Revisiting the apology as a speech act: The case of parliamentary apologies / J. Murphy // Journal of Language and Politics. – 2015. – № 14 (2). – P. 175–204.
168. Musolff, A. Political imagery of Europe: A house without exit doors? / A. Musolff // Journal of Multilingual and Multicultural Development. – 2000. – № 21 (3). – P. 216–229.
169. Musolff, A. Metaphor and conceptual evolution [Электронный ресурс] / A. Musolff // metaphorik.de. – 2004. – № 7. – P. 55–75. – Режим доступа: https://www.metaphorik.de/sites/www.metaphorik.de/files/journal-pdf/07_2004_musolff.pdf.
170. Musolff, A. Metaphor scenarios in public discourse / A. Musolff // Metaphor and Symbol. – 2006. – № 21 (1). – P. 23–38.
171. Musolff, A. Cross-cultural variation in deliberate metaphor interpretation / A. Musolff // Metaphor and the Social World. – 2016. – № 6 (2). – P. 205–224.
172. Mutz, D. C. The workplace as a context for cross-cutting political discourse / D. C. Mutz, J. J. Mondak // Journal of Politics. – 2006. – № 68 (1). – P. 140–155.
173. Ortony, A. Metaphor and thought / A. Ortony. – Cambridge : Cambridge University Press, 1979. – 696 p.
174. Palmatier, R. A. Sports talk: A dictionary of sports metaphors / R. A. Palmatier, H. L. Ray // Santa Barbara: Greenwood, 1989. – 245 p.
175. Paluszkiewicz-Misiaczek, M. Mythical Canada in Polish minds: the image of Canada in Polish literature / M. Paluszkiewicz-Misiaczek // Ad American. – 2014. – № 15. – P. 103–116.
176. Pilkington, A. Metaphor comprehension: Some questions for current accounts in relevance theory / A. Pilkington // Explicit communication: Robyn Carston's pragmatics; S. Belin, R. Esther (eds.). – 2010. – P. 156–172.

177. Polzenhagen, F. Cognitive Explorations into Metaphor and Metonymy (1st ed.). / F. Polzenhagen, Z. Kuvacs, S. Vogelbacher, S. Kleinke. – Bern : Peter Lang, 2014. – 322 p.
178. Piata, A. When metaphor becomes a joke: Metaphor journeys from political ads to internet memes / A. Piata // Journal of Pragmatics. – 2016. – № 106. – P. 39–56.
179. Random House. Random House Kernerman Webster's College Dictionary. – Dictionaries Ltd, 2010. – 1600 p.
180. Randour, F. Twenty years of research on political discourse: A systematic review and directions for future research / F. Randour, J. Perrez, M. Reuchamps // Discourse and Society. – 2020. – № 31 (4). – P. 428–443.
181. Rechsteiner, K. Metaphors for trauma: A cross-cultural qualitative comparison in Brazil, India, Poland, and Switzerland / K. Rechsteiner, A. Maercker, E. Heim, I. Meili // Journal of Traumatic Stress. – 2020. – № 33 (5). – P. 643–653.
182. Ricoeur, P. The metaphorical process as cognition, imagination, and feeling / P. Ricoeur // Critical Inquiry. – 1978. – № 5 (1). – P. 143–159.
183. Rohrer, T. The metaphorical logic of (political) rape: The new wor(l)d order / T. Rohrer // Metaphor and Symbol. – 1995. – № 10 (2). – P. 115–137.
184. Romero, E. Relevance theory and metaphor. Linguagem em (Dis)curso / E. Romero, B. Soria. – LemD, Tubarro, SC. – 2014. – № 14. – P. 489–509.
185. Schaffner C. Political speeches and discourse analysis / C. Schaffner // Current Issues in Language and Society. – 1996. – № 3 (3). – P. 201–204.
186. Schoor, C. Political metaphor, a matter of purposeful style: On the rational, emotional and strategic purposes of political metaphor / C. Schoor // Metaphor and the Social World. – 2015. – № 5 (1). – P. 82–101.
187. Searle, J. R. Speech act theory and pragmatics / J. R. Searle, F. Kiefer, M. Bierwisch. – Dordrecht, Holland : D. Reidel, 1980. – Vol. 10. – 317 p.
188. Sharifi S. Role of Body Members in Constructing Metaphors in Persian Political Texts / S. Sharifi, A. F. Pooresfahani, A. F. Pooresfahani // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2012. – № 3. – P. 171–178.

189. Simons, A. Form, genre, and the study of political discourse / H. W. Simons, A. A. Aghazarian. – Columbia : University of South Carolina press, 1986. – 377 p.
190. Solopova, O. A. War yesterday and today: The image of Russia in British media discourse / O. A. Solopova, S. L. Kushneruk // Russian Journal of Linguistics. – 2021. – № 25 (3). – С. 723–745.
191. Sperber, D. Relevance: Communication and cognition / D. Sperber, D. Wilson. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 1986. – 292 p.
192. Sperber D. A deflationary account of metaphors / D. Sperber, D. Wilson // The Cambridge handbook of metaphor and thought / W. Raymond, J. Gibbs (eds.). – Cambridge : Cambridge University Press, 2008. – P. 84–106.
193. Steen, G. From linguistic to conceptual metaphor in five steps / G. Steen // Amsterdam Studies in the Theory and History of Linguistic Science Series. – 1999. – № 4. – P. 57–78.
194. Steen, G. A method for linguistic metaphor identification from MIP to MIPVU preface. Method for Linguistic Metaphor Identification: From MIP to MIPVU / G. J. Steen, A. G. Dorst, J. B. Herrmann, A. Kaal, T. Krennmayr, T. Pasma. – Amsterdam : John Benjamins, 2010. – 250 p.
195. Steen, G. From three dimensions to five steps: The value of deliberate metaphor [Электронный ресурс] / G. Steen // Metaphorik.de. – 2011. – № 21. – С. 83–110. – Режим доступа: <https://www.metaphorik.de/en/book/export/html/375>.
196. Steen, G. Developing, testing and interpreting deliberate metaphor theory / G. Steen // Journal of Pragmatics. – 2015. – № 90 (1). – P. 67–72.
197. Stöver, H. Metaphor and relevance theory: a new hybrid model : Doctoral Dissertation of Philology / Stöver Hanna. – University of Bedfordshire, 2010. – 230 p.
198. Taverniers, M. Metaphor in pragmatics / M. Taverniers // The Routledge handbook of pragmatics; A. Barron, Y. Gu, G. Steen (eds.). – Routledge, 2017. – P. 323–340.
199. Tay, D. THERAPY IS A JOURNEY as a discourse metaphor / D. Tay // Discourse Studies. – 2011. – № 13 (1). – P. 47–68.

200. Tendahl, M. Complementary perspectives on metaphor: Cognitive linguistics and relevance theory / M. Tendahl, Jr. R. W. Gibbs // *Journal of Pragmatics*. – 2008. – № 40 (11). – P. 1823–1864.
201. Thompson, S. Politics without metaphor is like a fish without water / S. Thompson // *Metaphor: Implications and Applications*; J. Scott Mio, N. A. Katz (eds.). – New Jersey : Lawrence Erlbaum Associations Publishers, 1996. – P. 185–201.
202. Tuchman, G. Blogs and news processes: Net neutrality and digital inequality / G. Tuchman, S. Ostertag // *Participation and media production: critical reflections on content creation*. – 2008. – P. 57–68.
203. Van Dijk T A. Structures of discourse and structures of power / T. A. Van Dijk // *Annals of the International Communication Association*. – 1989. – № 12 (1). – P.18–59.
204. Van Dijk, T. A. Principles of critical discourse analysis / T. A. Van Dijk // *Discourse and Society*. – 1993. – № 2 (4). – P. 249–283.
205. Van Dijk T. A. *Elite Discourse and Racism* / T. A. Van Dijk. – London: Sage Publications, 1993. – 336 p.
206. Van Dijk, T. A. *Ideology: A Multidisciplinary Approach* / T. A. Van Dijk. – London : Sage Publications, 1998. – 384 p.
207. Venuti, L. Translation, authorship, copyright / L. Venuti // *The Translator*. – 1995. – № 1 (1). – P. 1–24.
208. Vestermark, I. Metaphors in politics: A study of the metaphorical personification of America in political discourse [Электронный ресурс] / I. Vestermark // Lulea University of Technology and Culture. – 2007. – Режим доступа: <http://epubl.ltu.se/1402-1773/2007/080/LTU-CUPP-07080-SE.pdf>.
209. Voss, J. F. Experts at debate: The use of metaphor in the US Senate debate on the Gulf Crisis / J. F. Voss, J. Kennet, J. Wiley, T. Y. Schooler // *Metaphor and Symbolic Activity*. – 1992. – № 7 (3–4). – P. 197–214.
210. Vraciu, M. Russia(n) in context: aspects of metaphor in the Russian political discourse / M. Vraciu // *International Journal of Communication Research*. – 2012. – № 2 (4). – P. 310–324.

211. Wendt, A. *Social Theory of International Politics* / A. Wendt. – Cambridge : Cambridge University Press, 1999. – 450 p.
212. Wibben, A. T. R. *On narrative, metaphor and the politics of security* / A. T. R. Wibben // *Warring with Words*; M. Hanne, W. D. Crano, J. S. Mio (eds.). – New York : Psychology Press, 2014. – P. 128–146.
213. Wilson, J. *Political Discourse* / J. Wilson // *The Handbook of Discourse Analysis*; D. Shiffrin, D. Tannen, H. E. Hamilton (eds.). – Oxford, UK : Wiley-Blackwell, 2001. – P. 398–415.
214. Wodak, R. *Language, power, and ideology: studies in political discourse* / R. Wodak. – Amsterdam, Philadelphia : J. Benjamins Pub. Co, 1989. – 308 p.
215. Wodak, R. *Methods of Critical Discourse Analysis* / R. Wodak, M. Meyer. – London : Sage Publications, 2001. – 200 p.
216. Zeng, W. H. *Framing metaphor use over time: ‘Free Economy’ metaphors in Hong Kong political discourse (1997–2017)* / W. H. Zeng, C. Burgers, K. Ahrens // *Lingua*. – 2021. – № 252 (1). – P. 1–16.
217. Zglobiu, R. O. *Metaphor, Metonymy and Analogy in Political Discourse* / R. O. Zglobiu // *Studia Universitatis Babes-Bolyai. Philologia*. – 2006. – № 2. – P. 133–137.
218. Zinken, J. *Discourse metaphors: The link between figurative language and habitual analogies* / J. Zinken // *Cognitive Linguistics*. – 2007. – № 18 (3). – P. 445–466.
219. Zinken, J. *Discourse metaphors*. / J. Zinken, I. Hellsten, B. Nerlich // *Body, Language and Mind*. – 2008. – № 2. – P. 363–385.
220. 陈丽江 (Chen Lijiang). *文化语境与政治话语: 政府新闻发布会的话语研究* : Doctoral dissertation of Philology / 陈丽江. – 上海, 2007. – 295 p.
221. 陈茜 (Chen Qian). *A diachronic analysis of metaphor clusters in Chinese and American leaders’ political speeches* / 陈茜. – 西安, 2016. – 102 p.
222. 陈勇 (Chen Yong). *隐喻政治与政治隐喻: 论美国政治家的政治隐喻* / 陈勇, 刘肇云 // *外语教学*. – 2009. – № 30 (1). – P. 25–29.
223. 崔艳辉 (Cui Yanhui). *中西颜色隐喻认知分析及其文化探源* / 崔艳辉 // *长春工业大学学报 : 社会科学版*. – 2012. – № 5. – P. 124–128.

224. 崔莹辉 (Cui Yinghui). 从美国总统竞选析政治语言的修辞艺术 / 崔莹辉 // 黄海学术论坛. – 2015. – № 1. – P. 229–239.
225. 丁芳芳 (Ding Fangfang). 关联理论与隐喻翻译 / 丁芳芳 // 成都大学学报 : 教育科学版. – 2008. – № 22 (6). – P. 121–123.
226. 丁磊 (Ding Lei). National image and its influence upon inter-state behaviors / 丁磊. – 北京 : 知识产权出版社, 2010. – 233 p.
227. 董杰华 (Dong Jiehua). 中美国家领导人政治演讲的语类对比研究 / 董杰华. – 上海, 2011. – 70 p.
228. 甘险峰 (Gan Xianfeng). 美国主流媒介文本中的中国形象变迁——基于普利策新闻奖获奖作品中中国题材的梳理 / 甘险峰 // 新闻大学. 2010. – № 2. – P. 70–72.
229. 高旭东 (Gao Xudong). 比较文学实用教程 / 高旭东, 杨慧林, 江玉琴. – Beijing : Peking University Press, 2011. – 352 p.
230. 黄华新 (Huang Huaxin). Metaphor interpretation and motivation in relevance theory / 黄华新, 杨小龙 // Journal of Pragmatics. – 2014. – № 60. – P. 266–273.
231. 黄江云 (Huang Jiangyun). A study on the translation strategies of English advertising texts based on Peter Newmark's translation theory / 黄江云. – 商情, 2017. – P. 261–264.
232. 黄秋林 (Huang Qiulin). 政治隐喻的历时分析——基于《人民日报》(1978–2007)两会社论的研究 / 黄秋林, 吴本虎 // 语言教学与研究. – 2009. – № 5. P. 91–96.
233. 季姣姣 (Ji Jiaojiao). 基于文化翻译观的中国政治文本特色词汇翻译策略研究 / 季姣姣 // Modern Linguistics. – 2022. – № 11. – P. 2390–2395.
234. 纪燕 (Ji Yan). 习近平总书记政治话语的概念隐喻分析 / 纪燕 // 中北大学学报 (社会科学版). – 2018. – № 34 (5). – P. 120–125.

235. 姜智芹 (Jiang Zhiqin). 镜像后的文化冲突与文化认同: 英美文学中的中国形象 / 姜智芹. – Beijing : Chinese Publishing House, 2008. – 418 p.
236. 金花漫 (Jin Huaman). 奥巴马就职演说辞的隐喻特色解读 / 金花漫 // 西南科技大学学报: 哲学社会科学版. – 2011. – № 28 (4). – P. 41–44.
237. 金正昆 (Jin Zhengkun). 国家形象的塑造: 中国外交新课题 / 金正昆, 徐庆超 // 中国人民大学学报. – 2010. – № 2. – P. 119–127.
238. 李少军 (Li Shaojun). 论中国双重身份的困境与应对 / 李少军 // 世界经济与政治. – 2012. – № 4. – P. 4–20.
239. 廖美珍 (Liao Meizhen). 隐喻语篇组织功能研究——标题与正文之间的组织关系 / 廖美珍 // 外语教学与研究. – 2007. – № 39 (3). – P. 177–183.
240. 林国华 (Lin Guohua). 自由海洋及其敌人: 海国图志学刊 / 林国华. – 上海: 上海人民出版社, 2012. – 168 p.
241. 刘函 (Liu Han). 论文化差异对隐喻理解的影响 / 刘函 // 安徽冶金科技职业学院学报. – 2007. – № 17 (1). – P. 120–124.
242. 刘继南 (Liu Jinan). 当前国家形象建构的主要问题及对策. / 刘继南, 何辉 // 国际观察. – 2008. – № 1. – P. 29–36.
243. 刘娜 (Liu Na). 浅析认知框架与隐喻的文化翻译策略 / 刘娜 // Journal of Language and Literature Studies. – 2013. – № 9. – P. 54–55.
244. 刘艳房 (Liu Yanfang). 国家形象及中国国家形象战略研究综述 / 刘艳房, 张骥 // 探索. – 2008. – № 2. – P. 69–74.
245. 卢卫中 (Lu Weizhong). 中国政治话语隐喻及其翻译研究——以十九大报告为例 / 卢卫中, 李一, 徐云秋, 管琳 // 翻译论坛. – 2019. – № 000 (001). – P. 12–18.
246. 罗竹风 (Luo Zhufeng). 汉语大词典 / 罗竹风. – Shanghai : Publishing House of an Unabridged Chinese Dictionary, 2001. – 18481 p.
247. 马敏 (Ma Min). 政治语言: 作为话语霸权基础的结构——功能分析 / 马敏 // 中共浙江省委党校学报. – 2004. – № 4. – P. 34–38 p.

248. 马琼 (Ma Qiong). 东南亚华文传媒与中国国家形象研究 —以联合早报网和凤凰网关于中国十八届三中全会的报道为例 / 马琼. — 厦门大学, 2014. — 68 p.
249. 梅春才 (Mei Chuncai). 政治隐喻的模式功能探讨——以普京总统国情咨文中的政治隐喻为例 / 梅春才, 张岩 // 神州. — 2013. — № 16. — P. 249–250.
250. 孟宏党 (Meng Hongdang). 论西方文化中的机器隐喻 / 孟宏党 // 社会科学家. — 2009. — № 11. — P. 155–157.
251. 苗兴伟 (Miao Xingwei). 隐喻的语篇功能研究 / 苗兴伟, 廖美珍 // 外语学刊. — 2007. — № 6. — P. 51–56.
252. 莫慧芳 (Mo Huifang). 认知视域下习近平政治话语的隐喻研究 / 莫慧芳 // 唐山师范学院学报. — 2020. — № 042 (001). — P. 31–35.
253. 庞建 (Pang Jian). 模糊修辞的语用分析:政治文本的语例研究 / 庞建. — Beijing : Foreign language teaching and research press, 2007. — 194 p.
254. 彭增安 (Peng Zengan). 隐喻研究的新视角 / 彭增安. — 山东 : 山东文艺出版社, 2006. — 239 p.
255. 齐晓庆 (Qi Xiaoqing). 自然灾害媒体报道的隐喻架构对比分析——基于2020年中国南方系列洪灾和2008年汶川大地震的相关报道 / 齐晓庆 // 考试与评价 : 大学英语教研版. — 2021. — № 2. — P. 108–111.
256. 束定芳 (Shu Dingfang). 隐喻研究的若干新进展 / 束定芳 // 英语研究. — 2017. — № 2. — P. 71–79.
257. 孙一赫 (Sun Yihe). 批评性话语分析视角下政治话语翻译实践报告 : Masters dissertation of Arts / 孙一赫. — 西安, 2020. — 145 p.
258. 孙有中 (Sun Youzhong). 国家形象的内涵及其功能 / 孙有中 // International Forum. — 2002. — № 4. — P. 14–21.
259. 陶玫 (Tao Mei). 教育隐喻的文化认知研究 : Doctoral dissertation of Philology / 陶玫. — 重庆, 2015. — 183 p.
260. 王瀚东 (Wang Handong). 论媒介政治语言的研究——从“巴黎骚乱”的新闻报道说开去 / 王瀚东, 胡华涛 // 学术界. — 2006. — № 4. — P. 40–49.

261. 王思齐 (Wang Siqi). 国家软实力的模式建构 : Doctoral dissertation of Philology / 王思齐. – 杭州, 2011. – 236 p.
262. 文旭 (Wen Xu). 政治话语与政治隐喻 / 文旭 // 当代外语研究. – 2014. – № 14 (09). – P. 11–16.
263. 吴飞 (Wu Fei). 流动的中国国家形象: “中国威胁论” 的缘起与演变 / 吴飞 // 南京社会科学. – 2015. – № 9. – P. 7–16.
264. 吴友富 (Wu Youfu). 对外文化传播与中国国家形象塑造 / 吴友富 // 国际观察. – 2009. – № 1. – P. 8–15.
265. 项成东 (Xiang Chengdong). 英汉动物隐喻的跨文化研究 / 项成东, 王茂 // 现代外语. – 2009. – № 3. – P. 239–247.
266. 相德宝 (Xiang Debao). 自媒体时代的中国对外传播策略 / 相德宝 // 当代传播. – 2011. – № 6. – P. 98–101.
267. 向二兰 (Xiang Erlan). 隐喻的语用学解读 / 向二兰, 侯国金 // 武汉理工大学学报: 社会科学版. – 2005. – № 18 (2). – P. 249–253.
268. 谢菁 (Xie Jing). 中医病因病机语言中的战争隐喻 / 谢菁, 贾春华 // 中医药学报. – 2011. – № 39 (6). – P. 1–4.
269. 邢巍 (Xing Wei). Newmark 文本翻译理论视角下法律文本英译实践报告 / 邢巍. – 哈尔滨, 2014. – 68 p.
270. 熊敏芳 (Xiong Minfang). 汉语中常用金属词语的隐喻模式 / 熊敏芳. – 江西, 2012. – 77 p.
271. 薛可 (Xue Ke). 国家形象塑造中的媒体角色——以汶川地震报道为文本 / 薛可, 余明阳 // 国际新闻界. – 2008. – № 11. – P. 58–64.
272. 薛忠义 (Xue Zhongyi). 当代中国政治传播研究综述 / 薛忠义, 刘舒, 李晓颖 // Cass Journal of Political Science. – 2012. – № 5. – P. 102–110.
273. 张程锦 (Zhang Chengjin). 政治演讲的修辞特色分析——以美国总统奥巴马获胜演讲为例 / 张程锦, 张世忠 // 太原城市职业技术学院学报. – 2010. – № 2. – P. 191–192.

274. 张广林 (Zhang Guanglin). 隐喻的认知观与隐喻翻译策略 / 张广林, 薛亚红 // 东北师大学报: 哲学社会科学版. – 2009. – № 4. – P. 185–188.
275. 张国勇 (Zhang Guoyong). 中美政治隐喻差异性理据及特点分析 / 张国勇, 陈勇 // 湖南社会科学, 2016. – P. 36–39.
276. 张蕾 (Zhang Lei). 政治话语中建筑隐喻的未来建构 / 张蕾 // 天津外国语大学学报. – 2018. – № 25 (4). – P. 56–65.
277. 张玉 (Zhang Yu). 日本报纸中的中国国家形象研究(1995-2005)——以《朝日新闻》和《读卖新闻》为例 / 张玉 // 新闻与传播研究. – 2007. – № 14 (4). – P. 75–83.
278. 赵鸿燕 (Zhao Hongyan). 外交复合关系的隐喻建构——基于韩国纪录片《超级中国》的案例分析 / 赵鸿燕 // 国际新闻界. – 2017. – № 39 (4). – P. 95–116.
279. 赵雪波 (Zhao Xuebo). 关于国家形象等概念的理解 / 赵雪波 // 现代传播: 中国传媒大学学报. – 2006. – № 5. – P. 63–65.
280. 郑金洲 (Zheng Jinzhou). 若干教育隐喻探源 / 郑金洲 // 教育发展研究. – 1997. – № 9. – P. 5–9.
281. 周立波 (Zhou Libo). 政府工作报告中隐喻的翻译策略与方法 / 周立波 // 青年与社会. – 2019. – № 000 (033). – P. 297–298.
282. 周宁 (Zhou Ning). 天朝遥远: 西方的中国形象研究 / 周宁. – Beijing : Peking University Press, 2006. – 862 p.
283. 周宁 (Zhou Ning). 世界之中国: 域外中国形象研究 / 周宁. – Nanjing : Nanjing University Press, 2007. – 404 p.
284. 周宁 (Zhou Ning). 隐藏了欲望与恐怖的梦乡: 二十世纪西方的中国形象 / 周宁 // Taiwan Hongkong and Overseas Chinese Literature. – 2008. – № 3. – P. 81–87.
285. 朱文莉 (Zhu Wenli). 英汉金属词“Iron”和“铁”的概念隐喻认知对比研究 / 朱文莉, 卓静 // 现代语文: 下旬. 语言研究. – 2017. – № 9. – P. 132–134.
286. 邹幸居 (Zou Xingju). 公共卫生安全应急话语篇章隐喻的认知阐释 / 邹幸居 // 杭州电子科技大学学报: 社会科学版. – 2022. – № 18 (5). – P. 71–78.